

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова»
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»
ФГБУ «ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения»

С. Б. Пономарёв

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
С ПОЗИЦИИ ЭТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
И ТЕОРИИ СИСТЕМ

Монография

Издательство ИжГТУ
имени М. Т. Калашникова
Ижевск 2017

УДК 316.35
ББК 60.55я7
П56

Рецензенты:

К. К. Горяинов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва;

А. М. Пономарев, доктор философских наук, профессор, директор Удмуртского филиала по исследованию проблем этнополитики и государства УрО РАН, г. Ижевск

Автор

С. Б. Пономарёв, доктор медицинских наук, профессор, начальник филиала ФКУ НИИ ФСИН России, заслуженный врач Российской Федерации

В оформлении обложки использован фрагмент репродукции Иеронима Босха «Сад земных наслаждений»

Пономарёв, С. Б.

П56 Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем : монография. – Ижевск : Изд-во ИжГТУ имени М. Т. Калашникова. – 144 с.

ISBN 978-5-7526-0783-7

Предлагаемая вниманию читателей монография содержит анализ тюремной субкультуры в России с позиции этологии человека и теории систем. В ней рассмотрены особенности, структура и развитие тюремного социума как сложной социобиологической самоорганизующейся системы.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей философских, технических, биологических и юридических дисциплин, аспирантов и студентов. Может быть интересно всем интересующимся проблемами изучения тюремной субкультуры.

УДК 316.35
ББК 60.55я7

ISBN 978-5-7526-0783-7

© Пономарёв С. Б., 2017
© ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2017
© Оформление. Издательство ИжГТУ
имени М. Т. Калашникова, 2017

Содержание

Введение. О некоторых проблемах системы исполнения наказаний	4
<i>Глава 1. Тюремная субкультура как социальная проблема</i>	14
<i>Глава 2. Опыт тюремного кастоведения. Тюремная субкультура и древнеиндийское кастовое общество: социокультурные параллели</i>	38
<i>Глава 3. Тюремная субкультура сквозь призму этологии человека</i>	73
<i>Глава 4. Этология тюремных сообществ с позиции теории систем</i>	94
Заключение	119
Список литературы	127
Слова тюремного арго, встречающиеся в книге	139

Введение. О некоторых проблемах системы исполнения наказаний

Мы вовсе не врачи – мы боль.

А. И. Герцен

Уважаемые читатели! Разрешите начать книгу «Этология тюремных сообществ. Тюремная субкультура с позиции этологии человека и теории систем» необычно, с короткой преамбулы, обусловленной невольной мысленной ассоциацией, возникшей у автора между, казалось бы, далеко отстоящими и несвязанными друг с другом явлениями. Первое касается вышедшей в свет в далеком 1966 году фантастической повести «Улитка на склоне» известных отечественных писателей Аркадия и Бориса Стругацких, второе – раздумий автора по поводу современного состояния пенитенциарной системы и пенитенциарной науки [116, 146].

Итак, повесть-антиутопия «Улитка на склоне» писателей-фантастов Стругацких известна как самое неоднозначное и странное их произведение. Самими Стругацкими оно оценивалось как их наиболее значительное литературное творение. В нем авторами описана некая реальность, состоящая из двух миров. Первый мир – это Лес, занимающие полматерика джунгли, в которых обитают фантастические твари: шагающие деревья, мертвяки, русалки, гигантские муравьи, гиппоцеты, лианы-ползуны, ядовитая синяя трава и прочие творения буйной фантазии братьев-фантастов. В Лесу живут аборигены: племена людей, находящихся на крайне примитивном уровне развития. А изучением Леса занимается специальное Управление, в котором работает большой штат научных сотрудников. Они проводят бесконечные совещания, пишут методические руководства, издают приказы и директивы, защищают диссертации, посвященные проблемам Леса. При этом ни один из них в Лесу не бывал, с жизнью обитателей Леса незнаком. Управление занимается несколькими

взаимоисключающими задачами: искоренением Леса, охраной Леса и изучением Леса.

Нужно сказать, что автор монографии не является большим поклонником творчества Стругацких. Так, в той же «Улитке на склоне» видны заимствования и перепевы произведений различных авторов: Франца Кафки («Замок»), Михаила Булгакова («Дьяволиада»), а также малоизвестного в СССР на момент написания повести американского фантаста Гарри Гаррисона («Неукротимая планета»). Однако при прочтении данного литературного произведения невольно возникает мысль о схожести сюжетов, в гротескном виде изложенных братьями-фантастами, с теми проблемами, которые стоят перед учеными-пенитенциаристами [36], стратегически определяющими пути развития социального института исполнения наказаний.

Известно, что его основными задачами являются:

- 1) наказание совершившего преступное деяние гражданина;
- 2) перевоспитание преступника;
- 3) предупреждение дальнейших преступлений.

Но в этом наборе задач (как и у существующего в мире Стругацких Управления) есть очевидное противоречие. Разве может быть эффективным исправление уже вполне сформировавшейся личности преступника в коллективе, где сконцентрированы носители криминальной субкультуры? И разве не противоречит страх перед помещением в места лишения свободы (как необходимый атрибут наказания) наличию целой системы психологической помощи и социальной поддержки, существующей в уголовно-исполнительной системе. Бесплатное медицинское обслуживание, комнаты психологической разгрузки, арт-терапия, сказкотерапия, эстетотерапия, законодательно закрепленное право отказа от работы, полное государственное обеспечение, услуги врача, психолога и воспитателя: все это отнюдь не ассоциируется в общественном сознании с задачей возмездия за совершенное преступление.

В качестве иллюстрации приведем только одну цифру: содержание одного заключенного в России обходится бюджету российского государства более чем в 30 тысяч рублей в месяц. Сравните с зарплатой врача или учителя. А ведь врач и учитель

выполняют социально полезную работу. Они трудятся на благо общества, чего не скажешь о гражданах, содержащихся в местах лишения свободы, где на сегодня крайне мал уровень вовлеченности осужденных в трудовую деятельность.

В. Я. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева пишут по поводу глубинных противоречий системы исполнения наказаний: «Тюрьмы являются иллюстрацией противоречивости человеческого общества, разрыва между тем, что достигнуто, и тем, что предстоит достичь... Общество становится все более и более гуманным, но уничтожить тюрьмы еще не может, поскольку они являются опорой существования государства и общества... С одной стороны, узникам надо помочь, с другой – их необходимо изолировать, так как они опасны для общества» [129].

Противоречия, заложенные в идеологии института исполнения наказания, реализуются на практике: известны случаи, когда заканчивающие срок отбывания наказания осужденные отказывались покидать стены исправительного учреждения, так как жизнь на воле для них была тяжелее и сложнее, чем жизнь в «тюрьме» (под словом «тюрьма» здесь и далее будем понимать социокультурный институт, осуществляющий наказание в виде лишения прав и свободы [83]), где такой гражданин всегда вовремя может получить свою порцию питания, обратиться за медицинской помощью, где нет проблем с жильем и одеждой. И совершение очередного преступления подсознательно имеет для него целью скорейшее помещение в исправительное учреждение, где существуют режим и порядок, где окажут медицинскую помощь, накормят и обогреют. К сказанному нужно добавить, что уровень рецидива преступлений после отбытия наказания в виде лишения свободы в настоящее время достигает в ряде случаев почти 50 %, и не является чем-то исключительным наличие у осужденного 8–10 «ходов». А максимальный уровень суицида среди осужденных наблюдается непосредственно перед освобождением, во многом – как реакция перед грядущими трудностями и неопределенностями жизни «на воле».

Нужно отметить, что описанное явление (бессознательное стремление преступника вернуться в места лишения свободы и ощущение тюрьмы, как «родного дома», в котором существу-

ют понятные правила и нормы и пребывать в котором более комфортно, нежели жить на воле) было давно отмечено исследователями и получило название «тюремизация» или «призони-зация» [18, 28, 170].

Можно привести и другие примеры, отражающие противоре-чия, существующие в системе исполнения наказаний. Например, во время недавней громкой кампании по гуманизации содержа-ния лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, про-водимой под руководством бывшего директора ФСИН генерал-полковника внутренней службы А. А. Реймера, выяснилось, что в ряде случаев условия жизни заключенных оказались лучше, чем таковые у персонала исправительного учреждения. Прожи-вающие в деревянных постройках (с «удобствами» во дворе, печным отоплением и отсутствием «зимнего» водопровода) со-трудники стали завидовать жизни «зеков», у которых в каждом кубрике имелся теплый туалет и горячее водоснабжение.

А о постоянных исках в судебные инстанции (включая Евро-пейский суд по правам человека) и говорить не приходится. Це-лая армия продажных адвокатов и «правозащитников» неуто-мимо ищет малейшие зацепки и огрехи в деятельности Феде-ральной службы исполнения наказаний. Тяжелее всего, по мнению автора, в этой ситуации пенитенциарным медикам. Именно на их долю приходится трудная работа по общению с гражданами, отбывающими наказание. Потребительское от-ношение к жизни, аггравация, симуляция, мщение за собствен-ные неудачи, хамство, угрозы, асоциальное поведение – вот стандартный набор явлений, с которыми приходится сталки-ваться врачам и среднему медицинскому персоналу, работаю-щим в местах лишения свободы. Добавим сюда также каждо-дневную опасность для медиков инфицирования возбудителя-ми туберкулеза, гепатита, ВИЧ-инфекцией. Нужно отметить, что максимальное количество жалоб осужденных касается именно медицинского обслуживания – оказавшись в местах лишения свободы, совершившие преступные деяния граждане, обладающие, как правило, безнравственными поведенческими установками, имеющие жизненной целью обман и достижение личной выгоды любой ценой, моментально «заболевают» и тре-

буют оказания положенной им по закону бесплатной и высокотехнологичной медицинской помощи.

Необходимо сказать, что существующие противоречия в практике исполнения наказаний многократно усиливаются за счет наблюдающегося в последние десятилетия распространения и усиления влияния так называемой «тюремной субкультуры» – совокупности духовных и моральных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы [150, 157, 158, 178, 179].

Тюремная субкультура «...характеризуется наличием у группы преступников особой структуры межличностных взаимоотношений, сложной системы неформальных норм (традиций, обычаев), регулирующих их поведение, жаргона, татуировок и других внешних атрибутов, а также – особой шкалы ценностей и способов их достижения» [56].

Следует особо подчеркнуть, что *тюремная субкультура* – это интернациональное явление и устойчивое мнение об общем кризисе пенитенциарной системы, широко распространено именно в так называемых «цивилизованных» странах, где общество давно уже не может справиться с торжествующей системой неформальных норм, которая определяет отношения между осужденными. Как считает Т. Матисен (Т. Mathieesen): «...в течение всей своей истории на практике тюрьма никогда не обеспечивала реабилитации, заключение никогда не приводило к возвращению людей в общество» [177]. В книге М. Фуко «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (М. Foucault “Surveiller et punir: Naissance de la prison”) [154, 173] приведены соображения автора по поводу сущности института исполнения наказаний, которые можно свести к следующим основным тезисам:

- тюремное сообщество организует обучение неопытных преступников воровским профессиям и превращает их в профессиональных преступников-рецидивистов;

- тюремное заключение не снижает уровень преступности, не исправляет преступников;

- существование в тюрьме – это, в конечном счете, привычный и удобный образ жизни арестантов, позволяющий им не заботиться о еде и жилище, о поисках работы и средств к существованию;

– тюрьма организует преступное сообщество, построенное по иерархическому принципу.

С этими суждениями во многом согласны и отечественные ученые-пенитенциаристы [30, 47, 56, 86, 142, 157, 160, 164]. Как отмечает Н. В. Тищенко: «В современной культурной ситуации функционирование пенитенциарной системы не соответствует тем идеологическим основам, которые повлияли на ее формирование» [142].

В качестве подтверждения сказанному нужно отметить, что тюремная администрация западных стран нередко идет на прямое сотрудничество с представителями криминального социума, прямо потакая удовлетворению противоправных действий осужденных. Тут можно упомянуть такие, практикуемые в «демократичных» странах, явления, как узаконенная раздача презервативов для гомосексуальных контактов, метадоновые программы, снабжение заключенных шприцами для введения наркотиков, существование частных тюрем на средства общественных фондов, а реально – воровских «общаков» и т. п.).

Не удивительно, что среди ученых, занимающихся проблемами пенитенциарной системы, распространено мнение об общем кризисе института исполнения наказаний [189, 191]. Так, некоторые авторы стоят на позиции отрицания цели исправления, либо считают, что условия достижения этой цели должны быть конкретизированы и кардинальным образом изменены [46, 117, 149].

Кстати сказать, по этому пути давно идут наши соседи – прагматичные китайцы. В тюремной доктрине, принятой в Китайской Народной Республике, акцент сделан не на исправлении преступников, а именно на устрашающей суровости наказания. При этом изнуряющий труд является обязательным условием отбывания наказания в китайской тюрьме. Что дает, в полном соответствии с формулой прибавочной стоимости, выведенной Карлом Марксом [88], высокую конкурентоспособность наводнивших мировые рынки товаров, производимых на предприятиях «китайского ГУЛАГа».

Таким образом, целым рядом ученых-пенитенциаристов признается, что под влиянием тюремной субкультуры лишение сво-

боды как мера наказания во многом утрачивает такие свои функции, как возмездие, устрашение, перевоспитание и профилактика дальнейших преступлений. «Именно концентрация преступников в одном месте (тюрьма и т. п.) создает ту специфическую среду, которая навязывает свои ценности и оценки без возможности их игнорировать» [56]. «В России, где имеет место влияние тюремной субкультуры, места лишения свободы интерпретируются как социальные пространства, способствующие повышению социального статуса и приобретения уникального опыта. Пребывание в местах лишения свободы не означает прерывание криминального опыта, а, напротив, способствует его расширению и трансформации в более важный – тюремный опыт» [141]. Таким образом, по мнению многих специалистов, тюрьмы не обеспечивают выполнение своей основной функции – исправления заключенных [83, 125, 164]. И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасова пишут: «Тюремное заключение в целом оказывает негативное воздействие на личность заключенного и не способствует его перевоспитанию и включению в нормальную жизнь» [83]. О бесплодности попыток исправления личности преступника в условиях отбывания наказания сообщают А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко [112]. Как отмечают авторы, именно в тюрьме «шлифуются преступные навыки, приобретаются новые приемы совершения преступных действий, укрепляется сплоченность вокруг значимых идей и криминальных интересов, вырабатывается готовность к агрессии» [112]. Как считает Н. А. Яковлев, в тюрьме наблюдается «полная несостоятельность уголовно-правовых, педагогических и организационных мер» [168].

Кроме того, следует особо подчеркнуть, что тюремная субкультура в настоящее время развивает активное наступление на ценности нашего общества, проникает в повседневную жизнь. Российское общество сегодня «заражено» криминальной субкультурой», считает М. П. Клейменов [56]. «В условиях современной отечественной культуры проникновение ценностей тюремной субкультуры в основные сферы культуры – идеологию, моральные установки, художественное творчество – принимает все более отчетливый характер», – пишет Н. В. Тищенко [142]. Носители криминальной субкультуры делают все для того, что-

бы представить в искаженном, даже извращенном виде работу социального института исполнения наказаний. Тут хотелось бы привести цитату из замечательной книги «Душой и сердцем» ветерана уголовно-исполнительной системы Владислава Ковалева: «...под фарисейским лозунгом всеобщей гласности на „места не столь отдаленные“ обрушился грамотно, даже талантливо срежиссированный шквал критических разоблачений от лица простиитуирующих политических спекулянтов» [59]. И далее: «Сотрудники уголовно-исполнительной системы, из поколения в поколение впитавшие мнимую, навязанную недоброй волей искусственно нагнетаемого общественного мнения ущербность своего поприща, на уровне подсознания смирились со своим прошлыми и, пожалуй, будущими обвинениями. Они в основной массе даже не пытаются протестовать, хотя боль и негодование против организованного напора клеветы – постоянная тема разговоров и эмоциональных всплесков во всей нашей внутриведомственной жизни» [59]. Что ж, лучше и не скажешь...

В лихие девяностые организованная преступность сделала своими опорными базами исправительные учреждения – так называемые «черные зоны», где царит власть «профессиональных» преступников. Оттуда организуются бунты, реализуются разнообразные жульнические схемы, идут «воровские прогоны», здесь вырабатывается стратегия и тактика преступного мира.

Таким образом, актуальность выбранной темы, а именно – попытка по-новому осветить проблемы пенитенциарной субкультуры, которая предпринята в настоящей монографии, не вызывает сомнений. В этой связи возникает чувство недоумения по поводу наблюдающейся в ряде случаев «оторванности» некоторых представителей пенитенциарной науки от реальной жизни, от реальных проблем (опять аналогия с иллюзорным миром Стругащих!). Вместо того чтобы заниматься действительно актуальными вопросами тюремной системы, отдельные члены «пенитенциарного» научного сообщества тратят драгоценное время и государственные деньги на решение совсем других, самокорыстных, дел. Постоянное переписывание одних и тех же псевдонаучных истин и общеизвестных фактов, воровство чужих текстов, мелкотемье, беспринципная погоня за баллами индекса

Хирша и прочая наукообразная деятельность становятся, к сожалению, реальностью пенитенциарной науки (вместе с тем, справедливо отметить и то, что руководством ФСИН делается все больше шагов по очищению коллектива пенитенциарных ученых от вызывающих чувство брезгливости писак-плагиаторов).

Резюмируя сказанное, нужно отметить, что проблема тюремной субкультуры в настоящих условиях приобретает все большую и большую научную актуальность, ибо только через ее анализ можно определить стратегические направления борьбы с организованной преступностью. Поэтому особенно странен недостаток научных исследований в этой области. Некоторые ученые-пенитенциаристы считают чем-то зазорным (а, может быть, и опасным) в открытую писать, например, о существовании «мастей» осужденных. Они словно не видят существующей проблемы или считают ее недостаточно важной. А между тем информация о порядках, нередко царящих в ряде исправительных учреждений, стала достоянием не только средств российской и зарубежной «свободной» прессы, но даже... детского кинематографа. Так, в вышедшей на экраны кинотеатров кинокомедии, посвященной жизни пионерского лагеря, «Каникулы строгого режима» дан полный «расклад» тюремной жизни: «черти», «петухи», «смотрящие», «блатные», «общак» и т. п. А ведь это фильм, предназначенный, в первую очередь, для детской аудитории!

В связи со сказанным нужно отметить, что темные силы преступного мира обращают особое внимание именно на подрастающее поколение. Уже в школе ребенок в наше время сталкивается с таким безобразным явлением, как «АУЕ» – арестантско-уркаганское единство: продуманной системой денежных поборов и «пионерских поручений» в пользу томящихся в застенках «отважных воров» и «бескомпромиссных борцов с режимом». А криминальное сообщество «Общак» в лихие девяностые «вообще организовало систему подготовки „смотрящих за школами“ г. Комсомольска-на-Амуре в лагерях по типу пионерских, где подростки, как правило, из трудных семей, проходили спортивную подготовку и обучались азам воровского дела» [56].

Итак, налицо два вечных вопроса: кто виноват? и что делать? Действительно, в чем заключается причина существования тюремной субкультуры в том виде, в каком она на сегодняшний момент присутствует в нашей стране (большинством ученых признается, что российская тюремная субкультура – это уникальное, не имеющее аналогов в мире, явление)? И почему многочисленные попытки борьбы с тюремной субкультурой не приводят к успеху, а только усиливают влияние криминалитета в тюрьмах? Почему наблюдается ускорение эволюции тюремной субкультуры, ее экспансия, наступление на традиционную культуру нашего общества? И последний вопрос, на который необходимо ответить: какие можно предложить пути борьбы с возрастающим влиянием в российском обществе криминальной и тюремной субкультур?

Естественно, что без четкого понимания сути изучаемого явления дать ответы на все эти вопросы невозможно.

Имея опыт в области исследования проблем пенитенциарной медицины и, будучи по второму высшему (техническому) образованию связан с проблемами математического моделирования, а также являясь профессором по специальности «Экология», автор решил приложить свои знания для изучения внутренних механизмов и движущих сил тюремной субкультуры.

Особенности коллективного поведения людей, оказавшихся в длительных экстремальных условиях, к которым относится пребывание в тюрьме (еще раз подчеркнем, что далее термин «тюрьма» будет употребляться в книге для обозначения всего социального института исполнения наказаний), навели автора на мысль рассмотреть тюремную субкультуру не просто как набор неких характеристик (что делалось ранее многими учеными), а с позиции кибернетики – как сложную систему, подчиняющуюся законам самоорганизующихся систем, к которым относятся биологические, экологические и социальные системы.

Следующее предположение, которое высказывается (и доказывается) в монографии: тюремные социальные отношения можно рассматривать с позиции этологии человека, науки, изучающей поведение человека как представителя животного мира – особи вида *Homo sapiens*.

Глава 1. Тюремная субкультура как социальная проблема

Vexilla regis prodeunt inferni
(Грядут знамена царя Ада).

Д. Алигьери.

Божественная комедия

Как было отмечено выше, значительной проблемой, стоящей перед уголовно-исполнительной системой, является устойчивое существование деструктивной неформальной нормативно-ценностной системы – так называемой тюремной субкультуры («тюремного закона» или «другой жизни») [111].

Необходимо отметить, что среди ученых существуют различные взгляды на сущность субкультур, которые могут рассцениваться как «подсистемы целостной системы культуры общества, как частного случая культуры конкретного этноса, как локальной культуры, стремящейся к замкнутости, как „сгустка“ ценностей, норм, идеалов, к которым притягиваются различные индивиды» [83]. В социологическом словаре субкультура определяется как «...система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающейся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанной с ней» [1]. Как пишет В. В. Тулегенов: «Субкультура – это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы» [144].

При этом наиболее обоснованным можно считать подход, при котором субкультуры рассматриваются как «элементы системы культуры любого общества, как целостные образования внутри господствующей культуры, отличающиеся от последней своими ценностями и нормами, способами их создания, распространения и потребления» [165].

Если рассматривать субкультуры с этих позиций, то логичным является вывод о том, что субкультуры сами по себе не представляют самостоятельного целого явления. Культурный код субкультуры формируется в рамках более широкой системы, определяющей целостность рассматриваемого социума [82]. При этом если большинство субкультур «не претендуют на то, чтобы заместить собой господствующую культуру, то ряд субкультур изначально формировался в качестве альтернативы официально одобряемой культуре, и элемент конфронтационности в них достаточно отчетлив. Именно к такой альтернативной, конфронтационной субкультуре и относится тюремная субкультура» [82].

Известно, в любом социуме во все времена существовала преступность, и везде она обладала собственной субкультурой, которая, впитывая в себя плоды культуры общества и паразитируя на этом обществе, также паразитирует на культуре, являясь ее своеобразным антиподом. Так, Альберт Коэн, автор теории субкультур, отмечал, что криминальная субкультура оказывает противодействие общей культуре [171]. При этом личность получает развитие в изолированной группе, у членов которой есть своя система ценностей, отличающаяся от системы ценностей, существующей в обществе. Личность в такой среде развивается, не воспринимая ценностей культуры в целом [171]. Поэтому конфликт между различными культурами (и субкультурами) представляет собой устойчивый криминогенный фактор [184].

Феномену тюремной субкультуры в пенитенциарной науке посвящено достаточно много специальных исследований. Изучением криминальной и тюремной субкультур в XIX–XXI веках занимались отечественные криминологи, психологи, юристы, социологи, культурологи, философы, праведы, лингвисты: Ю. К. Александров, Н. А. Андреев, В. М. Анисимков, Ю. М. Антонян, В. М. Бехтерев, Ю. И. Блохин, А. Е. Брусневский, А. Г. Бронников, Б. Ф. Водолазский, М. Г. Детков, Д. Г. Донских, Д. А. Дриль, М. Н. Гернет, Я. И. Гишинский, Ю. В. Голик, Е. С. Ефимова, А. А. Иванова, В. Р. Кабо, Б. Б. Казак, П. И. Карпов, Я. М. Коган, Д. А. Корецкий, С. И. Курганов, Д. С. Лихачев,

П. И. Люблинский, И. В. Лысак, А. С. Михлин, А. Н. Олейник, В. Ф. Пирожков, С. В. Познышев, А. Л. Ременсон, А. А. Сидоров, О. В. Старков, Н. А. Стручков, А. И. Сухов, А. А. Тайбаков, Н. В. Тищенко, В. В. Тулегенов, Р. А. Ханипов, Г. Ф. Хохряков, Ю. Ю. Черкасова и многие другие.

Как пишет Н. В. Тищенко: «...в современной отечественной исследовательской литературе можно выделить три направления изучения тюремной субкультуры» [142]:

- 1) Рассмотрение тюремной субкультуры в правовом и криминологическом аспектах.
- 2) Рассмотрение ее в историческом аспекте.
- 3) Рассмотрение ее в социокультурном и антропологическом аспектах.

Несмотря на казалось бы высокую изученность тюремная субкультура является устойчивым и не поддающимся управлению социальным явлением, и многочисленные и многолетние попытки снизить ее влияние среди коллективов осужденных, к сожалению, не всегда приводят к успеху.

В пенитенциарной науке под тюремной субкультурой традиционно понимают «относительно устойчивую совокупность специально выработанных принципов, правил и стандартов поведения, которые разделяются, поддерживаются значительным числом осужденных, детерминируют их активность и определяют положение, а также степень влияния в среде ближайшего окружения (микросреде)» [94, 95]. Она является «духовной и материальной основой существования и деятельности преступного мира, живущего по своим законам» [36].

В местах лишения свободы формируются совершенно особые нормы и ценности, специфичное мировосприятие, своеобразная символика и мифология [111]. Поэтому тюремная субкультура является наиболее маргинальной из всех существующих субкультур [160].

У исследователей до сих пор нет единого взгляда на сущность тюремной субкультуры [82, 144]. Мало того, ряд авторов считает тюремную субкультуру до сих пор малоизученным социальным феноменом [57]. «Серьезной проблемой при изучении тюремной субкультуры является несогласованность методоло-

гической позиции авторов, в связи с чем тюремная субкультура трактуется ими по-разному» [83].

Так, А. Н. Олейник считает тюремной субкультурой «совокупность норм и ценностей, преимущественно неписанных, структурирующих взаимодействия между находящимися в заключении людьми» [101].

Ю. А. Дмитриев и Б. Б. Казак определяют тюремную субкультуру как «совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы» [36].

Е. С. Ефимова считает, что «тюремная субкультура – это система, обладающая своим символическим языком и собственной картиной мира» [43].

М. Платек (M. Platek) отмечает, что «тюремная субкультура включает нормы, традиции, ритуалы, жаргон, жесты, принципиально отличные от тех, которые предполагают уголовно-исполнительное законодательство и внутренний распорядок тюрьмы» [180].

Е. П. Ткачева рассматривает тюремную субкультуру, в первую очередь, как «совокупность знаковых кодов», которая базируется на синкретизме архаического и религиозного сознания, в результате чего становится возможным трансляция «обычаев, опыта, властеотношений» [143].

И. В. Лысак понимает тюремную субкультуру «как особую духовную область сообщества людей» [цит. по 47].

В. Ф. Пирожков расценивает тюремную субкультуру как неформальную жизнь преступников, оказавшихся в местах лишения свободы [109]. Н. А. Яковлев рассматривает тюремную субкультуру как «духовную жизнь относительно ограниченной части общества, граждан, находящихся в пенитенциарных учреждениях, имеющую криминальную направленность» [168].

При этом одни авторы ставят знак равенства между криминальной и тюремной субкультурами, другие называют тюремную субкультуру разновидностью криминальной [3, 168], третьи – рассматривают их как самостоятельные явления [17]. Так, например, В. В. Тулегенов, изучая криминальную субкультуру, выделил в ней следующие три направления [144]:

- 1) субкультуру профессиональных преступников,
- 2) субкультуру преступников, входящих в организованные преступные формирования,
- 3) субкультуру наркоманов.

Примечательно, что тюремная субкультура, по мнению В. В. Тулегенова, есть своеобразный «сплав» этих трех направлений с некриминальными нормами и правилами поведения, и существует она исключительно в местах лишения свободы [47, 144]. С этой точки зрения тюремная субкультура – это особый вид криминальной субкультуры [47], «сформированный в результате слияния различных субкультур как криминального, так и некриминального характера, являющийся компромиссом между микросредой осужденных и обществом и направленный на выживание в экстремальных условиях лиц, преступивших уголовно-правовые запреты, а также сохранение ценностей преступного мира» [144]. Рассматривая взаимоотношения тюремной и криминальной субкультур, И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасова считают, что «криминальная субкультура является средством трансляции тюремной субкультуры в социум» [83]. А. Самойлов (Л. С. Клейн) пишет, что тюремная субкультура «отличается не только от общей культуры народа, но и от уголовной субкультуры на воле, представляя, так сказать, ее конденсат, и тут действуют такие процессы и структуры, которых на воле нет» [125].

Наиболее емким определением тюремной субкультуры, по нашему мнению, является формулировка, приведенная в книге И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасовой «Тюремная субкультура в России», где тюремная субкультура рассматривается как подсистема целостной системы культуры общества, которая представляет собой совокупность образа жизни, норм, ценностей, ритуалов, культурных артефактов, выработанных лицами, отбывающими наказание в учреждениях пенитенциарной системы [83].

Как считают исследователи, тюремная субкультура значительно отличается от других субкультур тем, что она возникла в особых условиях функционирования: в рамках закрытого, ограниченного, изолированного от общества социального пространства [57]. И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасова отмечают, что тюремная субкультура является наиболее маргинальной из всех

существующих субкультур [83]. Ее характеризуют «скрытый, тайный характер; наличие носителей в виде неформальных малых групп отрицательной направленности, негативное отношение к официально установленным правилам, требованиям; существование определенных атрибутов, символов, условностей, обязательных для выполнения; стратификация» [103, 110]. Как считает Р. А. Ханипов: «... феномен российской тюремной культуры является уникальным и тотальным» [157].

М. П. Клейменов пишет, что систематическая преступная деятельность порождает «...свои нормы, ценности, ожидания, стереотипы, критерии, язык. В ней существуют своя иерархия, собственные органы управления и юстиции. Нахождение в этой среде даже непродолжительное время уже оставляет отпечаток на личности человека, формирует его психологию и нравственный мир» [56].

А. И. Ушатиков и Б. Б. Казак (2003) считают, что структуру тюремной субкультуры образуют, *во-первых*, субъективные человеческие силы и способности, к которым относятся:

- знания, умения профессионально-преступные навыки и привычки;
- «философия» уголовного мира;
- особый уровень индивидуального и группового нравственного и правового сознания, облегчающие противоправное поведение;
- эстетические потребности, извращенные вкусы и предпочтения;
- уголовная мифология, окружающая ореолом «честности» и «смелости» преступников и их деяния;
- внутригрупповая психология отношений и управления преступным сообществом.

Вторую составляющую тюремной субкультуры образуют предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и средства совершения преступлений, материальные ценности, добытые преступным путем, денежные средства, накапливаемые в «общаке» и т. п.) [36, 150].

А. И. Мокрецов и В. В. Новиков (2006) описывают следующие функции неформальных норм тюремной субкультуры [95]:

- регулятивная функция (регулирование взаимодействия осужденных);
- мотивирующая и оценочные функции (определяют образцы ролевого поведения и критерии оценивания личности или малых групп);
- защитная функция (сохраняет негласные правила «тюремного закона», поддерживает его значимые ценности);
- информационная функция (обеспечивает предоставление необходимой информации и каналы доставки таковой);
- консервирующая функция («узаконивает» сложившуюся дифференциацию межличностных статусов).

Как отмечают ученые-пенитенциаристы [36, 150], основное содержание тюремной субкультуры можно свести к следующим положениям:

- жестокость по отношению к более слабым лицам, отсутствие чувства сострадания к людям;
- нечестность и двурушничество в отношениях с администрацией и «чужими»;
- паразитизм и тунеядство, освященное традициями и тюремными «воровскими законами»;
- вымогательство у лиц, стоящих на низших ступенях групповой иерархии;
- картежные игры, алкоголь и наркотики как средство сплочения преступной группы.

С. Я. Лебедев различает следующие группы специфических элементов, присущих криминальной субкультуре [75]:

- регулятивные – «законы» и «правила», регулирующие взаимоотношения между преступниками, ритуалы общения и поведения;
- атрибутивные – татуировки, жаргон, клички, мимика, жестикация;
- эмоциональные – песни, стихи, поговорки.

А. Н. Олейник выделяет следующие критерии, определяющие внутреннее строение тюремной субкультуры [57]:

- 1) степень дифференциации сфер повседневной деятельности;
- 2) степень персонификации отношений;
- 3) степень дуализма социальных норм;
- 4) степень институционализации насилия [103].

Им отмечается, что специфические условия совместного содержания преступников способствуют развитию и устойчивому существованию тюремной субкультуры. Самовоспроизводство субкультуры достигается при этом через «школы» обучения преступному ремеслу, которыми по существу являются пенитенциарные учреждения [47, 86]. «Российские „школы жизни“ не исправляют осужденных, а погружают их в криминальную культуру, усиливая их криминальные установки, что после освобождения, помимо ретрансляции криминальной культуры в обычную среду, нередко способствует повторному совершению ими преступлений» [47].

Декларируемые тюремной субкультурой ценностные ориентации, правила жизни и стандарты поведения настолько противоречат нормам, принятым в человеческом обществе, что это позволяет некоторым ученым расценивать тюремную субкультуру как контркультуру, противостоящую традиционно существующей в обществе культуре [32].

Известно, что тюремная субкультура имеет черты определенной привлекательности, романтики, которые усиленно пропагандируются в последние десятилетия средствами массовой информации (телевизионные «бандитские» сериалы, тюремный шансон, распространение «фени» и стереотипов поведения среди бизнесменов, политиков, работников эстрады, государственных деятелей и т. п.) [51, 132]. При этом возрастанию экспансии тюремной субкультуры во многом способствует мифологизация представлений о местах заключения [160].

Как считают пенитенциарные психологи, «привлекательность субкультуры обусловлена тем, что в ней имеются возможности для самоутверждения осужденных и компенсации неудач, постигших их в обществе» [150]. Она «позволяет видеть врага в лице правоохранительной системы, отдельных ее представителей и законопослушных граждан, помогает оправдаться в собственных глазах, повышает внутреннюю самооценку» [94]. Другими словами, тюремная субкультура – это своеобразная «отдушина» для неудачников, маргиналов, людей, не нашедших себя в жизни [132]. Не ощущая себя частью общества, асоциальные личности «формируют круг своих знакомств и контактов таким

образом, чтобы создать своеобразную среду, в которой их значимость безоговорочно признается» [129]. Приведем по этому поводу высказывание В. Т. Шаламова, который считал, что героизация преступников аморальна, а «тюремная сентиментальность – это сентиментальность убийцы, поливающего грядку с розами кровью своих жертв» [163].

В. Шаламов писал: «Страшный мишурный плащ уголовной романтики ярким маскарадным блеском привлекает юношу, мальчика, чтобы отравить его своим ядом навсегда. Это фальшивый блеск стекляруса, выдающего себя за алмаз... Художественная литература вместо того, чтобы заклеить уголовщину, сделала обратное: подготовила почву для расцвета ядовитых ростков в неопытной, неискушенной душе молодежи» [163]. К сожалению, положение дел за прошедшее после написания этих строк время только ухудшилось. В безудержной пропаганде антисоциальных ценностей тюремной субкультуры участвует ныне не только художественная литература, но радио, телевидение, кинематограф и Интернет [15, 39, 47, 51, 89, 132, 157]. Сегодня «ценности, модели поведения, способы субъективизации, языковые нормы тюремной субкультуры воспринимаются как должное, как неотъемлемая часть общественной жизни и индивидуальных стратегий» [141].

Романтизация преступного мира происходит, в том числе, и через перекодирование понятий на уровне подсознания. Определение явления, имеющего негативное содержание, заменяется на красивое, вычурное, инородное слово, меняющее эмоциональное восприятие объекта. Так, проститутка становится «путаной», убийца – «киллером», вымогатель – «рэкетиром», блатные песни – «шансоном». Кстати, у этого песенного жанра нет аналогов за рубежом, так как там отсутствует такое явление, как тюремная романтика. А у нас вручение премии «Шансон года» проходит в... Государственном Кремлевском дворце [198], идеологи жанра блатной песни получают государственные награды «За вклад в развитие российской культуры» [101].

Все это происходит неслучайно. Как доказывает в своей кандидатской диссертации Ю. Ю. Черкасова: «„Искусственная“ мифологизация мест лишения свободы в России осуществляется

при активной поддержке преступного сообщества, вербующего таким образом новых сторонников, деятелей „теневого“ экономики, тесно связанных с криминалом, и отдельных политиков, преследующих цель легитимации насилия как метода политической деятельности. Заинтересованные в мифологизации тюрьмы лица целенаправленно финансируют политтехнологов, журналистов, представителей искусства, которые, не всегда осознавая последствия своих действий, способствуют экспансии тюремной субкультуры» [160]. А последствия таковы, что «из русского шансона вывод сделать можно один-единственный раз и навсегда: о патологической склонности русских к маргинальному и преступному образу жизни...» [20]. Таким образом, «образы и ценности тюремной субкультуры становятся частью современных литературных текстов и кинотекстов, в которых они не осуждаются, а представляются наиболее эффективной стратегией выживания и достижения цели» [141]. «...Нормы и правила тюремной субкультуры присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности людей, например, в искусстве, языке повседневного общения, способах взаимодействия между людьми, жизненных ценностях» [141].

Как отмечают отечественные ученые-лингвисты, русский язык стремительно «мутирует» под влиянием «тюремного» жаргона. Так, А. Н. Олейник утверждает, что в современном русском языке встречаются до трети «заимствованных» выражений из «тюремного сленга 1950-х годов» [101]. Но «влияние... <...> ...тюремного арго образца 1990-х годов еще сильнее» [101].

Академик Д. С. Лихачев еще в далеком 1935 году писал: «Слова воровской речи характерны своей необычайной экспансией, способностью распространяться далеко за пределы воровской среды. С этими воровскими словечками и словцами распространяется яд воровской идеологии, воровского мировосприятия» [79].

Слова «криминального» языка встречаются ныне на каждом шагу. Парикмахерская «Марафет», школьная форма «Осенний прикид», торгово-развлекательный центр «Фарт», сеть дискаунт-центров «Шмотка»... А словечком «беспредел» активно пользуются в повседневной речи ведущие политики, дикторы цен-

трального телевидения и даже... ученые-филологи нового поколения [153]. Как иллюстрацию к сказанному можно привести описанный И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасовой комичный эпизод, произошедший во время телевизионных дебатов с участием И. Хакамады, в ходе которых сей политический деятель и ее оппоненты внезапно (и органично, как истинные жулики) перешли на тюремную «феню» [82, 83].

Как отмечает Р. А. Ханипов, ныне «по фене ботают» первые люди нашего государства [157]. А ведь они, как никто другой, должны следить за правильностью своей речи (и, следовательно, за имиджем той страны, которой они руководят). Как тут не вспомнить И. В. Сталина, который перед каждым своим публичным выступлением несколько раз проверял произносимый текст и консультировался с профессиональными специалистами-филологами.

Употребление жаргонных «воровских» слов свидетельствует не только о причастности говорящего к преступному миру, но и о его низком культурном развитии. Д. С. Лихачев писал: «Воровская речь – это болезнь языка. Диагноз ее – „инфантилизм“ языковых форм» [79]. А постоянное использование человеком в своей речи так называемых «матерных» слов расценивается в психиатрии как один из признаков, свидетельствующий о деградации личности.

В стихотворении А. Ахматовой «Мужество», написанном в тяжелом 1942 году, есть такие строки:

«Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим и от плена спасем
Навеки!»

Но... не спасли, не передали...

Проанализировав связь структуры и организации тюремного языка с морально-нравственными установками, царящими в тюремной среде, С. А. Снегов пишет: «Блатной язык не признает восхвалений человека, он обслуживает лишь его унижения... <...> И моральный императив, вытекающий из такой гносеоло-

гии, по-своему логичен: с каждым поступаешь подло, делать другому подлость – хорошо, и предел твоего подлого отношения к подлецам определен лишь неизбежностью кары... <...> По философской сути своей блатной жаргон – антиморален» [133]. Это утверждение созвучно словам Д. С. Лихачева: «В воровской речи мы имеем дело с патологией языка... с языковым примитивом... явление воровской речи... явление, разрушающее язык» [79].

Как пишет А. Сидоров: «С середины 30-х по начало 80-х годов в Советском Союзе сложился жаргон уголовно-арестантского мира, равного которому не существует ни в одной другой стране» [131]. На сегодня воровской язык насчитывает, по различным данным, от 10 [129] до 15 тысяч слов [83].

Как считает А. Сидоров: «Это стало возможным исключительно „благодаря“ созданию огромной системы ГУЛАГа и массовым репрессиям в отношении всех слоев населения из всех регионов страны» [130]. «Лагеря создали у нас совершенно особый вид уголовного сообщества – такого не было и нет нигде в мире», – пишет Л. Самойлов [125]. Но не только так называемые «сталинские репрессии» стали причиной «тюремизации» российского общества.

Эволюция развития тюремной субкультуры и ее проникновения в традиционную культуру общества имеет несколько этапов. Естественно, что тюремная субкультура развивалась синхронно с самой пенитенциарной системой, в эволюции которой А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко выделяют три периода.

Первый период (1917–1928) – это ломка дореволюционной тюремной системы, попытки разработать научные основы исправления преступников.

Второй период, который авторы называют «гулаговским», характеризуется тем, что пенитенциарная система стала использоваться для решения, в первую очередь, экономических проблем. В это время усилилось влияние «социально близких» для советской власти уголовников.

Третий, заключительный, этап развития российской пенитенциарной системы, по мысли авторов, начинается в 1959 году и характеризуется возрождением идеи перевоспитания осужденных. В это время, как пишут авторы: «...была восстановлена по-

литико-воспитательная работа, создана отрядная система с целью объединения осужденных в положительно направленные общности, расширена сфера общеобразовательного и профессионально-технического обучения, стали действовать самодеятельные организации осужденных» [112].

Существует и другая классификация этапов развития российской тюремной системы, приведенная в учебнике по пенитенциарной психологии Ю. А. Дмитриева и Б. Б. Казака. В нем авторы выделяют следующие периоды развития российской пенитенциарной системы [36]:

- 1) дореволюционный,
- 2) первые годы советской власти (1917–1929),
- 3) период гуглаговских лагерей (1930–1959),
- 4) постсталинский период (1953–1960),
- 5) хрущевский период (1960–1970),
- 6) постсоветский период (80-е годы XX века – нулевые годы XXI века).

В. В. Тулегенов выделяет два периода генезиса тюремной субкультуры. Первая стадия – это «конфликтная» тюремная субкультура, вторая – «стабильная» тюремная субкультура [144]. Во время первой стадии происходит утверждение тюремной субкультуры в ходе конфликта субкультур, во второй стадии – микросреда осужденных принимает ценности доминирующей социальной группы [47].

По нашему мнению, не отвергая принятых классификаций этапов развития тюремной системы, возможно рассмотреть ее эволюцию с позиции взаимодействия тюремной субкультуры с традиционной культурой российского общества.

При таком подходе к изучаемой проблеме *первый этап* – это формирование и развитие тюремной субкультуры в среде профессиональных преступников. Этот период отражен, в частности в дореволюционных источниках, ранних советских исследованиях, посвященных проблеме тюремной субкультуры, воспоминаниях В. Т. Шаламова, А. И. Солженицына, Е. С. Гинзбург [29, 134, 162] и других тюремных бытоописаниях, в которых четко прослеживается граница, отделяющая общество профессиональных преступников от остальной массы арестантов.

Второй этап – это вовлечение в тюремную субкультуру практически всех отбывающих наказание в виде лишения свободы граждан [47, 62, 157]. Хронологически этот период относится ко второй половине XX века. Так, попадая сегодня в места лишения свободы, осужденный гражданин сразу «окунается» в новую для него культурную среду. Он проходит ритуал «прописки», ему присваивается кличка и определяется место в иерархии тюремных каст. Далее этот человек может существовать в условиях тюремной изоляции только в соответствии с негласным «тюремным законом».

Таким образом, «...благодаря организованности, сплоченности и агрессивности воров в лагере родившаяся там воровская субкультура становится субкультурой лагеря в целом. Эта субкультура обладает чрезвычайно высокими потенциями аккумуляции» [125].

А третий этап развития тюремной субкультуры характеризуется тем, что ее понятия, правила и устои вышли за пределы исправительных учреждений и активно осваивают новые пространства, внедряются в традиционную культуру нашего общества, вытесняя и заменяя ее [157].

Как считает Н. В. Тищенко, «можно констатировать, что в современной российской культуре ценности и нормы поведения тюремной субкультуры преодолели барьеры пенитенциарных учреждений и стали неотъемлемой частью легитимных социальных и культурных практик» [141]. Тюремная субкультура настолько глубоко проникла в наше общество, что на сегодня серьезно встает вопрос о существовании самостоятельного криминального «субэтнуса».

Именно поэтому вместо термина «криминальная субкультура» Р. А. Ханипов предлагает использовать термин «криминальная культура», приводя достаточно веские аргументы в пользу своего утверждения [157]. Ссылаясь на социологический словарь [1], в котором говорится, что понятие «субкультура» «предполагает существование идентифицируемой господствующей культуры», автор утверждает, что в настоящее время «„господствующей“ российской культурой как взрослой, так и молодежной, является скорее криминальная или тюремная культура» [157].

Это утверждение полностью или частично разделяют исследователи [47, 145], использующие в своих публикациях термин «криминальная культура».

Особая роль в этом, третьем, этапе развития тюремной субкультуры играют события периода правления первого президента России Бориса Ельцина (лихие девяностые), которые ознаменовались в России экономическим коллапсом и последовательным разрушением социальных государственных институтов. Эти годы были отмечены потрясениями, сравнимыми, по мнению ряда авторов, с последствиями крупной войны или революции [132]. Проникновению в традиционную русскую культуру ценностей тюремной субкультуры способствовали «рост преступности, нестабильность экономической и социальной систем» [141].

По сообщениям Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, обитателями социального дна в конце XX века в России стали 14 миллионов человек: в нашей стране насчитывалось около 4 миллионов бомжей, 3 миллиона нищих, 3 миллиона уличных и привокзальных проституток, 4 миллиона беспризорных детей [132]. Более 25 % россиян находились за чертой бедности [56].

Подвергалась деструкции советская система здравоохранения, признанная (сначала Организацией гигиены Лиги наций, а затем – Всемирной организацией здравоохранения) эталонной и лучшей в мире. Население страны стремительно вымирало со скоростью (по данным разных, в том числе независимых, источников) от 800 тысяч до 1 миллиона человек в год (некоторые авторы приводят цифры в 2 и даже более миллионов человек в год) [132]. «В 1991–2014 годы общий годовой (зарегистрированный) уровень рождаемости населения был в 1,72 раза меньше уровня рождаемости в РСФСР в годы Великой Отечественной войны», а «потери России за эти годы только от недорождаемости и сверхсмертности составляют 35 миллионов 587 тысяч душ» [127].

По числу убийств на душу населения Россия занимала второе место в мире после ЮАР, а по количеству умышленных убийств – первое место [132]. Каждый четвертый мужчина имел опыт ли-

шения свободы [141]. Россия является абсолютным лидером по числу жертв домашнего насилия среди детей и женщин [56]. Среди населения стремительно распространялись алкоголизм, наркомания, ВИЧ-инфекция, туберкулез и другие опасные и социально-значимые болезни. Люди месяцами не получали зарплату, в стране свирепствовала гиперинфляция. Среди граждан отмечался небывалый взлет суицидальной активности. По показателю коррупции Россия стабильно лидировала среди стран мирового сообщества. «А по скорости распространения и масштабам детской проституции, порнографии, гомосексуализма, игорного бизнеса и других пороков в ельцинские годы наша страна могла бы поспорить с апокалиптической „вавилонской блудницей“ – Римской империей времен Тиберия, Калигулы и Нерона» [132]. В лихие девяностые уровень убийств в России вырос в 3 раза, умышленного причинения вреда здоровью – в 2,6 раза, уровень краж – в 4,4 раза [56].

На этом фоне в России произошло резкое усиление организованной преступности. «Число действующих преступных формирований (по официальным данным) за 1990-е годы увеличилось почти в 26 раз, число участников этих организаций – в 5 раз» [56].

В результате криминальной приватизации за бесценок были воровским образом присвоены огромные богатства, в результате чего произошла беспрецедентная концентрация национального богатства в руках всего 5 % населения России и создание целого класса бедных – населения, которое живет ниже «нижайшего жизненного уровня» [84].

В результате в системе социальных и личностно значимых ценностей российского общества конца 90-х прогрессировала аномия (социопатология, при которой значительная часть социума, зная о существовании общечеловеческих норм поведения, относится к ним негативно или равнодушно), отмечалось такое явление, как утрата рефлекса цели [24], усиливалась криминализация общественного сознания, традиционные для русского народа нравственные ценности заменялись скотской философией потребления [132]. Большинство авторов признается, что в России отмечается «утрата традиционных культурных

ценностей, высокий уровень протестного настроения, правовой нигилизм, виктимизация населения» [47].

Как известно, преступность – это род социальной патологии [56]. Она выступает как симптом социального нездоровья общества и государства. И ее бурное развитие происходит там и тогда, где и когда государство проводит слабую социальную политику, защищая исключительно интересы богатых людей [56]. Это обстановка хаоса и разрушения существующего правопорядка, торжество беззакония и произвола. Именно поэтому преступность резко возрастает в периоды безвременья, в которые, говоря словами Шекспира, «распалась связь времен». Как отмечает Ю. Ю. Черкасова, именно «в условиях рассогласования моральной и правовой регуляции, дисфункциональности основных социальных институтов... <...> ...отмечается рост криминализации, стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения» [160]. Специалисты свидетельствуют, что «чем более распространены в обществе разные типы преступлений и правонарушений, тем более криминализировано общество и тем активнее в культуре используются установки тюремной субкультуры» [55]. В. В. Тулегенов особо подчеркивает связь пассивности уголовно-исполнительной политики государства с развитием тюремной субкультуры [144].

Особо надо коснуться грандиозной, не имеющей мировых аналогов, аферы, проведенной в короткие сроки «демократическими» младогешептмахерами – приватизации общенародной собственности. «Так, ЗИЛ, стоимость основных фондов которого составляла не менее 1 миллиарда долларов США, был продан за 4 миллиона долларов, „Уралмаш“ – за 3,7 миллионов, Челябинский тракторный завод – за 2,2 миллиона долларов. Для сравнения: средняя хлебопекарня в Европе стоит 2 миллиона долларов США...» [56].

Все сказанное выше подводит некоторых авторов к закономерному выводу: в постъельцинский период в российском обществе правит не закон, а криминальные понятия. «В условиях рассогласования моральной и правовой регуляции, дисфункциональности основных социальных институтов в современном российском обществе отмечается рост криминализации, стира-

ется сама возможность социально позитивного и негативного поведения» [67]. И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасова пишут: «В условиях, когда традиционные ценности и нормы перестают разделяться большинством населения, наблюдается экспансия ценностей и норм преступного мира» [83]. А. Тайбаков считает, что когда «...силу закона подменяют законом силы, криминальным квазизаконом, или так называемыми понятиями, жить „по понятиям“ начинают не только криминальные профессионалы, но и самые различные слои нашего общества» [139]. А. Н. Олейник указывает: «Многие правила поведения на российском рынке воспроизводят „понятия“, характерные для тюремного сообщества» [101]. Социальные психологи находят наличие «в повседневном поведении россиян элементов, характерных для социально-психологического типа заключенного» [53].

К сказанному следует добавить, что процесс призонизации российского общества сознательно потенцировался властью в 90-е годы. «Гений приватизации» Анатолий Чубайс в своем интервью, данном в 2010 году редактору сайта polit.ru Борису Долгину с присущим данному историческому персонажу самолюбованием и цинизмом, так вспоминает свои былые экономические «подвиги»: «В чем политическая конструкция? Политическая конструкция в том, что мы отдали собственность тем, кто был к ней ближе. Бандиты, секретари обкомов, директора заводов. Они ее и получили» [192]. Примечательно, что в этом ряду социальных групп, преступным образом наложивших лапу на общенародное добро, на первом месте у Чубайса стоят бандиты. И неслучайно при разгоне Верховного Совета в 1993 году «демократическая» власть, по некоторым данным, прибегла к своеобразному «аутсорсингу» – наняла для преследования разбежавшихся по московским переулкам народных депутатов «бригады» хозяйничающих в столице России бандитских группировок [193].

Таким образом, как отмечают ученые, именно в 90-е годы были созданы оптимальные условия для развития организованной преступности и возникновения широкомасштабного бандитизма [56]. Произошло то, о чем предупреждали в своей провидческой статье «Лев готовится к прыжку» Ю. П. Щекочихин

и А. И. Гуров [33], вызвав, в свое время, широкий общественный резонанс, а на сегодня – порядком подзабытой. Произошло слияние организованной «криминальной» преступности с преступностью экономической и образование особого социального и уголовно-правового явления – интрузивно-деструктивно-мимикрической преступности [100]. Таким образом, в России «либеральное сознание породило новый криминальный антропологический проект, в котором произошло перевоспитание партноменклатуры мафией и появление маргинальной элиты» [104].

Вывод, который вытекает из всего сказанного: тюремная субкультура стремится к расширению своих границ, захвату новых ареалов, выходит за рамки пенитенциарной системы [47, 64, 83, 101, 153]. И это ей пока удастся. М. П. Клейменов пишет: «Преступность несет в себе угрозу уничтожения государства. Она в самой себе содержит программу разрушения всего окружающего... <...> Преступность может настолько поразить государство, его аппарат, что оно перестанет существовать. Подобным образом раковая опухоль уничтожает организм, за счет которого она паразитирует» [56]. Именно это происходило в лихие 90-е годы (лихие, но отнюдь не «святые», как ныне пытаются именовать этот период нашей истории некоторые выживающие из ума политические деятели). Как пишет М. П. Клейменов: «Создание класса собственников из числа воров и бандитов, теневых дельцов и казнокрадов, расхитителей и мошенников закономерно привело к росту преступности: общеуголовной, экономической, организованной» [56].

В результате «...нормы тюремной субкультуры проникли в профессиональные субкультуры, приводя к дегенерации профессиональных ценностей и искажению профессиональной деятельности (армия, полиция, строительство)» [141]. При этом ценности и правила тюремной субкультуры усваиваются, в первую очередь, людьми, которые с ней непосредственно ежедневно контактируют: персоналом исправительных учреждений. Е. Г. Клейменова пишет о том, что при взаимодействии с тюремным социумом сотрудник уголовно-исполнительной системы «практически теряет свое собственное «Я», свою личность.

Поэтому он вынужденно принимает на себя тюремную субкультуру, усваивает ее ценности, нормы и правила. Так как надзиратель большую часть своего времени проводит именно в тюрьме, то тюремная субкультура становится для него привычной культурной средой. Выходя из тюрьмы и попадая в иное культурное пространство, он фактически продолжает жить в соответствии с ранее усвоенными социокультурными нормами, смешивая их с теми, что уже существуют в общепринятой культуре» [57].

В связи со сказанным автору монографии вспоминается один весьма показательный эпизод. Несколько лет назад на международном научном форуме, посвященном проблемам пенитенциарной системы, делал доклад аспирант, молодой ученый-юрист из глубинки. Доклад был посвящен деятельности «воров в законе». И на вопрос из зала о том, как докладчик оценивает роль «воров в законе» в тюремной жизни, выступающий простодушно сказал практически следующее: «„Воры в законе“ полезные. Потому что они порядок в зоне держат». Комментарии излишни. Вот яркий пример того, насколько глубоко проникли установки и нормы тюремной субкультуры в неокрепшее сознание юного сотрудника уголовно-исполнительной системы – будущего кандидата юридических наук!

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением, что «обретая свое собственное, независимое существование, тюремная субкультура распространяет свое влияние не только в рамках тюрьмы, но также и за ее пределами» [57], стремится к расширению своих границ, выходит за пределы пенитенциарной системы, захватывая новые социокультурные пространства [47, 64, 101]. Она «претендует на лидирующее положение в российском обществе» [93], утверждая чуждые культуре социума ценности и нормы [47].

Наблюдается и еще одна, пока еще не столь явная, тенденция. Влияя на доминирующую в обществе традиционную культуру, сама тюремная субкультура начинает «деградировать» в местах лишения свободы. Существовавшие в прежние годы жесткие неформальные нормы общения заключенных на сегодня подвержены трансформации и размыванию. Как пишет В. В. Телегенов: «Главную роль сыграли в этом следующие факторы. Во-

первых, смягчение условий отбывания наказания, обусловленное реформированием общества, что повлекло повсеместное употребление спиртных напитков осужденными. Во-вторых, качественные изменения в социальном составе спецконтингента исправительных учреждений. Наблюдается увеличение количества лиц, имеющих психические отклонения, страдающих алкоголизмом или наркоманией... <...> ...В-третьих, отсутствие работы и достойной заработной платы у большинства осужденных обуславливает отсутствие у них предметов первой необходимости и стимулирует переход к индивидуалистической модели поведения» [144].

Нужно отметить, и это признается большинством авторов, что несмотря на примитивизм явное отрицательное социальное действие, постоянное поддержание оппозиционных настроений к представителям правоохранительных органов, тюремная субкультура оказывает некоторое позитивное воздействие на осужденных [57, 142]. По мнению ряда авторов, «тюремный закон» обеспечивает смягчение адаптации личности к новым условиям жизни через уменьшение страданий, обусловленных изоляцией от общества. Тюремная субкультура, по их мнению, «является своего рода спасением для осужденных» [57], так как нивелирует противоречия между «сферами повседневной деятельности» [103], частной и публичной жизнью осужденных [57]. «Она консолидирует заключенных, становится основным фактором, компенсирующим в той или иной степени тяжесть лишений, связанных с отбыванием наказания. У осужденных формируется убеждение в том, что только в «своей» среде, а не со стороны администрации они могут найти понимание и поддержку» [83]. А. И. Ушатилов и Б. Б. Казак представляют погружение в тюремную субкультуру, как процесс выработки человеком оптимального режима жизнедеятельности в соответствии с требованиями новых условий с обретением им нового социального статуса, согласно которому строятся взаимоотношения человека с другими членами тюремного социума [150]. В этой связи тюремная субкультура, по мнению ряда пенитенциарных ученых, представляет собой неизбежное явление, так как является следствием усилий осужденных найти способы ослабления тяжких

условий изоляции. Как пишет Е. Г. Клейменова: «Этот процесс (*образования тюремной субкультуры*) носит вынужденный, практически принудительный характер, поскольку фактически является единственным способом выживания в сложившихся новых условиях» [57]. Существование тюремной ценностно-нормативной системы «помогает вновь прибывшим преступникам быстрее адаптироваться к новым социальным условиям, способствует сближению, сплочению всех заключенных и таким образом приводит к образованию стойкого коллектива, объединенного общими мыслями, мнениями, ценностями, то есть к формированию тюремной субкультуры» [57].

Однако вред, причиняемый «тюремным законом», несомненно, значительно весомее ее адаптивного эффекта [36, 47, 132, 177]. Декларируемые тюремной субкультурой ценностные ориентации, правила жизни и стандарты поведения противоречат нормам, принятым в человеческом обществе [6].

Мощное деструктивное действие тюремной субкультуры заключается в том, что она дезинтегрирует взаимодействие личности и общества, провоцирует и стимулирует правонарушения. «Тюремный закон» блокирует сотрудничество с администрацией исправительного учреждения, контакты с органами самоуправления, нивелирует исправительное, ресоциализирующее действие пенитенциарной системы [132].

В. Шаламов: «Яд блатного мира невероятно страшен. Отравленность этим ядом – растление всего человеческого в человеке. <...> Подземное уголовное царство – мир, где целью жизни становится жадное удовлетворение низменнейших страстей, где интересы – скотские, хуже скотских, ибо любой зверь испугался бы тех поступков, на которые с легкостью идут блатари» [163].

Особенностью криминальной субкультуры является ее, если можно так выразиться, «идеологический базис». Так как лежащие в основе традиционной организации общества ценности являются неприемлемыми для построения альтернативной социальной иерархии, преступный мир избирает в роли иерархообразующего базиса свои извращенные, «перевернутые» ценности и взгляды на окружающее. Заключенные отвергнуты обществом,

они находятся на самой низшей ступени социальной пирамиды. Но человек, как правило, не хочет признавать ни собственной вины, ни собственной маргинальности [132]. Поэтому плохое становится хорошим, невозможное в цивилизованном обществе – обязательным в криминальной субкультуре. «Мне говорят, что я подлец. Хорошо, я подлец. Я подлец, и мерзавец, и убийца. Но что из этого? Я не живу вашей жизнью, у меня своя жизнь, у нее другие законы, другая честность!» – так характеризует психологическую позицию вора В. Шаламов [163].

В альтернативной обществу тюремной субкультуре царит «перевернутая», антисоциальная мораль [124]. «По этой морали, не труд, а кража, грабеж, разбой – дело чести и доблести, всякое убийство – героический поступок, пьянка и дебош – высшая услада, кайф, предмет сладостных воспоминаний, похвальбы и зависти» [125]. Члены категории воров считают себя «настоящими» людьми, признавая всех остальных лишь своеобразным «субстратом» для своих противоправных действий. Взаимоотношения с представителями «внешнего мира», администрации не подчиняются нормам морали. Жульничество, тунеядство, паразитизм, сексуальные отклонения, отвращение к труду декларируются как обязательные правила поведения, преступления и злодеяния становятся доблестью и заслугой [132]. «Криминальная субкультура паразитирует на общечеловеческих ценностях общества. Например, чувство гражданского долга подменяется понятием долга воровского, товарищество – круговой поручкой, дружба – преданностью лидеру или преступной группе («воровской семье») и т. п.» [97].

Подобное трансформированное, извращенное сознание характерно для членов замкнутых, изуверских, тоталитарных сект, например, сатанистов, люцифериагов, ортодоксальных фанатиков некоторых ответвлений мировых религий [132]. Субкультура осужденных имеет признаки закрытой, тайной секты. Ее характеризует скрытый характер, наличие носителей в виде неформальных малых групп отрицательной направленности, негативное отношение к установленным правилам и требованиям. Как и в тайных сектах, в криминальной субкультуре имеется система ритуалов, атрибутов, табу, символов, условностей, не-

понятных для непосвященных [132]. «Тюремный кодекс» несложен. Но за столетия он оброс тысячами традиций, святых обычаев, мелочное выполнение которых тщательно блюдется хранителями воровских законов. Блатари – большие талмудисты!» – пишет В. Т. Шаламов [163].

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что криминальной субкультуре присущи признаки социорегулятивной системы, функцией которой является институционализация – «установление правил, норм и регламентации поведения путем навязывания ритуально-традиционных норм внутри соответствующего социума» [121]. Указанное роднит тюремный социум с архаическим сообществом [49, 124, 125, 132].

Глава 2. Опыт тюремного кастоведения. Тюремная субкультура и древнеиндийское кастовое общество: социокультурные параллели

Давайте сказку сочиним.

Начнет козел, петух за ним...

С. Я. Маршак. Кошкин дом

Тюремное сообщество – это, словами В. Р. Кабо, «государство в государстве, особая цивилизация со своими законами, порядками, литературой, фольклором, со своею моралью и языком» [48]. Ряд исследователей оценивает тюремную субкультуру как аналог архаического общества [27, 49, 77, 125, 143]. Во многом это связано с тем, что представители тюремного сообщества являются носителями маргинального сознания, а сама тюремная субкультура базируется на синкретизме архаического и религиозного мировосприятия [143]. При этом фундаментом «особого – мифологизированного – типа тюремной философии являются фольклорно-мифологические установки, характеризующиеся этнокультурными особенностями» [143]. Сходство архаического общества и тюремной субкультуры обусловлено тем, что эти социальные модели относятся к крайне примитивным закрытым социальным системам, которые характеризуются резким сокращением, поступающим извне информационных потоков. Известно, что коллективная социальная депривация, ограничение внешних связей социума порождают снижение качества отношений между его членами, постепенную интеллектуальную деградацию и скатывание к примитивным отношениям [42, 132].

Законы взаимодействия между людьми в условиях мест лишения свободы имеют специфический характер [14]. Особенности тюремного социума исследователи считают отсутствием четких границ между частной и публичной жизнью, высокую

степень персонификации отношений, наличие формальных и неформальных норм поведения и ценностных категорий, применение насилия как способа регулирования социальных отношений [83].

Есть еще одно обстоятельство, которое роднит тюремную субкультуру с архаическим обществом. Это наличие в тюремной субкультуре каст [58, 124]. Как отмечает Н. В. Тищенко: «На схожесть между трехкастовостью тюремного сообщества („авторитеты и связанные с ними касты“, „мужики – осужденные, не имеющие криминального прошлого“, „отвергнутые“) и трехуровневой системой первобытного общества („дифференцированная знать“, „крестьяне“, „рабы и изгои“) обратил внимание в очерках о тюремной субкультуре Л. Клейн. Он указывает не только на смысловое и символическое сходство архаичного общества и тюремной субкультуры, но и на наличие внутренних структурных совпадений» [140]. Напомним, что каста – это некий социально обусловленный «слой» общества, страта, в которой родился и проводит свою основную деятельность член этого общества. Это иерархически ранжированная, строго ограничивающая внешние контакты и профессионально специализированная эндогамная общность [148].

Существует несколько классификаций типов социальной организации, сложившихся на почве определенной культуры и, что очень важно, поддерживающих эту организацию несмотря на различные экзогенные факторы, направленные на разрушение сформировавшейся системы отношений в обществе.

В частности Е. Н. Панов выделяет три типа обществ на основе их структурных особенностей. Это сегментарные, стратификационные и синтетические общества [106].

Сегментарное общество построено по типу «сети», где наличествуют повторяющиеся друг друга модули и отсутствует единый управляющий центр. По этому типу устроены, например, некоторые террористические организации (например, организация «Аль-Каида»), а также первобытные племена, живущие собирательством.

Стратификационное общество (от латинского *stratum* – слой) предполагает наличие страт – социально обусловленных

«слоев» (поэтому такое общество часто сравнивают со слоеным пирогом). К этому типу относятся общества, основанные на сословных, классовых и кастовых взаимоотношениях, а также интересующее нас в данном исследовании тюремное сообщество.

Третий тип общества – это *синтетическое общество*. Согласно Е. Н. Панову, – это нынешнее индустриальное общество, «в котором все функциональные подсистемы, выполняющие его нужды (политика, хозяйство, наука, религия, воспитание и т. д.), сливаются в единый сложнейший механизм, поработавший, по существу, своей неумолимой поступью обслуживающие его человеческие массы. На наших глазах происходит и следующий шаг – слияние подобных индустриальных обществ в единое глобальное, мировое общество, которое при соприкосновении с обществами сегментарного и стратификационного типов быстро разрушает их, походя вовлекая все новые и новые этносы в безумный бег «современного массового общества» [106].

В связи с предметом нашего исследования (особенности тюремной субкультуры с позиции этологии человека) нас интересует, в первую очередь, кастовое стратификационное общество.

Все исследователи сходятся на том, что наиболее яркий пример кастовой системы – это традиционное древнеиндийское общество. Оно отличается от других стратификационных обществ (сословных и классовых) тем, что «границы между сосуществующими слоями общества сохраняются здесь практически непроницаемыми. Это значит, что человек, родившийся членом данной касты, никогда и ни при каких условиях не сможет перейти в другую» [107].

Рассмотрим более подробно классическое кастовое общество, которое веками существовало и до сих пор, пусть в латентной форме, продолжает существовать в Индии. Нужно сказать, что система каст функционировала в Индии почти три тысячелетия (официально до 1949 года, когда правительство Индии объявило об ее отмене и ввело уголовное наказание за сегрегацию на кастовой основе).

Согласно традиции, население Индии принадлежит к четырем варнам [69, 175, 185] (условно – «большим кастам»). Уточняя сказанное, следует подчеркнуть, что понятие варны шире,

нежели понятие касты. Варна – это, собственно, не каста или объединение каст, а некое трансцендентальное понятие, отражающее коллективную дхарму (закон жизни) определенного слоя индийского общества [63, 69]. В одной варне могут состоять несколько каст, общее число которых может достигать до нескольких десятков. Например, у жителей острова Шри-Ланка тамилы насчитывается 48 каст. Касты, в свою очередь, делятся на множество подкаст (джати). По данным подсчета числа джати, результаты которого были опубликованы до ликвидации кастовой системы, в Индии их насчитывалось не менее трех тысяч.

Согласно древним индийским рукописным памятникам – Ведам, основные варны индийского общества – это брахманы (жрецы), кшатрии – (воины), вайшьи (торговцы и ремесленники) [69]. В четвертой, низшей варне шудра (слуги, рабочие, крестьяне), состоят очень многочисленные касты и джати, делящиеся, в свою очередь, на «чистые» и «нечистые».

Веды учат, что варны возникли из тела первочеловека Пуруши. Уста Пуруши стали брахманами, говорящими от имени богов. Из рук Пуруши образовались кшатрии – варна воинов – исполнителей законов общества. Из бедер Пуруши произошли вайшьи – варна земледельцев и ремесленников. Из ступней Пуруши возникли шудры – варна слуг. Первые три варны являются высшими, членам которых был дозволен доступ к чтению священных Вед.

Самая «чистая» варна – это варна брахманов, «специализация» которых – занятия просвещением и наукой, богослужение (джати бхатра, дикшитар, намбуриди, джангам, куруккал, пандарам, пуджари и др.), врачевание (джати оджха). Самый низший из брахманов считается более высоким, чем наиболее привилегированный член любой другой касты. Считается, что к этой варне относятся около 3 % населения Индии.

К варне кшатриев относятся аристократия и воины. Их миссия – управление страной, исполнение законов, защита устоев государства, прав и обязанностей граждан (сейчас, по некоторым данным, кшатрии – это в основном члены офицерского корпуса вооруженных сил Индии, представители правоохрани-

тельных органов, государственные служащие). Общее число кшатриев – около 3 % населения Индии.

Представители варны вайшьев занимаются организацией производства – товарного, сельскохозяйственного, а также – торговли и услуг (джати арора, банья, бохра, вани, комати, кхатри, кходжа, марвари, чети и т. д.). Мотивацией их деятельности является получение прибыли, создание и организация своего дела (в настоящее время вайшьи в большинстве своем – это представители бизнеса). Их общее число – около 4 % населения.

К варне шудры относятся земледельцы (джати ахир, капу и т. д.), скотоводы (джати гадди, гадариа, гоала, дхангар и др.), рабочие (джати лохар, камар бархай, кхати, сутар и т. д.) и слуги (джати одде, ваддар и др.). Шудры составляют около 70 % населения Индии.

Примечательно то, что ни одна из этих варн, взятая по отдельности, не могла обеспечить дееспособную средневековую экономику. Только их совместные усилия в рамках разделения труда обеспечили многовековое существование индийского государства. В настоящее время в стране существуют кастовые банки, кастовые колледжи, кастовые кооперативы, соблюдается негласный запрет на смешанные браки.

Кроме того, в традиционном индийском обществе существовали неприкасаемые (делиты, хариджане, ачхут), которых в настоящее время по разным подсчетам от 15 до 25 % населения, а также парии – незаконнорожденные и люди без касты. В средневековом индийском обществе неприкасаемые были заняты самой грязной, презираемой работой – стиркой белья (дхоби, парит и др.), выделкой кожи (дхедх, дхор и др.), чисткой общественных уборных, утилизацией отходов, уборкой мусора (бханги, чандал, чурха и др.) и т. п.

Взаимоотношения между кастами регулировались сводом религиозно-моральных наставлений, окончательно оформленным во II веке н. э. Эти правовые трактаты (дхармашастры) были написаны стихами от имени легендарного прародителя человечества полубога Ману и получили название «Законы Ману» [44]. В Законах Ману были подробно регламентированы правила жизни представителей каждой касты, даны предписания относи-

тельно культа, ритуалов и конкретных обязанностей их участников, давался перечень запретных поступков, определялись виды наказания и т. д.

Как пишет Е. Н. Успенская: «Высшая варна брахманов объединила те джати, для которых „врожденным“ является запрет на физический „труд руками“. Неприкасаемые, напротив, занимаются только самым тяжелым трудом» [148]. Соотношение «чистота – нечистота» для каждой касты связывалось в индуизме с тем уроном, который наносят ее представители матери-природе. Поэтому, например, брахманы не могут наносить раны земле (заниматься хлебопашеством), а профессии мясника, убивающего животных и маслбоя, отнимающего жизнь у семян, относятся к числу «нечистых». На одной из самых низших ступеней этой своеобразной таблицы о рангах находятся санси, живущие воровством животных и питающиеся падалью нищие агхорипантхи.

Таким образом, краеугольным камнем философского обоснования существования кастового общества является положение о том, что варны отличаются друг от друга соотношением понятий «чистота – нечистота». Максимально «чистые» – это брахманы, абсолютно «грязные» – неприкасаемые и парии.

Надо сказать, что противопоставление «чистота – нечистота» является основополагающим практически во всех архаических культурах. «Идеи скверны, нечистоты, чистоты, очищения и другие им подобные тесно связаны для первобытных людей с идеями враждебности или благосклонности неведомых сил и добрых и злых влияний, с началом и окончанием их действия, а следовательно, с идеями счастья и несчастья», – писал Л. Леви-Брюль [76]. Можно сказать, что понятие нечистоты для человека первобытной культуры носит сакральное значение. «Например, у кафрских племен Африки нечистыми считаются дети до момента инициации, прежде чем они перешли в разряд взрослых; все женщины в периоды менструаций и на протяжении первого месяца после родов; вдовцы в течение 15 дней после смерти супруга или супруги; мать недавно умершего ребенка; мужчины по возвращении из военного набега и т. д.» [107].

Рассмотрим по аналогии с варнами древней Индии субкультурные группы, существующие в тюремном мире. Аналог касты

брахманов – это, без всякого сомнения, элита преступного мира – так называемые «авторитетные воры». Сюда относятся, во-первых, представители высшего уровня неформального управления тюремным социумом – так называемые «воры в законе» («козырные воры», «всесоюзные воры», «центровые воры» [36]) – хранители воровских обычаев и правил, а также подчиняющиеся им представители тюремных подкаст, образующих второй уровень управления [3, 4, 144], – «авторитеты», «смотрящие», «положенцы». Подобно брахманам, «воры в законе» выполняют системообразующую роль в тюремной субкультуре. Примечательно, что здесь также имеется иерархическая структура исходя из уровня сферы влияния неформального лидера («вор в законе»: страна, регион; «авторитет»: регион, колония; «положенец»: город, колония; «смотрящий»: колония, отряд [83]). В этой жесткой иерархии «авторитеты», согласно «воровскому закону», не имеют права свергать «вора в законе» и утверждать нового [129].

«Воры в законе» – это не только идеологи, организаторы и лидеры преступного мира, это толкователи и генераторы постоянно меняющихся воровских наказов: неписанного свода правил, которые и составляют так называемый «воровской закон». Это каста высших посвященных, «коронованных» на «сходняке» воров.

Подобно тому, как в касте брахманов является обязательным выполнение ряда правил и церемоний, для «воров в законе» до последнего времени также существовал ряд обязательных условий существования: они не должны были иметь семьи, обязаны жить без прописки, не работать, не служить в армии, не иметь никаких отношений к государственным структурам и к политике, не ставить подпись под документами и т. п. Вор должен был «справедливо решать все вопросы „воровской жизни“, не иметь личной неприязни друг к другу. Быть принципиальным к вора, нарушившим „воровскую идею“. Но главное – быть верным воровской идеологии, основанной на противопоставлении „воров“ и „мужиков“, „людей“ и „чертей“, а также на легендах о благородстве, бесстрашии, сильной воле, ловкости, уме и находчивости воров» [56].

При этом до последнего времени для «воров в законе» запрет на сотрудничество с властями был основополагающим. Подобно

брахманам, которые принадлежат к своей касте от рождения до смерти, «вор в законе» «коронуется» пожизненно и до конца своих дней должен нести свою ношу. Как и для брахмана, движение по социальной лестнице для «вора» возможно только вниз. Запятнавший себя неблаговидным поступком брахман может лишиться своей касты, перейти в разряд «неприкасаемых». Точно также «вор в законе», даже случайно нарушивший «обет чистоты», «законтачившись» от представителя низшей касты «петухов», перенимает его нечистоту и лишается звания вора.

Неформальные криминальные лидеры периодически устраивают тайные «сходняки» («сходки»), на которых решают важные для преступного мира вопросы, касающиеся, например, уточнений в толковании воровского закона. На этих «сходняках» принимают в ряды «воров» новых членов, коронуют «воров в законе», проводят суды над отступившими от «воровского кодекса».

По аналогии нужно отметить, что правом вершить суд в кастовом обществе Индии обладали лучшие знатоки вед – брахманы. Согласно Законам Ману, суд брахманов – это суд тройки, включающей в себя знатоков трех вед: ригведы, агорведы и самоведы. Что касается приема в воровскую элиту, то он «осуществлялся и „на воле“», и в местах лишения свободы, но обязательно – на воровской сходке. Кандидат проходил трехлетнее испытание, после чего утверждался, о чем преступный мир оповещал путем направления в регионы страны „воровских ксив“ (письменных посланий „воров в законе“). Вновь принимаемый в воровское сообщество присягал на верность воровскому миру. „Воры в законе“, рекомендовавшие вновь избранного на сходке, несли за него ответственность» [129].

Тут также можно усмотреть аналогию с примитивным первобытным обществом, по поводу которого Е. Н. Васечко пишет: «Там, где рядом в течение многих веков сосуществуют несколько самостоятельных кланов, наблюдается также такое любопытное явление, как „тайные общества“, принимающие обычно вид эзотерических мужских союзов. Члены их – своеобразная элита племени, они, пройдя через особые, дополнительные церемонии посвящения, мыслят себя в качестве некоей аристократии и относятся друг к другу иначе, нежели к непосвященной массе.

Свою повышенную значимость они подчеркивают самыми разными способами – специальными татуировками, которые не разрешается иметь остальным, особым языком, понятным только им, тайными ночными сходками и обрядами, видеть которые женщинам и простым общинникам запрещено под страхом смерти и т. д.» [22].

Авторитеты преступного мира, подобно касте брахманов, выработывают стратегию развития криминального социума, являются его коллективным управляющим центром. А. В. Балаболина пишет: «В идеальном типическом случае активным мобилизирующим началом выступает одна из самых „чистых“ каст, занимающая господствующее положение в экономике, контролирующая ритуальную и социальную жизнь. В каждом индийском штате имеется одна или несколько каст, которые выступают организующей силой для нижестоящих каст. В роли мобилизуемых выступают зависимые и более низкие в ритуальном отношении касты. Этот тип включения в политику основывается не на свободном выборе человека, а на подавлении его воли, на диктате и принуждении, в результате чего человек отстаивает не свои, а чужие интересы» [10].

Число настоящих «воров в законе» невелико. В России их насчитывается чуть более двух сотен [56, 115]. Но «намного больше тех, кто сам себя причисляет к этой категории» [56]. Если «на зоне» нет настоящего «вора в законе», преступный мир назначает туда «смотрящего», который должен следить за тем, чтобы заключенные соблюдали «тюремный закон». Здесь также существует своеобразная специализация: приближенные к криминальному лидеру контролируют различные аспекты жизни: один курирует промышленную зону, другой – отношения с «мужиками», третий заведует «общаком» и т. д. Как пишут Ю. А. Дмитриев и Б. Б. Казак, в 60-е годы «вор» «руководил „первой пятеркой“», в которую (помимо самого «вора») входили: «телохранитель», который отвечал за безопасность «вора»; «содержатель общей кассы» – за сбор и сохранность «воровского общака»; «советник» хорошо ориентировался во внутренней жизни ИТУ, помогал «вору» советами в разрешении «дел», с которыми к нему обращались другие осужденные; «ученик» – кандидат на зва-

ние «вора» [36]. Таким образом, приближенные к главарю выполняют многообразные функции: они следят за получением наркотиков, спиртного, чая и табачных изделий, решают споры между заключенными, следят за порядком и т. д. Для этого в их распоряжении существует личная гвардия – «пехота», «быки», «гладиаторы».

Есть еще одно сходство, которое роднит неформальных тюремных лидеров и касту брахманов: запрет на работу руками [115]. Философски это объясняется тем, что представители высших каст не могут нарушать существующее в природе равновесие, вмешиваться в установленные высшими силами законы бытия. Так, представитель касты брахманов никогда не поднимет с земли даже случайно оброненный им мусор, не станет выполнять рутинную физическую работу. Подобное существует и в неписаных правилах тюрьмы: «правильный арестант» не должен поднимать с пола упавшую вещь, не должен работать.

Как считают Ю. А. Дмитриев и Б. Б. Казак: «В настоящее время сообщество „воров“ в ИУ – это „ядро антисоциального фронта“, и оно имеет программу деятельности, содержащую систему принципов [36]:

- насаждать в местах лишения свободы воровские нормы, традиции, обычаи и устанавливать определенную линию поведения в отношении различных категорий осужденных;
- поддерживать установленный порядок, применять суровые санкции к непослушным;
- противодействовать влиянию актива в среде осужденных;
- искусно противостоять деятельности прокуратуры, МВД по укреплению правопорядка в исправительных учреждениях;
- объявлять войну развратникам, которые позорят уголовный мир, причислять их к „обиженным“;
- создавать и поддерживать в изобилии „общие кассы“ – материальную основу существования „воровского сообщества“;
- терроризировать в местах лишения свободы тех, кто отказался от требований „арестантской элиты“, а также всех свидетелей и „стукачей“;
- организовывать в среде арестантов картежные игры».

Изменения, произошедшие в нашей стране в конце XX века, наложили свой отпечаток на «касту брахманов криминального мира». Если раньше авторитетным ворами нельзя было работать, подписывать бумаги, то в настоящее время коммерческая и политическая деятельность лидеров преступного сообщества является нормальным явлением. Как отмечают В. Я. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева, «воры в законе» довоенного времени (до 1947 года) были ортодоксами, не допускали изменений «классических» норм воровской жизни» [129]. В последующем происходила медленная трансформация «воровского закона». Так, уже в 70-е годы XX века «вор» «мог иметь семью и постоянный приют. На воровских сходках принимались решения, разрешающие „честно уходить“ из сообщества, работать и даже вступать в контакты с администрацией» [36]. Деградация «кодекса чести арестанта» закончилась тем, что в 90-е годы в криминальной среде стал процветать новый бизнес: торговля титулами «воров в законе». Эти титулы стали массово скупать представители кавказских диаспор – в основном грузины (так называемые «апельсины», «мандарины», «лавушки»).

Индийской касте кшатриев (воинов) в тюремной среде соответствуют те, кто конкретно реализует воровские законы, выполняет волю «вора в законе», «смотрящего», «пахана», «авторитета». Это «блатные» («воры», «люди», «бродяги», «жулики», «братва», «арестанты»). «Блатные» – это профессиональные преступники, для которых пребывание за решеткой – не только обязательный этап в профессиональной карьере. Нахождение в местах лишения свободы – это, если можно так выразиться, образ их жизни. «Блатные» – «тюремные кшатрии», исполнительная власть преступного мира, которая борется с властью официальной, т. е. с администрацией исправительного учреждения. Примечательно, что в традиционном индийском обществе варна кшатриев была единственной, членам которой разрешалось убийство в определенных, оговоренных ведами, случаях. В примитивных сообществах «блатным» соответствовала так называемая «внутриплеменная полиция» – исполняющие племенной закон физически сильные приближенные вождя племени или шамана [166].

«Воры (по другим обозначениям, люди, человеки, в прежние десятилетия – блатные) – это не только те, кто осужден за кражу, но и бандиты, грабители, убийцы, словом, любые уголовники крупного пошиба, пользующиеся в преступном мире славой лихих, опытные, агрессивные и умеющие постоять за себя», – пишет Л. Самойлов (Л. С. Клейн) [125].

Стать «блатным» в прежние времена мог не каждый. Даже совершив тяжкое преступление, человек не мог претендовать на звание «блатного», если ранее состоял в членах комсомольской организации, или, например, служил в армии, или был «халдеем» (работал в сфере услуг). Такой человек находился вне общества «воров», так называемых «настоящих людей».

Здесь прослеживается аналогия с примитивным обществом. Например, в индийских племенах нага выбор путхи, т. е. религиозного начальника, осуществлялся по следующим правилам: «...надо, чтобы он никогда не был ранен ни врагом, ни диким зверем, ни при падении с дерева или со скалы, чтобы у него не было никакого уродства или увечья» [76].

К касте «блатных» примыкает подкаста «приблатненных» («двигающихся», «шестерок») – мелких преступников, шустрых и, как правило, молодых исполнителей воровской воли. В зависимости от специализации «двигающихся» среди них различают «конегонов», «быков», «торпед» и т. д.

Индийской варне шудра соответствует статусная категория «мужики». Эта тюремная каста состоит из людей, отбывающих наказание за совершенное преступление в виде лишения свободы, но ранее не имевших никакого отношения к профессиональной преступности и рассчитывающих после освобождения вернуться к обычной жизни. Подобно шудрам в индийской кастовой системе, «мужики» в тюремном сообществе – самая многочисленная группа заключенных. Они отбывают срок, работают и не участвуют ни в сотрудничестве с тюремной администрацией, ни в делах «блатных». «Ни на какую теневую власть в местах лишения свободы „мужики“ не претендуют, в различные „разборки“ не вмешиваются. Их кредо – жить тихо, побыстрее освободиться. Тем не менее мужики обычно придерживаются «правильных понятий», т. е. не идут

на сотрудничество (во всяком случае – открытое) с администрацией» [56].

Индийской касте вайшья, как представляется, также соответствует страта «мужики», а также такая тюремная подкаста, как «барыги». Здесь просматривается и связь с относительно новым тюремным кланом «комерсов». «Комерсы» – это, как правило, бизнесмены, осужденные за экономические преступления и незаконно пользующиеся поддержкой администрации исправительных учреждений, так как имеют связи с бизнесом и политиками «на воле» и «покупают» у недобросовестных представителей администрации исправительного учреждения право пользоваться определенными привилегиями. Как правило, они не платят в «общак» и не участвуют в блатных «разборках».

Как было сказано выше, в индийской общественной системе три варны являются чистыми (брахманы, кшатрии и вайшьи), для которых есть доступ к высшему сакральному знанию – ведам. А низшая варна – шудры – до познания вед не допускается. В тюремной субкультуре «мужики» отстранены от тайн преступного сообщества. Вмешиваться в дела «блатных» они не могут, права голоса на «разборках» не имеют. Что же касается тюремной страты «комерсы» (будем условно считать ее аналогом касты вайшья), то тут надо сказать, что, как пишет в своей книге А. А. Сидоров [133], заправили преступного мира еще «в 1979 году собрали в Кисловодске представительную „сходку“, на которую впервые в истории „воровского движения“ были приглашены представители противоположной стороны – „цеховики“. После долгих и продолжительных обсуждений непростого вопроса о мире и взаимопонимании стороны, в конце концов, постановили: теньевые предприниматели обязаны выплачивать представителям „цивилизованного рэкета“ „десятину“ – 10 % своих „левых“ доходов. Уголовная „крыша“, со своей стороны, обеспечивала им защиту от „залётных“ бандитов и мелких хулиганов». Другими словами, вовлеченность «бизнеса» в профессиональную преступную деятельность на самом высоком уровне насчитывает не одно десятилетие.

Индийской касте неприкасаемых, а также незаконнорожденным (париям) в тюремной субкультуре соответствуют так назы-

ваемые «петухи» («опущенные», «пидоры», «пинчи») и «черти» («чушки», «чуханы», «чмошники»). Разница между последними в том, что «петухи» используются для гомосексуальных контактов, а «чушки» – это просто «отверженные» – не следящие за собой, грязные, забитые, опустившиеся, деградировавшие личности, рабы, выполняющие за других грязную работу. «Это изгои, отверженные, парии, сословие рабов» [125].

В Индии члены касты неприкасаемых были заняты наиболее презираемой работой (уборка мусора, разделка мяса, чистка общественных уборных, выделка кожи, сжигание трупов, стирка белья и т. п.) [69]. Они жили в отгороженных кварталах на окраинах индийских городов и за околицей индийских деревень (сюда же относились и некоторые джати варны шудра). Они не могли находиться в местах общественного пользования (например, в больницах, магазинах, театрах, храмах и т. п.), ездить в общественном транспорте и посещать государственные учреждения. Законы Ману в отношении неприкасаемых гласили: «Местожительство чандалов и швапачей должно быть вне селения, утварь, используемая ими, должна выбрасываться, имуществом их должны быть только собаки и ослы... <...> ...одеждами – одеяния мертвых, пища в разбитой посуде, украшение из железа, и они должны постоянно кочевать» [44].

По аналогии с индийским обществом, в местах лишения свободы у «петухов» самая презираемая работа – мытье сортиров, подметание плаца. У них отдельные спальные места, в медчасти для них выделяются специальные койки и палаты, в ШИЗО и ПКТ – отдельные камеры, в местах общего пользования – «зачушканенные», «петушинные» столы и стулья. Даже в тюремных церквях они причащаются с использованием специальной «зашкваренной» ложки. Питаются «пидоры» из моченой дырками посуды. «Во многих лагерях их вообще не пускают за стол – они должны есть в углу, по-собачьи, из отдельной посуды» [125].

В зависимости от обстоятельств перевода в касту «петухов» с известной долей условности можно выделить такие подкасты, как «опущенные» (наказанные), «пинчи» (получившие статус «петуха» на «малолетке»), «пидоры» (гомосексуалисты, пришед-

шие «с воли»), «обиженные» («законтаченные», «заполосканные» – перешедшие в касту вследствие контакта с «петухом»).

«Петухами» становятся навсегда. Перейти в эту касту можно легко и неосторожно, просто прикоснувшись к «петуху», взяв у него какую-то вещь, сев за «петушиный» стол в столовой или на «петушиный» стул в медчасти или парикмахерской и т. п. Выбраться из касты «петухов» невозможно.

То же относится к неприкасаемым и незаконнорожденным в индийской кастовой системе: стать парией, т. е. перенять его «нечистоту» в средневековой Индии мог представитель любой из каст, просто дотронувшись до парии. Брахманам нельзя было даже дышать одним воздухом с незаконнорожденным. Даже пересечение тени неприкасаемого считалось осквернением представителей высших каст, поэтому утром и вечером, когда предметы отбрасывают самые длинные тени, хариджанам запрещалось находиться в людных местах. «Те, кто „испачкался“ от прикосновения с отверженным, должны были исполнить ритуалы очищения, или омовения, для восстановления чистоты» [136].

Таким образом, «чтобы сохранить уровень присущей данной касте чистоты, человек должен постоянно, под страхом исключения из касты, совершать омовения и всевозможные ритуальные очищения – особенно после опасного контакта с членом нижестоящей касты» [107].

То же самое наблюдается в местах лишения свободы. К «петухам» нельзя прикасаться (за исключением гомосексуального контакта), брать из их рук какие-либо вещи, докуривать после них сигареты, их нельзя бить руками (только ногами или каким-либо предметом). «Петухи» обязаны уступать дорогу другим заключенным, не приближаясь к ним на определенную дистанцию. То место, где сидел «петух», надо тщательно выскрести, чтобы не «опомоиться», металлическую «шконку», на которой спал «петух», после него надо очистить огнем и т. п. Отметим, кстати, что в индийских храмах также повсеместно существует практика очищения огнем от скверны.

Примечательно, между прочим, то, что использование «петуха», направленное против режима содержания (например, пронос им запрещенных предметов, «греха» (наркотики, спиртное)

даже в просвете прямой кишки) не считается «законтачиванием». Не считается перениманием «нечистоты» также и активный гомосексуальный контакт с «петухом».

Надо сказать, что в тюрьме существует специальный ритуал деперсонализации [144] – насильственного перевода в касту «петухов», который обозначается словом «опустить». В первую очередь, это насильственный гомосексуальный контакт с «опускаемым».

Приводим в качестве иллюстрации воспоминания бывшего осужденного, отрывок, взятый из монографии известного советского и российского социолога, антрополога, философа И. С. Кона [60]: «В пидоры попадают не только те, кто на воле имел склонность к гомосексуализму (в самом лагере предсудительна только пассивная роль), но и по самым разным поводам. Иногда достаточно иметь миловидную внешность и слабый характер. Скажем, привели отряд в баню. Помылись (какое там мытье: кран один на сто человек, шаек не хватает, душ не работает), вышли в предбанник. Распоряжающийся вор обводит всех оценивающим взглядом. Решает: „Ты, ты и ты – остаетесь на уборку“, – и нехорошо усмехается. Пареньки, на которых пал выбор, уходят назад в банное помещение. В предбанник с гоготом вваливается гурьба знатных воров. Они раздеваются и, сизоголубые от сплошной наколки, поигрывая мускулами, проходят туда, где только что исчезли наши ребята. Отряд уводят. Поздним вечером ребята возвращаются заплаканные и кучкой забиваются в угол. К ним никто не подходит. Участь их определена».

Необходимо отметить, что для реализации «опускания» всем не обязательно насилловать «опускаемого». Есть замещающие ритуальные действия: например, прикосновение половым членом или смоченным спермой полотенцем к лицу во время сна. К сожалению, в лихие девяностые вступавшие в преступный сговор с ворами представители администрации исправительных учреждений нередко использовали угрозу «опускания» в целях управления «зоной». Так, известны рассказы о якобы имевших в тот период фактах «награждения» неугодных арестантов матерчатыми петушиными гребнями, совершаемых публично, перед строем с молчаливого одобрения администрации.

Аналогом «опускания», «опетушения» в примитивных сообществах является акт изгнания из племени, остракизм. Если член племени сделал что-то противоречащее принятым этическим нормам, и племя не хочет, чтобы он оставался его членом, оно подвергает его остракизму. Человек изгоняется и вынужден вечно скитаться, быть изгоем, так как невозможно стать членом другого племени, не зная его обычаев, языка и т. п. Но «уйти из племени» в условиях тюремного содержания человек не может. Поэтому наказанием в тюрьме является «внутренний остракизм», когда человека лишают его человеческого статуса.

«На зоне» «петухи» нередко подвергаются изошренным издевательствам [85]: их бьют, заталкивают им в задний проход посторонние предметы (бутылки, лампочки), заставляют есть экскременты, жить на крышах и на деревьях и т. п. «Петухи» – это люди, подвергшиеся жесточайшему наказанию, без какого-либо права на реабилитацию и прощение.

Подобно «чертям» в тюремном сообществе, незаконнорожденные (парии) в индийском социуме – это представители самого глубокого дна. Прав у них еще меньше, чем у неприкасаемых, точнее, прав никаких нет. Это дети, рожденные от союза людей, принадлежащих разным кастам, или от союза париев. Сюда же относятся люди, изгнанные из своей касты. Парии полностью исключены из социальной системы. «Отверженный, отлученный от касты, становится изгоем: он лишается всех своих прав, перестает даже быть сыном и наследником своего отца... <...> ...это – утлый челн, без руля и весел; у него отнято все вместе с кастой – его триба и национальность» [92]. Хариджане (неприкасаемые), в отличие от париев, имеют свои традиции, свой свод правил поведения, свою дхарму, свое лицо. Они определенным образом включены в кастовую систему. Парии не имеют и этого, это люди вне социума, вне культуры, «люди без лица». Сходную ситуацию в тюремной системе можно выразить бытующим среди «зеков» емким высказыванием: «Черт хуже петуха».

От «петухов» отличаются другие пассивные гомосексуалисты – личные любовники блатных, пользующиеся их защитой. По воспоминаниям В. Шаламова, в «свиту» вора обязательно входили «молодые люди с набухшими мутными глазами: „Зой-

ки“, „Маньки“, „Верки“, которых блатарь подкармливает и с которыми он спит» [163]. Этой тюремной социальной группе в индийской кастовой системе соответствуют представители подкасты неприкасаемых «хиджра» – трансвеститы, гермафродиты и гомосексуалисты, занимающиеся проституцией. Как и в тюремной системе, хиджра в традиционном индийском обществе имеют определенные привилегии, в частности они участвуют в различных праздниках и ритуалах.

В средневековой Индии каждый член кастового общества знал свое место в социуме, свои неотъемлемые права, закрепленные в дхарме (неписанном этическом законе). Даже будучи неприкасаемым, он занимал свою позицию в социальной пирамиде, обладал стабильностью и определенностью своего положения в существующей иерархии, своим правом на поддержку со стороны своей касты в случае нарушения древнего закона кастового общества. При возникшем конфликте он мог обратиться за поддержкой к кастовому панчаяту, и глава панчаята обязан был за него вступить.

Аналогичное положение мы видим и в тюремном социуме: если с «пидором» несправедливо поступили, обидели, он может пожаловаться «авторитетам» (но никогда – администрации!), и если он прав, его защитят. Главой кастового панчаята и представителем «обиженного» в данном случае выступает так называемый «главпетух» – «петушиный пахан», лидер страты «петухов», который является посредником между кастой «опущенных» и лагерным сообществом.

В первой половине XIX века Индия была завоевана Британской империей. Это внесло громадные изменения в веками существовавшую систему варн. Поработители являлись представителями другой цивилизации, которая не вписывалась в существующую кастовую систему. За годы колонизации среди местного населения появилась социальная группа, связанная со службой в колониальных органах власти, а также индусы, принявшие христианство. В местах лишения свободы этой прослойке соответствует страта «козлы».

«Козлы» («красные», «повязочники», «активисты») – это открытые помощники администрации исправительного учрежде-

ния, согласившиеся на сотрудничество с ней за определенные послабления. Это так называемый «актив», «лица, твердо вставшие на путь исправления» – завхозы, заведующие клубом, столовой, библиотекой, члены секции профилактики правонарушений и т. д. Согласно тюремному этикету с «козлами» не запрещается общаться, разговаривать и прикасаться к ним. В. В. Тулегенов различает следующие «джати» страты «активистов»: идейный «активист», скрытый «активист», неустойчивый «активист», простой «активист». Автор также приводит следующую иерархию, существующую в их среде [144]:

- 1) нарядчик, старший повар;
- 2) дневальный оперативного отдела, отдела безопасности, культорг, дневальный медицинской части, председатель секции дисциплины и порядка колонии, заведующий банно-прачечным комплексом, комендант жилой зоны;
- 3) старший дневальный отряда, бригадир;
- 4) повар, боец ведомственной пожарной службы, парикмахер, сапожник, «бесконвойник»;
- 5) дневальный отряда, ночной дневальный.

В. В. Тулегенов в своей кандидатской диссертации доказывает, что основой деления представителей тюремного социума на субкультурные группы является их *modus vivendi*. В зависимости от субъективного отношения к складывающейся ситуации он выделяет группы с моделями поведения «отрицание» («воры»), «приспособление» («актив»), «нейтралитет» («мужики») и «деперсонализация» («отверженные») [144].

В индийском кастовом обществе по одному только виду человека можно было определить, к какой варне он относится. *Во-первых*, это касалось цвета кожи. Считается, что чем «чище» варна, тем светлее кожа у ее представителя. *Во-вторых*, опознавательным признаком принадлежности к той или иной варне является цвет и покрой одежды. Представители одной касты «обертывают бедра широкой полосой ткани, ниспадающей до лодыжек, у других она не должна прикрывать колени, женщины одних каст должны обертывать свое тело в полоску ткани не меньше семи или девяти метров, тогда как женщины других не должны употреблять на сари ткань длиннее пяти метров, одним

предписано носить определенный тип украшений, другим он запрещен, одни могли пользоваться зонтом, другие не имели на это права и т. д. и т. п. Характер жилища, пищи, даже сосудов для ее приготовления – все определено, все предписано, все изучено с детства членом каждой касты» [65].

Вот почему в Индии невозможно выдать себя за члена какой-нибудь другой варны. «Каста всегда очевидна, как очевидны красота или уродство», – гласит индийская пословица. То же самое касается и тюремных каст. По мельчайшим признакам опытный взгляд сотрудника исправительного учреждения всегда найдет отличие между «вором», «мужиком» или «козлом». «Касты различаются по униформе, поведению, правам, экономическому и бытовому положению. Всеми правдами и неправдами „воры“ стремятся перекрасить выданную униформу в черный цвет, ушивают ее по фигуре и щеголяют в отутюженных брючках и начищенных сапогах на увеличенных каблуках. „Мужики“ носят мешковатые синие робы, а „чушки“ донашивают чужие обноски – утратившую цвет серую рвань. По лагерю „воры“ ходят с гордой осанкой, держат себя развязно, нагло, везде (в столовой, поликлинике, лавке) проходят без очереди. „Мужики“ ведут себя скромно, большей частью помалкивают или разговаривают тихонько, они всегда усталы и голодны. „Чушок“ вечно прячется в закоулках, стоит позади строя, полусогнутый, со втянутой в плечи головой, запуганный и дрожащий» [125].

Нужно сказать, что бывали случаи, когда человек, относящийся к касте «петухов» появлялся «на зоне», где его никто не знает, и не сообщал «братве» о своем статусе. Это кончалось плохо. Истина быстро вскрывалась и «петуха» наказывали или убивали за то, что он «зашкварил» всех, кто с ним общался.

Даже погружаясь в священные воды Ганга, голый садху все равно несет на себе печать своей касты: это бинди и тилаки – метки, расположенные на лбу. По ним в Индии можно было определить не только кастовую принадлежность их обладателя, но и его семейное положение, место рождения, основные события жизни, число детей и т. п.

Аналогом такой метки в тюрьме является татуировка.

Считается, что татуировка пришла в европейскую культуру от племен Полинезии, где дикари делали их для отметки членов своего племени в знак наступления половой зрелости, для защиты от злых духов и т. д. В некоторых первобытных племенах нанесение татуировки носит характер подростковой инициации (аналог «прописки» в тюрьме). Через боль нанесения татуировки подросток становится мужчиной – полноправным членом своего племени. Для примитивных культур татуировка – это не только магическая метка, защищающая его владельца от злых духов и позволяющая отличить «своих» от «чужих», но и знак, определяющий ранг и статус ее владельца.

Наиболее древние татуировки относятся к III тысячелетию до н. э. Так, знаки на коже были обнаружены у египетских мумий, на теле Отци – древнего человека, останки которого были найдены в альпийских горах. Обнаруженная на Алтае мумия принцессы Укока (V–III века до н. э.) также сплошь покрыта «художественной» татуировкой. Практика татуировки в Европе широко распространилась после того, как в середине XVIII века капитан Джеймс Кук привез в Британию полинезийца, тело которого было сплошь украшено узорами.

Изучением распространения татуировок среди преступников одним из первых занялся основоположник учения о врожденном преступном поведении Чезаре Ломброзо [80]. В своих исследованиях он аргументированно доказал, что тюремные татуировки – это признак нравственной деградации, следствие нарушения психики. С этих позиций можно считать, что татуировки свойственны людям, подверженным социальной депривации. Это моряки, длительно пребывающие в море, военнослужащие срочной службы, лица, отбывающие срок в виде лишения свободы. Тесную связь тюремной субкультуры и феномена татуировки иллюстрирует тот факт, что в наше время в Японии запрещен вход в бассейны и общественные бани лицам с татуировками, так как это может свидетельствовать о принадлежности человека к профессиональному преступному сообществу якудза [91].

Тюремная татуировка, как и татуировка дикаря, несет большую смысловую нагрузку [19] (не зря на воровском жаргоне

традиционный набор татуировок арестанта носит название «фрак с орденами» [11]).

Во-первых, важную информацию об арестанте несут так называемые «перстни». Существует большое число их различных модификаций. При этом, наряду с тем, к какой тюремной касте относится их обладатель, по рисункам на «перстне» можно судить об очень многом, например, о том, по какой статье был судим носитель «перстня», каким преступным промыслом он занимается. Можно узнать о том, что заключенный является наркоманом, профессиональным шулером, убийцей, вором, сбытчиком наркотиков и т. п. По «перстню» можно судить о количестве «ходов», совершении преступления в несовершеннолетнем возрасте, навыкам осужденного, его болезни и т. д. [41].

Для лидеров преступного мира характерны «перстни» с изображением трехзубчатой короны, а также подключичные шести-, семи- или восьмиконечные звезды. В центре этих звезд могут быть различные изображения (лев, тигр, оборотень, волк, эсесовские руны, череп и кости и т. д.), отражающие характер и склонности их обладателя. Тело «авторитета» отмечается татуировками с отличительными знаками, носящими агрессивный и устрашающий характер – череп и кости, свастика, кинжалы и т. п. Заключенные, не принимающие требований режима (так называемое «отрицалово»), метят себя подобающим образом. Это могут быть уже упомянутые подключичные «воровские звезды», а также – звезды на коленях (их значение: «не встану на колени перед „ментами“»). Об «авторитете» вора можно судить по вытатуированным на плечах погонам. Информативны также изображения церкви, крестов, фашистской символики, человеческих черепов и орудий убийства [12].

Агрессивно настроенные по отношению к администрации исправительного учреждения осужденные «накальвают» изображения хищных животных: волка, льва, тигра. Знак карточной масти трэф определяет вора, виной – бандита и убийцу, бубны свидетельствуют о сотрудничестве с администрацией, а черви – знак «опущенного». Изображение летучей мыши говорит о ночном совершении краж, жук соответствует вору-карманнику, кот – квартирному вору, татуировка «паук в паутине» говорит о том,

что ее носитель – наркоман. Рука, сжимающая нож, означает, что осужденный был судим за хулиганство. Змея, обвивающая нож, говорит о том, что ее владелец – главарь преступной группировки. Роза означает, что ее владелец встретил совершеннолетие в исправительной колонии и т. п.

Определенным образом метят «чертей» и «петухов». Так, у «опущенных», помимо «перстня» с идентифицирующим рисунком (туз червей, три точки, наполовину заштрихованный туз вины и проч.) и точек на лице, это может быть татуировка на теле: женщина в объятиях черта или змеи, глумливый орден «мохнатого вора», порнографический рисунок и т. д. Специфические татуировки наносятся «пидорам» на ягодицы. Например, человеческие глаза, улей, в который летят пчелы, кочегаров, которые начинают бросать уголь в область ануса при ходьбе, кошка на одной ягодице, бегущая за мышкой на другой и т. д. «Главпетух» метится так называемой «петушиной короной», в которой обязательно присутствует знак червовой карточной масти.

Необходимо сказать, что индуистская кастовая система несмотря на всю ее инертность не является чем-то застывшим и закоренелым [72, 73]. В зависимости от местных обычаев, исторических особенностей и традиций число варн и каст может варьироваться. Например, у тераев (жителей Непала) варна брахманов делится на 3 касты, варна кшатриев – также на 3, а варна шудр состоит из 13 каст, кроме того, имеется 7 каст неприкасаемых. К 4 традиционным варнам в ряде случаев добавляется еще 2: вумстахи и гугоуши.

То же самое наблюдается и в тюремной субкультуре: в зависимости от времени, условий содержания и «общей обстановки» в местах лишения свободы возникали, исчезали и существуют в настоящее время такие «касты», «подкасты» и группировки, как, например, «ломом опоясанные», «шныри», «шерстяные», «бабочки», «красные пояса», «польские воры», «казачки», «козырные фраера», «крысы», «фуфлыжники», «суки», «громоотводы», «налепушники», «ножовщики», «мы на льдине», «зеленые» и т. д. [70, 71]. Социальная градация и число каст в обществе осужденных зависит от местоположения учреждения и царящих в нем порядках. Так, например, А. В. Пищелко и Д. В. Сочивко

сообщают о факте 12-членной стратификации статуса осужденных в одном из исправительных учреждений [112].

Члены высших индийских варн: брахманов, кшатриев и вайшьев в возрасте 8–12 лет проходят обряд инициации, которая рассматривается как второе, духовное рождение. Поэтому они считаются дважды рожденными, в отличие от представителей четвертой, самой низкой касты шудр. Здесь просматривается аналогия с тюремными кастами: высшими в иерархии преступного мира считаются «воры в законе», «авторитеты», «блатные», низшими – «мужики», не имеющие голоса на «разборках» и не допускаемые к секретам преступного мира. «Выходящими» за пределы системы «тюремных варн», т. е. самыми «грязными», в местах лишения свободы являются представители страт «козлов», «петухов» и «чертей».

В качестве иллюстрации к сказанному в этой главе приводим отрывок из книги В. Майера «Чешежопица. Очерки тюремных нравов» [85], оставляя на совести автора как достоверность изложенного, так и описание некоторых натуралистических подробностей тюремной жизни.

«На вершине пирамиды разместились блатные (паханы, бугры, шерсть), окруженные шестерками, своеобразной сменой, которых в Сибири называют «сынками». Ниже по рангу следует масса мужиков («мужики в авторитете», «мужик – человек») – сильные работяги, могущие постоять за себя, знающие законы и не стремящиеся «мочить рыло», специалисты-придурки, которых изначально поддерживает тюремное и лагерное начальство, а также сильная протекция с воли и блатные. Еще ниже слой чертей – довольно обширная категория убитых тюрьмой уже при жизни чучек – они плывут по течению обстоятельств, подгоняемые блатными и мужиками, грязные, вшивые, неряшливые, сломанные навсегда. Много в этом слое больных, умственно неполноценных, загнанных в зоны по облавам очисткам городов и населенных мест. Они готовы выполнять все по распоряжению как блатных, так и мужиков из-за пайки хлеба, шлюмки баланды, чайной подачи. Ими все брезгают, отгоняют от себя окриками, пинками, толчками, как навозных мух. Они неприкасаемые, парии, не годящиеся даже на хрящ любви. И все

же самая низшая страта – педерасты. Последние делятся на две группы – проткнутые и непроткнутые. Проткнутые – это те, кто стал педерастом по своей воле – сюда включаются гомосексуалисты, а также изнасилованные по статье и проколу-промашке.

Непроткнутые педерасты – это те, кто совершил непростительный косяк – промах, например, попросил закурить у пидора, взял у него продукты, жил в углу педерастов и т. д. Их работа: убирать туалеты, мыть коридоры, жечь мусор. И, если все же пидор скрыл свое сословие, то, что он «петух», «кочет», «пинч», и пристроился жить к «семье» вместе с блатными и мужиками, а это обнаружили и доказали, то вся семья переходит в группу непроткнутых педерастов.

Спит пидор у параши, часто положи голову на унитаз. Он не имеет права заходить в камеру за черту блатных и мужиков. Ему не полагается пользоваться кроватями и на них сидеть. Он стирает в камере белье блатных, убирает ее, ловит вшей в одежде блатных. Педераст моет блатных в бане, его разрешается всем мацать, то есть обнимать, держать за половой член, гладить, одаривать ласками. Пидоры в бане собирают грязное белье, складывают обмылки. Вступают в половые отношения с педерастами везде без стыда и совести: в карантине, в бане, загоняют под шконку – тюремный лежак. В промзоне затаскивают и на крыши и там чешежопят. В камерах Новосибирской тюрьмы педерасты живут только у толкунов-унитазов, их обязанность содержать унитазы в идеальной чистоте, при этом моют их костяшками домино. В обязанность педерастов входит также вытирать задницы блатным, выносить тузики – корзины с мусором. Свою посуду – шлюмки и ложки педерасты ставят также на унитаз. Не дай Бог оказаться посуде педерастов рядом с посудой блатных или мужиков! Последняя тогда помойтся, что является непростительным нарушением уголовных правил, и виновника-педераста за это избивают до полусмерти. Сдают посуду педерасты тоже отдельно от блатных. Перед вступлением в половые сношения пидоры пидорам моют фуфлю мылом, особенно ценится уссурийское пахучее мыло, затем промазывают вазелином и вставляют в «копченное солнышко» вату. После акта пидоры вытирают блатному член полотенцем. Поэтому настоящий уго-

ловник никогда не воспользуется тюремным или лагерным полотенцем. Они считаются запомоенными. Блатные и мужики, умываясь, вытираются только марочками – носовыми платками или переданными с воли домашними полотенцами. Знаменитые педерасты ценятся на вес золота. Их по праздникам одевают в женскую одежду вплоть до бюстгальтера, бреют ноги, половой член особым способом подтягивают к животу, красят щеки, брови, губы. Раз в году – 8 марта – в Международный женский день устраивают угощение и поздравляют всенародно. Педерастам дают женские имена – Таня, Катя, Валя, а фамилию оставляют мужскую и называют Таня Золотавин, Катя Охохонин, Валя Шадрин. В Новосибирской тюрьме в камеры смертного коридора педерастов помещают на ночь за деньги. Потом им дают отдохнуть в специальных камерах-обиженках, туда помещаются педерасты и лагерное эковское начальство – козлы. Козлами называются бывшие завхозы, бригадиры (бугры). Козлов нельзя помещать в камерах с простыми зэками, так как их могут там убить или запомоить. В обиженках педерасты отдаются козлам. По уголовному закону круглым педерастам не возбраняется доносить начальству о положении в камерах. Что с него, педераста, взять – он конченный человек... Зачумленного педераста, то есть такого, какой уже из-за старости, уродливости и дряхлости не вызывает сексуального интереса, любой зэк может «попросить» убрать за себя помещение, сходить в наряд. Педерасты и черти – постоянный объект потехи и издевательств. В зонах Курганской области устраивают даже соревнования среди педерастов по бегу. В цехе, когда нет начальства, пидоров раздевают, вставляют в задницу ключи, сверла с обратной стороны, протяжки, отвертки и пускают в бег. Победители те, у кого не выпадает инструмент, кто быстрее прибежит, получают угощение – глоток чая, конфетку, зубок чеснока. Молодежь часто устраивает гонки на чертях и пидорах – их запрягают в контейнера и ездят по цеху».

Факты существования неформальной стратификации осужденных не остались без внимания ученых, изучающих пенитенциарную систему [5, 47, 57, 144]. Так, например, Ю. П. Баранникова, признавая, что среди несовершеннолетних осужденных в Омской воспитательной колонии число «отверженных» колеб-

летя от 18 до 30 % (т. е. примерно каждый третий – каждый пятый воспитанник – «опущенный»)! А остальные несовершеннолетние обитатели воспитательной колонии, следовательно, – «наильники»), предлагает бороться с существующей ситуацией путем внедрения программы психокоррекционных мероприятий, включающей сказкотерапию, арт-терапию и психогимнастику [13]. К сожалению, автор не сообщает об эффективности внедрения предлагаемой программы.

Для борьбы с психологическими последствиями деления заключенных на неформальные страты В. Н. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева предлагают использовать такие приемы, как аутотренинг, групповые тренинги, ролевые игры, социодрамы, психодрамы [129].

Вообще, тут наблюдается довольно странная ситуация: после обнародования в открытой прессе сведений о том, что треть воспитанников Омской ВК подвергается сексуальному насилию со стороны других несовершеннолетних осужденных (приведенное выше сообщение Ю. П. Баранниковой опубликовано в материалах Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России» в 2008 году), руководство ФСИН, как минимум, должно было назначить служебную проверку с последующим (если факты подтверждаются) наказанием ответственных лиц. Но это, насколько автору известно, сделано не было. Что называется: услышали и забыли. Прискорбно, но довольно лояльно к описанным явлениям относятся чуть ли не повсеместно: не без участия отдельных руководителей ИУ существует деление мест в отрядах на «чистые» и «грязные», «петушиные палаты» в медчасти и проч. Зло становится привычным, его не замечают, к нему подстраиваются...

Сказкотерапией и психодрамами, естественно, не исчерпываются мероприятия по борьбе с тюремным кастообразованием. Существует множество различных предложений и подходов к существующей проблеме [3, 47, 140, 144, 168]. Так, например, авторы считают, что для нейтрализации «тюремного закона» необходимы следующие воспитательные мероприятия [цит. по 47]:

- вежливое обращение с осужденными;
- создание комиссий по этике;

– проведение анонимных социологических опросов осужденных;

– привлечение к воспитательным мероприятиям представителей религиозных конфессий.

В. В. Тулегенов предлагает выделить следующие направления по нейтрализации криминальной субкультуры:

- а) общие мероприятия,
- б) специальные мероприятия,
- в) индивидуальные мероприятия.

Приводится подробное их описание и предлагаются рекомендации для органов уголовно-исполнительной системы по повышению эффективности использования уголовно-исполнительных и криминологических мер воздействия, а также соответствующие поправки в действующую нормативно-правовую базу [144].

В. М. Анисимков предлагает бороться с тюремной субкультурой посредством расширения общеобразовательного обучения осужденных, установления постоянных связей между ними и общественными, религиозными и иными организациями [3]. Автор особо подчеркивает необходимость создания правового поля, которое включало бы в себя позитивные ценности ориентации лиц, лишенных свободы [3].

Н. А. Яковлев предлагает внести изменения в действующие нормативно-правовые акты и определяет пути нейтрализации негативного влияния тюремной субкультуры, которые включают в себя педагогическую, религиозную и организационно-правовую составляющие [168].

Н. В. Тищенко предлагает комплекс мер, который условно можно разделить на три составляющие [142]:

- 1) реформирование государственной политики в сфере наказания;
- 2) реформирование институтов гражданского общества, связанных с правозащитной деятельностью;
- 3) внесение существенных изменений в деятельность образовательной системы, средств массовой информации.

Более подробному анализу путей борьбы с тюремной субкультурой будет посвящена заключительная глава настоящей монографии. Здесь же скажем, что наиболее полно основные

пункты общей стратегии борьбы с неформальными социальными нормами в среде лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, отражены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года [61], где определены основные направления социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными, направленной на минимизацию действия «тюремного закона». Важнейшие пункты данной концепции предусматривают:

- усиление воспитательной работы в отношении осужденных, способных к ресоциализации, с особым акцентом на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение профессии или переквалификацию;

- развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения;

- оптимизацию социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными на основе функционального взаимодействия сотрудников всех служб исправительных учреждений с привлечением к исправительному процессу представителей органов исполнительной власти, а также институтов гражданского общества;

- поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристики;

- совершенствование духовно-нравственного и патриотического воспитания осужденных, планирование, организация и проведение в исправительных учреждениях воспитательных мероприятий, направленных на формирование и развитие у осужденных стремления к общественно-полезной деятельности, соблюдению требований законов и принятых в обществе правил поведения;

- повышение требований к научному и методическому уровню психодиагностической и психокоррекционной работы, разработку и развитие психотерапевтического направления работы

психолога, совершенствование научно-технического обеспечения деятельности психолога, оптимизацию диагностического инструментария психолога и объема психодиагностической работы, внедрение инновационных технологий, адаптацию передового отечественного и зарубежного опыта работы.

В представляемой вниманию читателей монографии нет нужды механически перечислять все пункты Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года [61]. Скажем лишь, что при условии ее неукоснительного соблюдения наши тюрьмы давно превратились бы в сады Эдема. Но... далее вновь хотелось бы привести цитату из книги ветерана уголовно-исполнительной системы Владислава Ковалева «Душой и сердцем», посвященную нередким фактам дилетантского и шапкозакидательского отношения к сложным внутриведомственным проблемам: «Сказанное, в первую очередь, касается самоуверенных суждений воинствующих шелкоперов, которые, по командировочному удостоверению сходяв однажды в зону в сопровождении административной свиты и обцеплявшись, как козел репьями, набором дешевых жаргонных обскребышей, начинают мнить себя знатоками проблемы и разглагольствуют на эту тему с апломбом непогрешимости» [59].

Как было сказано, индийской кастовой системе более трех тысяч лет. Она латентно существует до сих пор, несмотря на многочисленные попытки упразднить кастовое общество.

А как давно появились касты в российской тюрьме? И почему они появились? Вот два вопроса, которые требуют своего ответа. Казалось бы, имеющийся порядок существовал всегда. Но так ли это? Чтобы докопаться до истины, как и в любом научном исследовании, следует, прежде всего, обратиться к первоисточникам, к свидетельствам очевидцев.

Русская литература дала миру два великих произведения, посвященных тюремной жизни. Это «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского [40] и «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицина [134]. Существует и обширная мемуаристика: воспоминания В. Т. Шаламова, Е. С. Гинзбург, Л. Э. Разгона, А. Т. Марченко, В. К. Буковского [29, 162, 163], не говоря уже о многочисленной «бульварной» литературе, посвященной тюремной жизни.

И Ф. М. Достоевский, и отбывавший срок спустя столетие всемирно известный описатель ГУЛАГа, удостоенный за свои необыкновенные сочинения Нобелевской премии по литературе, А. И. Солженицын подробно описывают жизнь в условиях мест лишения свободы. Но ни о каких «первобытных» порядках, напоминающих уклад жизни племени людоедов, либо кастовое общество средневековой Индии, которыми бы тотально управлялись сообщества арестантов, ни тот ни другой не сообщают. Ни о каких тюремных кастах, «ворах в законе», «обиженных», «чертях», «козлах» и «петухах» не сообщает А. П. Чехов (писатель совершил в конце своей жизни путешествие на остров-тюрьму Сахалин, где как врач осмотрел всех содержащихся там заключенных и рассказал о своей поездке в повести «Остров Сахалин») [161]. В монументальном пятитомном исследовании М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» нет ни одного упоминания о таком позорном явлении, как «опускание» и о существовании тюремных каст [26]. Да, тюремный гомосексуализм существовал всегда (о чем сообщают В. Т. Шаламов, Л. Э. Разгон и другие авторы), но он не носил массового и системного характера, не был неотъемлемой и обязательной частью тюремного культурного феномена и имел распространение преимущественно в обособленной группе «блатных». Само появление касты «петухов» и ритуала «опускания» относится ко второй половине XX века [62]. Во времена В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына, положения тюремного закона распространялись преимущественно на группу профессиональных преступников, которые считали себя «людьми», а всех остальных «нелюдями».

Кроме того, есть данные, что «воры в законе» как отдельная и весьма специфическая социальная группа появились в российских тюрьмах только в 20–30-е годы XX века [56]. При этом М. П. Клейменов напрямую связывает образование касты «воров в законе» с появлением в тюремной среде подвергнутых гонениям носителей высокой европейской культуры. Автор считает, что идеологизация воровского «движения»: появление кодекса вора, правил его поведения и в целом романтизация и мифологизация воровской жизни – это во многом результат политики советской власти по отношению к своим идеологическим против-

никам, так называемым «классово чуждым элементам»: белому офицерству, дворянам и духовенству, которые в массовом количестве содержались в эти годы в местах лишения свободы [56]. Это согласовывается с мнением В. Ф. Пирожкова о том, что трансформация тюремной субкультуры в годы культа личности Сталина объясняется тем, что в местах лишения свободы оказалась значительная часть передовых людей России (революционеры ленинской гвардии, ученые, философы, служащие, военные, работники культуры и искусства) [109].

Таким образом, нужно отметить, что тот тюремный уклад, который существует в местах лишения свободы в настоящее время, очень сильно отличается от того, что описывали А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов и другие тюремные «летописцы», которые отбывали наказание до середины 60-х годов XX века, т. е. до того, как произошло жесткое деление на тюремные касты с образованием страты опущенных. Другими словами, до середины XX века «реальная власть членов воровского сообщества ограничивалась местами лишения свободы, да и то в той степени, в какой это соответствовало интересам лагерной администрации» [56].

И только к началу 70-х тюремный закон полностью овладел социальной организацией арестантского сообщества. В 80-е годы тюремные порядки распространяются на армию, где также появились «опущенные» и «чмо» («черти»). Автор, который в это время служил в должности начальника медицинского пункта в одной из частей Советской Армии, имел возможность лично наблюдать стремительную негативную трансформацию общественных взаимоотношений в солдатской среде с появлением «отверженных» и «петухов».

Преобразовалась в 70-е годы и группа «активистов». Теперь они были включены в устойчивую касту «козлов», выбраться из которой, при всем желании, невозможно. В лихие девяностые тюремные нравы начали стремительно распространяться «на волю». Как было сказано выше, необходимость создания класса собственников любой ценой нивелировала в глазах российских младореформаторов этические стороны проводимых реформ. В своих мемуарах бывший вице-президент России А. В. Руцкой

сообщает, что неоднократно предупреждал Е. Т. Гайдара о недопустимости слияния криминальных структур и бизнеса [123]. На что, по воспоминаниям А. В. Руцкого, тот ответил, что это не существенно, ибо самая главная задача – быстро провести реформы, а там де «невидимая рука рынка сама расставит все по своим местам». Приватизация государственной собственности, а по существу – разграбление общенародного богатства – происходила тогда по бандитским понятиям и законам. В результате обескровленная правоохранительная система не справлялась с потоком заказных убийств, рейдерских захватов, рэкета, экономических преступлений. Указанное не могло не сказаться на всех сторонах жизни россиян. В 90-е статус «петуха» стал пожизненным и вне тюрьмы. Воровская субкультура начала активно сливаться с предпринимательским сообществом и политикой. Среди «воров в законе» появились так называемые «апельсины» – люди, купившие это звание. Сами исправительные учреждения разделились на «красные» и «черные». При этом в «черных» отчисления из воровского «общака» представителям администрации значительно превышали их официальные зарплаты. Будучи бессильными бороться с тюремной субкультурой, сотрудники пенитенциарной системы нередко стали принимать «правила игры», не препятствуя появлению атрибутов, связанных с существованием «петушиной» касты, а подчас и напрямую способствуя распространению «тюремного закона»: именно в лихие девяностые массовыми стали факты сговора между администрацией и «ворами», переложения на «смотрящих» функций надзора за порядком в исправительных учреждениях. И само слово «вор» стало теперь расшифровываться как «внештатный оперативный работник». Как пишет М. П. Клейменов: «Криминальная власть укрепляется, когда создается обстановка, благоприятствующая развитию криминальной деятельности. В этих условиях преступная деятельность становится бизнесом, а ее целью – обретение богатства» [56].

Так эволюционировала российская тюремная субкультура, на сегодня она не имеет себе аналогов в мире и обладает огромной живучестью и способностью к самовоспроизведению. Вывод, который напрашивается в результате всего изложенного: возникновение страт заключенных по типу кастового общества свя-

зано со стремлением криминальной социальной системы не только сохранить саму себя, но и распространить свое влияние на общество в целом.

Известно, что когда существованию организованной преступности угрожает опасность, она стихийно вырабатывает контрдействия, цель которых – сохранение существования организованных групп граждан, ведущих асоциальный образ жизни. Это случилось в середине XX века с организованной преступностью: в условиях давления со стороны репрессивной советской государственной машины она смогла выжить и укрепить свое влияние за счет создания новой системы общественных отношений в условиях отбывания наказания, вовлечения в свою патологическую структуру практически всех(!) граждан, находящихся в местах лишения свободы. А последовавшие за развалом СССР лихие девяностые действовали на агрессивную тюремную среду как высококалорийное удобрение на негодный сорняк, выведя процесс репликации преступных паттернов на новый общественный уровень.

Примерно то же самое, но уже о кастах Индии, пишет Е. Н. Успенская: «Организация джати создавалась как отрегулированный в мельчайших деталях способ жизни многочисленного, многосоставного, разнородного социума, обитающего в условиях агрессивного тропического климата, в обстоятельствах феноменального этнического и культурного разнообразия, демографической и аграрной (в районах с благоприятными для земледелия природными условиями) перенаселенности, нехватки ресурсов» [148].

Итак, кастовая система обладает высокой живучестью и способностью к саморепликации. Изучая джати, ученые-кастологи пришли к интересному выводу: попадая в индийское кастовое общество, представители иных культур быстро перенимают правила социальной стратификации: так, например, возникли мусульманские касты (уникальное явление в исламском мире [8]), касты сикхов и христиан (что в корне противоречит евангельскому «Нет ни эллина, ни иудея»). Правительство Индии выделяет большие средства для преодоления средневекового наследия, но «в умах людей кастовая идеология жива, она определяет почти все их реакции и действия: <...> ...мы видим и парадигму санскритизации, и ожидание „взаимопомощи в жизни“», и атомизацию

общин. Это делает социальные проблемы, стоящие перед индийским правительством и обществом, трудноразрешимыми» [148].

Почти то же самое можно сказать и о ситуации в российской тюремной системе. Усилия руководства ФСИН, администрации исправительных учреждений, большого штата психологов и воспитателей, пенитенциарных ученых «разбиваются» в настоящее время о незыблемые правила «тюремного закона». Даже попытки вывести из тюремного социума и сконцентрировать отдельно представителей страты «петухов» привели к тому, что «на зоне» «опетушили» новых «отверженных», а среди отделенных от основной массы осужденных «петухов» произошло свое расслоение на «высших» и «низших».

Ясно одно – нужны коренные перемены в организации работы уголовно-исполнительной системы. Сказкотерапия (а также – психогимнастика, аутотренинг и прочие социодрамы и психодрамы [13, 129]) тут бессильна.

И самое интересное – это вывод, который напрашивается из всего сказанного (он подтверждает суждения некоторых исследователей о связи строения структуры тюремного социума со степенью криминальной самоидентификации личности [17, 18]). Этот вывод можно сформулировать следующим образом: *степень «чистоты» варны в индийском обществе (она – чистота – является, как было указано, качественным мериллом самой варны) коррелирует со степенью вовлеченности в профессиональный преступный промысел представителей различных каст в тюремной субкультуре. То есть понятие «чистота» в индийском кастовом обществе соответствует понятию «криминализация» в тюремной субкультуре. А сама кастовая социальная система тюремного сообщества построена так, что не предоставляет осужденному шанса на иное, нежели определенное «тюремным законом», поведение, жестко стратифицируя личность, отводя ему уже известную заранее социальную роль в той или иной тюремной касте.*

Глава 3. Тюремная субкультура сквозь призму этологи человека

*Чем больше я узнаю людей,
тем больше я люблю собак.*
Мари де Рабютен-Шанталь

Вопрос, на который мы пытаемся найти ответ в данной главе, можно обозначить следующим образом: как получилось, что в двух, совершенно не похожих друг от друга сообществах, разделенных тысячами километров, не имеющих культурных и родственных связей, в различные временные периоды возникли похожие друг на друга (порой – до мельчайших деталей) кастовые общества?

Не является ли это признаком того, что подобное общественное устройство во многом универсально? И не связано ли это с природой человека, с его генетически детерминированной потребностью находиться в определенным способом иерархически построенном социуме?

Тут следует сказать, что в природе есть немало примеров, когда общественные животные способны продолжать свой вид только благодаря кастовому принципу организации их сообщества. А само кастовое сообщество животных очень сильно напоминает социальное устройство коллективов людей.

Эти проблемы изучает **этология** – наука, занимающаяся анализом механизмов и приспособительного значения поведения животных в онтогенезе и филогенезе [187]. Один из основных разделов этологии – это вопрос изучения инстинктивного (врожденного, имеющего в основе генетические программы) поведения животных [37]. О важности и актуальности проблем, изучаемых этологией, говорит тот факт, что основоположники этой науки Николас Тинберген, Карл фон Фриш и Конрад Лоренц за ее создание получили Нобелевские премии в 1974 году.

Главными направлениями этологии являются: изучение генетически обусловленных компонентов поведения (так называемое «врожденное» поведение животных [186] и изучение общественного поведения животных в естественных условиях (предмет самостоятельного раздела этологии – социэтологии). Важным направлением этологии является также этология человека, изучающая видоспецифические элементы в поведении человека – общие для большинства людей закономерности в поведенческих реакциях, двигательных стереотипах и особенностях социального поведения. Человек для этолога – это один из видов животного царства. «Многие особенности его поведения, кажущиеся другим уникальными или загадочными, не выглядят такими, если знаешь, что существует целый букет сходных и родственных образцов поведения других видов» [37].

Как пишет Е. Н. Панов «Этология человека предстает сегодня перед нами как междисциплинарный комплекс, под эгидой которого сходятся и тесно переплетаются пути развития собственно этологии, психологии развития, социальной психологии, психолингвистики, семиотики, этнографии, антропологии и эволюционного течения» [108].

Этология, как наука возникла в результате ретроспективного анализа большого эмпирического материала, накопленного в биологии к началу XX века и как следствие – новых научных данных. Так, наблюдая за стаями птиц, один из основателей этологии орнитолог К. Лоренц пришел к выводу, что сообщества гусей и галок – это не случайные группировки отдельных особей, а организованные сообщества с четкой внутренней структурой и сложной логикой взаимоотношений ее членов [176]. Кроме того, им были сделаны выводы о том, что поддержание лидирующего положения в группах многих видов животных осуществляется преимущественно за счет ритуалов (позы, звуковые сигналы, «танцы» и т. д.), которые называются в этологии демонстрациями [45].

Необходимо сказать, что законы этологии, касающиеся общественного поведения животных всеобщи и универсальны. Они дают возможность анализировать и сравнивать социальные системы различных классов и видов живых существ: насекомых,

ракообразных, рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих, а также человека. Хочется особо подчеркнуть, что общественное поведение животных и человека – это одна из важнейших форм видоспецифического поведения, дающая ключ к пониманию структуры, развития и функционирования популяций живых существ. Наблюдая за особенностями поведения животных, К. Лоренц пришел к выводу, что определенные стереотипы поведения характерны для всех особей определенного вида и выполняются без специального обучения. Такие стереотипы были названы К. Лоренцом наследственно координированными актами. А система объяснений возможной сущности выявленных явлений вылилась в выдвинутую К. Лоренцом этологическую теорию инстинкта. Данная теория предполагала, что многие формы поведения живых существ в значительной степени подчинены генетическому контролю, т. е. «приобретены в процессе филогенеза и практически не изменяются в ходе жизни особи под влиянием ее индивидуального опыта» [108].

«Сравнивая между собой поведение представителей самых различных зоологических видов, от простейших до самых высших, ученые обнаруживают удивительные параллели и закономерности, свидетельствующие о существовании общих поведенческих принципов, касающихся всех представителей животного царства, и человека – в том числе» [119].

При анализе поведения людей, находящихся в местах лишения свободы, возникает уверенность, что господствующая в «тюремном законе» система взаимоотношений между членами тюремного сообщества во многом является своеобразным слепком этологической организации сообществ социальных (общественных) животных, к которым относятся многие виды насекомых, рыб, птиц и млекопитающих [132]. Известно, что особи общественных видов живут сообществами (стаями, стадами, табунами, семьями, прайдами), в которых существует природная иерархия.

К признакам, характеризующим такие сообщества, относятся [45]:

- 1) устойчивость группировок во времени,
- 2) взаимная координация действий особей в группе,

- 3) прочные связи между особями,
- 4) поддержание целостности группы.

При этом считается, что всякой эффективной организации функционирования сообщества животных присуща иерархическая упорядоченность [114].

Так как биологически человек принадлежит к группе социальных животных, то само социальное существование человека изначально инстинктивно и популяционно обусловлено [121]. При этом оно обязательно подразумевает взаимодействие с другими людьми, пребывание в определенном социуме [132]. «Существовать, не имея совсем никаких ценностных ориентиров, человек просто не может. Конструирование тех или иных социальных норм – это неотъемлемый элемент функционирования любой социальной группы» [57]. В полной мере это относится к тюремной субкультуре как иерархически построенной социальной системе.

Известно, что существование человека в условиях тюремной изоляции характеризуется принудительным равенством. Личность при этом словно лишается социального статуса, теряет свое место в «традиционной» социальной иерархии, выносится «за рамки» существующего общества. При этом уголовно-исполнительная система ни для кого не делает исключений, предусматривает одинаковое обращение со всеми, стирает грани между представителями различных социальных групп. Жизнь в исправительном учреждении детально регламентирована, подчинена жесткому распорядку, ни для кого не делает поблажек [132].

Конфликт между генетически детерминированной общественной сущностью человека (с точки зрения этологии человек, как было сказано, относится к общественным животным), жизненной потребностью находится в организованном социуме – с одной стороны, и социальной депривацией, принудительным тюремным равенством, при котором со всеми обращаются одинаково, не делая различий между осужденными – с другой, приводит, по мнению ряда ученых, к формированию и развитию элементов тюремной субкультуры, в которой некоторые исследователи усматривают реализацию психологической адаптации

осужденного к условиям тюремной изоляции путем идентификации себя с другими обитателями тюрьмы и определением своего места в новом социуме [132].

Согласно канонам этологии, в основе поведения животных в сообществе лежит взаимодействие нескольких факторов [45]:

- 1) общественного инстинкта, побуждающего представителей вида общаться с сородичами,
- 2) внутривидовой агрессивности, которая позволяет установить и поддерживать определенный порядок в сообществе,
- 3) уровня развития рассудочной деятельности.

В целом иерархия в сообществе животных – это система подчинения. Она возникает автоматически в любой группе представителей общественных видов. В многочисленных опытах было доказано, что для появления социальной иерархии достаточно собрать вместе особей одного вида общественных животных, и в сообществе немедленно начнутся выяснения роли каждого в социальной пирамиде. Спустя какое-то время там воцаряется порядок и спокойствие: выстраивается иерархическая система. Во главе сообщества появляется лидер-доминант, которому подчиняются представители промежуточного звена – субдоминанты.

Субдоминантам подчиняются все остальные члены сообщества. В конце «лестницы доминирования» находятся особи-изгои, принимающие на себя все трудности жизни в сообществе. Это явление, впервые описанное норвежским экологом Т. Шьелдерупп-Эббе в результате наблюдений за домашними курами, было названо им «порядком клевания» [183]. Впоследствии подобные взаимоотношения в виде линейной иерархии были обнаружены у многих видов животных. Хрестоматийными здесь являются результаты длительных наблюдений за жизнью голубей, сверчков и речных раков [45]. Таким образом, иерархические отношения представляют универсальную характеристику сообществ [114]

При этом зоопсихологи Ю. А. Лабас и И. В. Седлецкий прямо указывают на сходство порядков, царящих в иерархически построенном сообществе животных (они описывают взаимоотношения в стае макаков), с неформальными тюремными правилами

ми. Вот что пишут эти ученые: «...макаки чуть ли не всей стаей накидываются на того, с кем вздумалось расправиться вожаку: пытаются его чем-нибудь ткнуть, ударить, кидают в него кал». И далее: «Здесь аналогия с поведением людей очевидна. Например, во главе шайки уголовников – пахан. При нем жалкая и трусливая шпана, так называемые шестерки и, бывает, непотребные женщины – марухи. Этой компании поневоле беспрекословно подчиняется вся шайка, включая сильных и храбрых парней. О таких шайках, терроризировавших всех прочих лагерников, с ужасом вспоминают многие бывшие наши политзеки» [74].

Отмеченные параллели, естественно, не свидетельствуют о том, что поведение человека есть прямое и непосредственное продолжение поведения животных [108]. Подобное объяснение, подвергающее сомнению справедливость устоявшегося взгляда об уникальности человека и его языкового поведения [78], было бы слишком примитивным и в высшей степени ненаучным. Однако подмеченные этологами черты сходства законов поведения в человеческом коллективе и сообществе животных [21] объективны и свидетельствуют о том, что человек, как представитель животного царства, несет в себе генетически запрограммированные стереотипы панмаммального (т. е. присущие всем млекопитающим) поведения. При этом «границы применения этологических принципов к анализу человеческого поведения должны естественным образом определяться спецификой предмета этологии человека» [108].

Проанализировав поведение различных видов обезьян, известный ученый, популяризатор этологии человека В. Р. Дольник делает вывод о том, что «очень сильная, даже по зоологическим меркам агрессивность человека, его очень высокая (даже по сравнению с обезьянами) сексуальность, чувство ревности, приводящее даже к убийству соперника и, наконец, потребность мужчин с детства до старости бороться за свой иерархический ранг – все это для этологов бесспорное свидетельство того, что становым хребтом стада древних гоминид была жесткая иерархическая пирамида, образованная половозрелыми самцами» [38]. Иерархическое построение современных человеческих сооб-

ществ В. Р. Дольник напрямую связывает с «генетическим багажом», доставшимся человеку от его далеких предков. Здесь автор находит аналогию с жизнью в саванне «предков нескольких видов макаков и собакоголовых обезьян», создавших иерархию взрослых самцов с целью выживания сообщества и эффективно-го сопротивления хищникам, в первую очередь, леопардам [38]. Этим же (т. е. существованием иерархии взрослых самцов у предков человека) можно объяснить и тот факт, что наблюдающаяся в тюремном сообществе социальная пирамида, построенная по типу иерархического доминирования, характерна исключительно для мужских исправительных учреждений и не встречается в женских «зонах».

Этологами было отмечено и то, что иерархическая система вырабатывается в коллективе особей одного вида преимущественно тогда, когда имеется ограниченный доступ к пищевым и иным ресурсам [122] (например, в упомянутых выше наблюдениях Т. Шьелдерупп-Эббе это была конкуренция среди кур за корм и место на насесте). При установлении подобной иерархии доминирования ее стабильность начинает поддерживаться сообществом. При этом замечено, что перенаселение также ведет к появлению в сообществе жесткой иерархии. В этом плане особенно показательными были наблюдения за такими представителями животного мира, как луна-рыба и белая мышь [45]. Напомним в связи со сказанным, что максимальная степень дифференциации членов тюремных коллективов по кастовому признаку в уголовно-исполнительной системе России наблюдалась в те периоды нашей истории, когда в тюрьмах отмечалась максимальная перенаселенность.

Природная целесообразность иерархической организации взаимоотношений внутри сообщества животных заключается в том, что в результате стратификационного ранжирования приоритет во всех жизненных ситуациях получают наиболее жизнеспособные особи, что обеспечивает выживаемость их потомства в процессе естественного отбора [169].

Как известно, человек является продуктом длительной эволюции, он неотделим от животного мира. Поэтому существование иерархий доминирования мы видим в любом человеческом

коллективе: на производстве, в армии, в церкви, в общественных организациях [54]. Но отличие «гражданского» социума от тюрьмы заключается в том, что член сообщества всегда может покинуть коллектив, если он занимает в этом коллективе угнетенное положение. В условиях мест лишения свободы такому человеку уйти никуда нельзя, поэтому взаимоотношения в тюрьме имеют жесткие, часто – бесчеловечные формы.

Как пишет Е. Г. Клейменова, в рамках тюремной субкультуры «общепринятым является наличие неравного объема прав и обязанностей у различных категорий заключенных». При этом «нет абсолютного равенства между теми или иными группами заключенных». Автор считает, что именно такой порядок «является главным принципом устойчивости тюремного социума» [57]. А. Н. Олейник отмечает, что несмотря на кажущуюся неорганизованность социальные отношения в тюрьме носят жесткий, напряженный характер [102]. Любое отклонение от выполнения принятой социальной роли, от правил формальной институционализации ведет к строгому наказанию.

Учеными-пенитенциаристами не раз было показано, что тюремная субкультура, предусматривающая иерархию доминирования в виде существования тюремных каст [2], способствует лучшей адаптации осужденных к пребыванию в местах лишения свободы [129]. В этологии подобный эффект защитной функции иерархического ранжирования был продемонстрирован в опытах на серых крысах, которые показали, что члены сообщества животных, где существует жесткая иерархия доминирования, лучше приспособлены к изменениям условий окружающей среды и обладают большей способностью сопротивляться возникающим трудностям благодаря слаженной работе членов группы, в отличие от животных, в коллективе которых нет жесткой иерархии [45].

Структурная иерархия, наблюдающаяся в сообществах животных, сохраняется благодаря тому, что структурированность сообщества – поддержание иерархической организации – обеспечивается прежде всего благодаря феномену доминирования и подчинения [45]. При этом ведущей силой процесса установления иерархии, как правило, является физическая расправа или угроза применения таковой.

Таким образом, этологи особо подчеркивают, что образование и поддержание стабильных общественных группировок невозможно без внутривидовой агрессии, которая выполняет следующие функции:

- 1) обеспечение изоляции группы в пределах одной популяции,
- 2) противодействие проникновению в данное сообщество чужих особей, а также изгнание из сообщества слабых членов,
- 3) участие в формировании и поддержании структуры индивидуализированных сообществ.

Учеными-этологами абсолютно доказано, что именно в результате внутривидовой агрессии животных (драки, угрожающие демонстрации) устанавливаются иерархические отношения в сообществе. Особенности внутривидовой агрессии впервые были описаны как результат многочисленных наблюдений за различными видами животных (зебры, обезьяны, ящерицы и т. д.) и систематизированы в монографии основателя этологии, лауреата нобелевской премии Конрада Лоренца «Агрессия (так называемое зло)» [81]. В ней автор приводит убедительные доказательства генетического, врожденного, наследственно обусловленного свойства агрессии для всех живых существ. Особое внимание в монографии обращено на внутривидовую агрессию человека, которая, по мнению К. Лоренца, является одной из главных угроз для дальнейшего существования человечества. Данная книга по праву считается одним из важнейших научно-философских произведений XX века [45].

Что касается установления иерархии отношений в тюремной субкультуре, то особую роль агрессии, насилия в ее образовании и поддержании отмечают многие исследователи. Как было сказано выше, именно агрессию (так называемую степень институционализации насилия [103]) А. Н. Олейник выделяет в качестве одного из четырех ведущих критериев, определяющих внутреннее строение тюремной субкультуры [57]. Одним из факторов усиления агрессии в коллективе животных В. Р. Дольник считает страх [37]. Именно страх перед будущим, страх неизвестности, страх за свою жизнь является превалирующим чувством, которое испытывает человек, оказавшийся в условиях

тюремной изоляции (личность осужденного), что, несомненно, усиливает градус агрессии в тюремных коллективах.

Этологами доказано, что чем труднее достижение цели доступа к пищевым ресурсам и различного рода благам в сообществе животных, тем жестче выстраиваемая там система иерархических отношений. Помимо сказанного, здесь играет роль необходимость бороться с давлением со стороны хищников [105]. Усложнение системы иерархического строения сообщества связано с «распределением ролей» животных в группе. Оно описано у совместно охотящихся хищных рыб (тунец, макрель), у млекопитающих (львы, волки, гиены) [45]. Ролевая иерархия заключается в выполнении отдельными членами сообщества (и в целом – организованными группами животных) различных, но четко обозначенных совместных действий при охоте, охране территории, воспитании детенышей. В этом случае наблюдается не линейный «порядок клевания» или иерархия особей, а иерархия группировок [31], высшей степенью развития которой является кастовая система.

Суть кастовой системы в мире животных заключается в том, что сообщество живых существ эффективно развивается и функционирует при условии существования в нем каст – устойчивых группировок животных, жестко ориентированных на выполнение их членами определенных, только им свойственных, социальных функций. По аналогии с животным миром в ряде человеческих культур, как было сказано выше, также существуют социальные образования, называемые кастами. Кастовая система наибольшее развитие получила в традиционных культурах Индии и Непала. При этом, например, учеными-индологами было показано, что в средневековой Индии общество эффективно функционировало только благодаря «разделению труда» между кастами. Ни одна из индийских каст, взятая по отдельности, никогда не смогла бы создать и поддерживать дееспособную экономику [148].

Из этологии известно, что иерархия отношений между различными кастами наиболее выражена у общественных насекомых. Это явление называется эусоциальностью (т. е. истинной социальностью). К общественным (или социальным) насекомым относятся многие виды муравьев, пчел, ос, шмелей и термитов.

Кроме того, эусоциальность обнаружена у некоторых японских тлей, у одного вида австралийских жуков и представителя млекопитающих – голого землекопа.

Эусоциальная организация сообщества имеет свои отличительные черты. Это репродуктивная дифференциация, заключающаяся в том, что значительная часть особей не участвует в процессе размножения и занята обслуживанием плодовитых особей. Следующий, очень важный признак эусоциальности – это тесная кооперация между членами сообщества в выполнении разнообразных функций, свойственных данному виду. При этом наблюдается четкое разделение труда. Например, в пчелиной семье есть разведчики, охранники, няньки, сборщики пыльцы и т. д. Следующим отличительным признаком эусоциальности, как было сказано, можно признать наличие каст – больших групп особей с морфологически закрепленными особенностями, позволяющими реализовывать специфические функции, свойственные той или иной касте. Члены одной касты ухаживают за потомством, другой – являются рабочими, третьей – солдатами... В эусоциальных сообществах животных социальное расслоенное закреплено, как правило, на онтогенетическом уровне а также в ряде случаев кодировано геномом (например, у термитов *Reticulitermes speratus*). Поэтому представители различных каст насекомых отличаются друг от друга по цвету, размерам и строению тела, наличию выростов и крыльев и т. п. В этом плане весьма показательна каста солдат у носатых термитов. У ее представителей имеется специальный вырост на голове, с помощью которого они выпускают струю отпугивающей жидкости. А у одного из видов муравьев-древоточцев есть каста «затычек», представители которой обладают большой головой, с помощью которой они закрывают вход в гнездо. Феномен узкой специализации каст в эусоциальном сообществе подчас бывает настолько выражен, что, например, у некоторых насекомых представители касты воинов в процессе эволюции вообще разучились самостоятельно принимать пищу, в результате чего их кормят рабочие.

Как было сказано, сходное с общественными насекомыми строение социальной иерархии наблюдается также и у одного представителя млекопитающих: восточноафриканского грызуна

голового землекопа. Эти зверьки, подобно муравьям, живут колониями, возглавляемыми плодовитыми самками. В зависимости от «специализации» особей голового землекопа ученые выделяют «обслужу», «охранников», «переносчиков почвы», «проходчиков» и т. д. [181].

Таким образом, как следует из сказанного, проведенное этологами исследование общественного поведения большого числа различных видов животных разных таксономических групп позволило выявить феномен изоморфизма, сиречь структурного сходства социальных систем в никак не связанных между собой таксонах [45, 54]. В полной мере это относится и к социальной организации человека, как представителя животного мира, в геноме которого также закреплены функции, отвечающие за реализацию правил иерархии доминирования. Рассмотренные выше примеры сходства тюремной субкультуры и древнеиндийского кастового общества подтверждают этот вывод.

Особенно интересны в свете нашего исследования наблюдения за иерархией отношений в стае волков. Волчья стая относится к классу индивидуализированных (персонифицированных) сообществ, для которых характерно сочетание черт жесткой иерархии доминирования с «личными» отношениями между отдельными членами стаи. Стая характеризуется наличием четкой иерархической структуры, которая поддерживается с помощью разнообразных агрессивных актов [16, 66]. Благодаря этому члены стаи великолепно умеют координировать свое поведение в таких сложных коллективных действиях, как, например, охота на крупного зверя [45]. Во главе стаи находится вожак: альфа-самец или альфа-самка. Ему подчиняются все члены волчьего сообщества. Следующий по рангу – бета-особь, затем гамма и так до замыкающей омега-особи. У каждого волка есть в стае свои обязанности и права. Наряду с вожаком, который организует работу стаи, существует группа «воинов» – команда вожака, которая обеспечивает пропитание стаи. «Воинами» руководит, как правило, бета-самец. Есть также группы «матерей» и «воспитателей» волчат, «постовых», в задачу которых входит оповещение стаи в случае опасности, и «пенсионеров». Интересным является то, что в отличие от многих других сообществ живот-

ных, в волчьей стае может присутствовать группа омега-отверженных волков, которых третируют все остальные члены сообщества. Этим животным достаются самые плохие куски при дележе добычи, их постоянно кусают, выбирая для укусов ягоды, над ними совершают ритуальное насилие другие члены стаи. Многие «отверженные», будучи не в силах далее терпеть издевательства своих сородичей, покидают стаю и, как правило, умирают голодной смертью, не в силах добыть себе пропитание в одиночку, в условиях зимней стужи и бескормицы. С точки зрения этологии, волчья стая – это идеальное сообщество, приспособленное для борьбы за существование. В результате многовекового истребления волка людьми эти хищники выработали оптимальную социальную структуру, обеспечивающую сохранение волка как вида в тяжелейших условиях обитания.

При этом невольно приходит мысль о схожести правил, царящих в волчьей стае, и организацией человеческого криминального сообщества. Как и в волчьей стае, преследуемые правоохранительными органами профессиональные преступники выработали наиболее оптимальную организацию своей повседневной жизни (криминальная и тюремная субкультуры), которая помогает им эффективно сопротивляться закону и продолжать противоправную деятельность. «Выживание в условиях криминального сообщества, стихийных общественных отношений является императивом, подчинение которому вызывает необходимость объединения в преступные группы» пишет М. П. Клейменов [56]. Как отмечает А. А. Иванова, именно «криминальная культура, точнее, субкультура, способствует выживанию, сплочению представителей преступной среды, повышению их активности, мобильности» [47]. «Уголовная субкультура в лагере выглядит сугубо формализованной, очень жесткой, живучей и сильной» [125].

Как было сказано выше, А. Н. Олейник выделяет четыре критерия, определяющих сущность тюремной субкультуры [103]:

- 1) дифференциация сфер деятельности,
- 2) высокая персонификация отношений,
- 3) дуализм социальных норм,
- 4) насилие как норма повседневной жизни.

Если внимательно разобраться, то становится очевидным, что все эти характеристики свойственны и для волчьей стаи! При этом объяснение находит даже третья характеристика (феномен дуализма социальных норм). Действительно, человек считает волка разбойником и злодеем. Это отражено в устных преданиях, легендах, мифах, сказках и различных артефактах человеческой культуры. Но ведь сам волк себя разбойником не считает! Для него нападение на овец, коров, да и на человека – это способ добычи пропитания, естественное состояние.

В целом тюремная субкультура обладает всеми признаками социальной системы управленческого типа: иерархичностью, распределением ролей и функций, наличием «кодекса поведения», самообеспеченностью, целеполаганием, профессионализмом и стремлением к самосохранению [68].

Проблемами развития сообществ в результате естественного отбора занимается родственная этологии наука – *социобиология*. Социобиологическая теория человека основывается том, что в результате воздействия внешних факторов (негативных или позитивных) происходит развитие сообществ. При этом некоторые из них выживают и развиваются, другие погибают. Как считается, имеется три уровня естественного отбора: индивидуальный, половой и групповой [190], а эволюция типов сообществ выражается, прежде всего, в метаморфозах системы иерархических отношений [114].

В качестве примера здесь можно упомянуть наблюдения К. Лоренца, который показал (на примере сообщества утиных), что поведение особей в популяции оказывает влияние на процессы дифференциации в сообществе и, тем самым, – на особенности передаваемой потомству генетической информации, что в результате неизбежно сказывается на дальнейшей судьбе сообщества.

Особую роль в этом процессе играет «управляющий орган» сообщества. Это может быть одиночный лидер-доминант (например, вожак стаи волков), коллективный орган управления или целая «страта управления» [114], обособленная группа лидеров-руководителей. В. Р. Дольник выделяет при этом следующие типы устройства управления сообществом у обезьян: «патриархальную автократию» у горилл, «геронтократию» у па-

вианов и «охлократию» у макаков [38]. На более высоком уровне в сложно организованном сообществе может существовать и специальная «управленческая» каста.

При этом роль такого управляющего органа настолько велика, что, например, Ю. М. Плюсниним предложено называть этот орган пейсмекером, т. е. водителем ритма, задаваемого доминантом (или группой доминантов) руководимому ими сообществу [114].

Переводя законы, которыми управляются отношения между особями сообщества животных на человеческий коллектив, нужно отметить, что физиологические потребности, способы их удовлетворения, а также инстинктивные программы поведения имеют социальный эквивалент, реализующийся в культурных и моральных установках [87, 126].

В. Р. Дольник пишет: «Люди придумали уйму сложных и витиеватых теорий, объясняющих некоторые особенности человеческого поведения, а ларчик открывается так просто: поведение мотивирует врожденная программа, очень простая и рациональная, проверенная естественных отбором на многих видах» [37]. Причем эта программа «отбиралась для дикого стада приматов, а не для цивилизованных людей» [37].

О том, насколько похоже строение тюремной социальной иерархии на примитивные отношения в стае обезьян иллюстрирует приведенный ниже документ, так называемая «малява», текст которой доступен в Интернете [197]. Мы приводим ее целиком, без изменений и купюр.

Привет, братва!

Пишет вам письмо бывший з/к Семенченко Николай, чалился на Петровской киче, мотал по 162-й пятерик, законник по жизни, косяков не имел, с чертями знакомств не водил. Случился со мной казус, не знаю даже как и в двух словах все передать. Прошу Вас ознакомиться с моей малявой и вынести правильное решение, по всем понятиям.

В-общем, как откинулся я, так решил прогуляться по Москве, город посмотреть, по кабакам пошнырять, косточки размять. Занесла меня нелегкая в зоопарк, что на Баррикадной. Хожу, на зверушек гляжу, волков с шакалами изучаю, на козлов позорных винторогих смотрю (руками не мацал, б... я буду). То

да се, подошел я к клетке, где обезьяны всякие сидят и вижу – мама родная, да у них там настоящая хата, как у кума.

Павиан сидит на нарах на почетном месте возле кормушки – сразу видно, смотрящий. Мартышки две зеленые прыгают по камере как чумные, то туда то сюда, визжат, пищат, одним словом черти – они и в Африке черти. На полу у параши оранжевый обезьян сидит, марафет на голове наводит – петуха сразу видно, хоть он обезьяной оденется, а все равно – петух.

Вдруг вижу – идет кто-то к клетке, присмотрелся, а это сторож местный хавку несет для приматов. Павиан даже не шелохнулся, да оно и ясно, ему, по всем понятиям, черти хавку должны подносить, на то они и черти. Мартышки у кормушки так и вьются, рожки строят, прыгают, стрекочут чего-то по своему, слюнями брызжут, оранжевый виновато косится на них, подойти боится, видно знает он права свои петушины, знает, что хавать будет что останется. Баландер осторожно так к клетке подошел, кормушку открывает, хавку вываливает, а там, екарный бабай, фрукты, век воли не видать. Натуральные фрукты, бананы с яблоками, да картошка воло-сатая. Где же это видано, чтобы з/к бананы, на елдак похожие, ел?! Это же натуральный косяк, за такие дела даже матерого вора опускают моментом. А эти б...яди зеленые чего творят, бананы на пол падают, так они как свиньи, ей богу, с пола их поднимают и смотрящему прыг-прыг: «Нате Вам», товарищ смотрящий, – «петушиной хавки отведайте».

Пахан-павиан видно тоже не понял, кто и почему рамсы попутал, мартышкам по хавальникам плюху залепил, те поняли, что накосячили, гляжу – чистят бананы, на куски ломают и около пахана на шконку кладут. Вот умора, ей богу. Павиан хавать начал, в семью никого не зовет, один челюстями двигает, глазами только на волю зыркает.

Мартышки в одном углу сидят яблоки с огрызками жуют, черти полосатые. Тут вижу – петух поганый к кормушке подползает, остатки выгребает и на дальняк несет. И вдруг, вот падла, продукты на пол свалил и гадить сел. Я давай орать на него: «Брысь с парашии! Гнида, захлопни дупло свое долбанное, пацаны хавать сели, а ты, крыса, на дальняке пристроился!

Стою, ору, себя развлекаю. И тут началось. Пахан со шконки прыгнул, пошел, неторопливо так, по деловому. Ну, думаю, сейчас оранжевому вломят за косячничество. Петух тоже испугался, в угол потрусил, голову лапами закрывает, воеет тихо, как будто извиняется. А пахан, как последняя тварь, над дальняком нагнулся, кусок глины петушиной поднял, размахнулся, и (сука буду, не вру) в меня метнул. Я аж остолбенел. Граждане дорогие, это что же такое получается??? Зашкварил, гнида!!! Ни за что, ни про что зашкварил!! Петушиным говном меня умыл, рыло беспредельное!!! Я на клетку кидаюсь, ору на него: «Порву, тварь, сука буду – порву!! Выходи, пропало ложкомайное, на куски тебя рвать буду!!! Меня глиной умыл, сам кровью умоешься, мразина парашная!!» Павиан на меня кидаться начал, орет, хавальником своим вонючим на меня волну гонит. Я через ограду полез, тут менты прибежали, стукнул им, видать, кто-то. Ну, скрутили меня и в обезьянник. Да не в тот, где эти беспредельщики мохнатые сидели, а в натуральный ментовской обезьянник, он у них недалеко от метро, в отделении. Допросили менты меня по всей форме, все смеялись, мол «обезьяна правильного мужика зашкварила», и всем отделением гогочут, суки ментовские. Протокол оформили, отпустили меня, расписку, гады, взяли. Подписался я, что в зоопарк этот чертячий больше ни ногой. «В противном случае», – говорят – «год исправилки за хулиганку тянуть будешь».

Уважаемые воры! Прошу вас разобраться в этой казусной и абсурдной ситуации. По всем понятиям выходит, что зашкварился я по-черному. Но ведь пахан обезьяний тоже зашкварился, падла, причем добровольно. Сам нагнулся и петушиное дерьмо с пола поднял. Где это видано, чтобы пахан с дальняка глину поднимал?? Какой же он пахан после этого? И нельзя меня в шкварные производить, а то получается – петухи значит своей глиной всю камеру ночью могут зашкварить и что тогда выходит – была хата воровская, а стала петушиная? Прошу с высоты вашего опыта, разрешить создавшуюся ситуацию, так как мне зашкваренным быть резона нет никакого, плевать на расписку, в зоопарк приду – замочу падлу павианскую.

Что ж, комментарии излишни. Отношения в тюремной иерархии до того напоминают законы обезьяньей стаи, что только что освободившийся из мест лишения свободы гражданин просто не может провести грань между тюремным законом и социальной системой высших приматов. Но еще удивительнее отклики, которые получила эта «малява» в Интернете. И если само послание гражданина Семенченко вполне может оказаться интернетовским фейком, то комментарии к нему сделаны конкретными пользователями. Приводим один из них [194]:

Ха, забавно расписано :) Я на юридическом учусь, так что сейчас все растолкую: по беспределу (а тут явно беспредел) зашквар не канает, конечно, но влезать в чужую хату с криком тоже не дело – там свой смотрящий, он затем и существует, чтобы за порядком следить. Да и не по понятиям эти твари мохнатые живут – с администрацией сотрудничают, честным людям дерзят, на обзак не скидываются.

Прочтя подобное, уж точно надо плакать горячими слезами. Понятия и законы тюремной субкультуры настолько пропитали российское общество, что воспринимаются молодым поколением (а пользователи Интернета – это в основном молодежь) как само собой разумеющееся.

Или вот еще одна «малява» (без изменений и купюр) [196]:

Вечер в хату, часик в радость, арестанты. Рассудите по понятиям воровским, а не по законам мусорским. Поставила баба моя в хате тарелку кота рядом с парашей. Сделала по не знанке, да и какой спрос с бабы. А кот теперь уже и не кот а петух зашкваренный получается, раз ест возле парашеи. Дыривить миску как полагается петуху теперь или относиться к нему как к коту? И зашквар ли гладить и на руки его теперь?»

И вновь масса советов «по понятиям» в Интернете. Приводим один из них [195]:

Мир в дом, бродяга. Тут не за котом, а за тобой косяк. Если ты в хате коронованный, то не по понятиям, чтобы в твоей хате твоя баба такой беспредел творила. Либо ее к коту переселяй, либо сам переселяйся.

Сходство тюремной субкультуры с сообществами животных просматривается также и в том, что в условиях вынужденной

сексуальной депривации отношения между осужденными начинают напоминать отношения внутри львиного прайда или лошадиного табуна [132], где вожак (на тюремном аргоне Америки – *stud*, в переводе – *племенной жеребец*) для подтверждения своей власти должен вступать в половую (в данном случае – активную гомосексуальную) связь с «нижестоящими» членами микросоциума [129].

Тюремный ритуал «опускания» имеет аналог в животном мире. Как отмечают Ю. А. Лабас и И. В. Седлецкий, «самое большое унижение для павианьего самца – подставиться как самка перед совокуплением» [74].

Как пишут авторы, «у некоторых видов павианов доминирующая особь демонстрирует ранговое превосходство ударами рукой по чужим седалищным мозолям: жест, как бы символизирующий соитие» [74].

Теория психоанализа З. Фрейда трактует наказание в виде нанесения ударов по ягодицам как подсознательный аналог насильственного совокупления, направленный на понижение социального статуса наказываемого. «Недаром в древнем мире и у нас при крепостном праве хозяева с помощью телесных наказаний не столько причиняли боль рабам, сколько публично унижали их. Иногда жертвы публичной порки умирали от шока (отнюдь не болевого), кончали с собой или страдали всю жизнь тяжелыми психическими расстройствами» [74]. Другими словами, если рассматривать ритуал «опускания» с этих позиций, то становится ясным, что его цель (лишение наказуемого его статуса в социальной иерархии) имеет глубокие (в том числе генетически наследуемые человеком от его предков – обезьян) корни.

Ю. А. Лабас и И. В. Седлецкий отмечают: «У многих обезьян и, как известно, у людей резко падает социальный статус самца, изнасилованного в присутствии группы особей. Кто не слышал о трагедии так называемых „опущенных“ в наших тюрьмах? Заключенный, изнасилованный на глазах у всех в общей камере, превращается в неприкасаемого, в парию. С ним недопустимы любые формы общения: нельзя даже дать прикурить. Нарушителям грозит опасность превратиться в таких же „опущенных“» [74].

Н. С. Пряжников пишет: «Очень часто для доказательства своего преимущества над своим сородичем животное по определенным ритуалам унижает его, а проигравший в „соревновании“ обязан принять при этом „позу покорности“ или „позу униженного“ (например, у стадных обезьян это поза, имитирующая спаривание... даже если проигравший сам является самцом... – примерно так же, как и в уголовном мире людей в ходе специального, организованного „ритуального“ остракизма и перевода человека в „отверженные“ или „опущенные“)» [120].

А вот мнение советского и российского социолога И. С. Кона: «За имитированием спаривания однополыми животными нередко стоят иерархические отношения господства/подчинения: доминантный самец или самка выполняют маскулинную, а более слабый партнер – фемининную, женскую роль. У некоторых обезьян демонстрация эрегированного члена другому самцу – знак агрессии или вызова. Если самец, которому адресован такой жест, не примет позы подчинения, он подвергнется нападению. В стаде существует жесткая иерархия, кто кому может показывать член, которая служит более надежным показателем статуса и ранга отдельных животных, чем даже последовательность приема пищи. Сходные знаки и жесты существуют у павианов, горилл и шимпанзе. В одной из экспериментальных групп вожак показывал свой член всем прочим животным, остальные самцы делали это строго по рангу, а самый последний, всеми обижаемый самец по кличке Эдгар, мог себе позволить такое поведение только по отношению к людям – от сородичей за это попадало» [60].

Резюмируя изложенное в этой главе, можно сделать вывод о наличии универсальности, регулярности, устойчивости и повторяемости связей, существующих в значительно отличающихся друг от друга биосоциальных системах. Это явление давно было отмечено в пенитенциарной науке. Как пишет Е. Г. Клейменова: «Немаловажным является наличие разделения социальной общности на определенные уровни в соответствии с значимостью входящих в ее состав элементов, присутствующих как в тюремном сообществе, так и в социуме» [57].

Таким образом, при изучении большого и достаточно репрезентативного статистического материала можно отметить явное

соответствие между законами функционирования далеко неродственных друг другу биологических и социальных систем, а также – наличие некоего общего принципа их работы [114].

В результате изложенного закономерно возникает вопрос: почему так устроен мир? Почему существование в организованном по принципу иерархии сообществе более эффективно и безопасно для его членов, нежели жизнь в неорганизованном сообществе, члены которого обладают равными возможностями и имеют минимальный набор социальных обязанностей. Не в этом ли кроется высокая резистентность и жизнеспособность тюремной субкультуры? И почему «жесткое» иерархическое общество обладает, подобно тюремной субкультуре, способностью к мощному сопротивлению факторам внешней среды, а также – свойством экспансии и захвата новых пространств для своего развития. Другими словами, перед нами стоит вопрос, который был косвенно поставлен еще 24 века назад древнегреческим философом Платоном в его диалоге Πολιτεία («Государство»). Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: почему демократия, согласно Платону, – это одна из четырех извращенных, наихудших форм государственного правления, а наилучшее устройство общества, как считал Платон, – это устроенные по типу иерархической социальной пирамиды аристократия и монархия [113].

Глава 4. Этология тюремных сообществ с позиции теории систем

Анархия – мать порядка.
П. Ж. Прудон
«Решение социального вопроса»

При прочтении предыдущих глав монографии читатель мог сделать вывод: законы, наблюдающиеся в сложных социальных системах (будь то социальная организация человека, высших приматов или общественных насекомых), универсальны и подчиняются единым правилам [37, 159].

Одинаковые свойства структуры социальной системы и управления ею можно наблюдать и в муравейнике, и в стае волков, и в тюремном сообществе, и в государственном аппарате. Даже в мировой политике, на глобальном уровне можно выделить (если пользоваться терминологией Виттенбурга – Маркеева) следующую градацию: хозяева игры, игроки, помощники игроков, фигуры и битые фигуры [155]. Эти особенности были отмечены и исследователями тюремной субкультуры [141]. Как отмечает Е. Г. Клейменова: «Структура тюремного социума практически идентична социальной структуре общества» [57].

Важный вывод, который следует сделать из вышеизложенного: тюремную субкультуру следует рассматривать, в первую очередь, как сложно организованную иерархическую систему. А поскольку речь зашла о системах, то и для решения проблемы необходимо применение положений теории систем, которая «представляет собой научную дисциплину, которая изучает различные явления, отвлекаясь от их конкретной природы, и основывается лишь на формальных взаимосвязях между различными составляющими их факторами и на характере их изменений под влиянием внешних условий» [90]. Известно, что под системой следует понимать «множество элементов, находящихся в отно-

шениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство» [147]. При этом необходимо подчеркнуть, что система представляет собой структурно-функциональное единство именно из-за наличия связей между ее элементами.

Именно системный подход получает все большее распространение при исследовании такого сложного явления, как культура, которая рассматривается как «система исторически развивающихся внебиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях» [137]. М. С. Каган определяет культуру как «полимодальную систему, в которой человеческая модальность – психически-духовная способность к разнообразной продуктивной деятельности – переходит в процессах опредмечивания в практически-деятельностную модальность, т. е. в реально создающие „вторую природу“ способы деятельности; эта модальность преобразуется в предметную, а эта последняя переходит в духовную» [50].

С этих позиций следует рассматривать тюремную субкультуру как важную часть (подсистему) общей культуры. Одной из значительных работ в этом направлении является монография И. В. Лысак и Ю. Ю. Черкасовой «Тюремная субкультура в России» [83].

Приведенные выше соображения еще раз подтверждают то, что «с философско-социологической точки зрения тюремная субкультура не является лишь некой совокупностью социокультурных характеристик и ценностно-нормативных образцов поведения, разделяемых и воспроизводимых определенной социальной группой» [57]. Известно, что любая социальная система (в том числе система тюремной «второй жизни») обладает целым набором схожих свойств, главными из которых являются: способность системы сопротивляться внешним воздействиям и способность ее к самоорганизации и самовоспроизведению.

Для того чтобы разобраться во внутренних механизмах, присущих этим процессам, необходимо кратко рассмотреть историю изучаемого вопроса.

Одним из истоков учения о самоорганизующихся системах является термодинамика, раздел физики, изучающий соотноше-

ния и превращения теплоты и других форм энергии, активно развивавшийся в XIX веке благодаря широкому распространению в промышленности паровых машин. Все законы термодинамики основываются на нескольких постулатах (положениях, принимаемых без доказательств) или начал. Для нас представляет интерес второе начало термодинамики, согласно которому невозможна самопроизвольная передача тепла от менее нагретых тел к более нагретым. Из этого следует, что при передаче энергии любого вида от одного физического тела к другому часть ее превращается в теплоту. Из следствий, которые вытекают из второго начала термодинамики, наиболее широко известны два: невозможность существования вечного двигателя и так называемая «тепловая смерть Вселенной». Теория «тепловой смерти Вселенной» заключается в том, что если экстраполировать второе начало термодинамики на всю окружающую нас материю, то можно сделать вывод, что с течением времени Вселенная должна прийти в состояние термодинамического равновесия, или «тепловой смерти». При этом все виды энергии рано или поздно должны перейти в тепловую энергию.

Для более точного понимания и отображения этого процесса немецким физиком Рудольфом Клаузиусом был применен термин «энтропия», обозначающий меру необратимого рассеивания энергии.

Традиционно энтропия в термодинамике понимается как функция состояния термодинамической системы, изменение которой в равновесном процессе равно отношению количества теплоты, полученной в результате некоего преобразования рассматриваемой системы, к термодинамической температуре системы.

Развивая сказанное, можно сделать вывод: из второго начала термодинамики вытекает, что с течением времени любая физическая система, не обменивающаяся энергией с другими системами, стремится к наиболее вероятному равновесному состоянию – состоянию с максимумом энтропии. Поэтому второе начало термодинамики называют также *законом неубывания энтропии*.

С развитием науки энтропия стала рассматриваться так же, как мера неопределенности, неупорядоченности, беспорядка,

хаоса некоторой системы. Эту проблему одним из первых стал развивать основатель теории информации американский ученый Клод Шеннон, который трактовал информацию как противоположность энтропии (антиэнтропия, негэнтропия) или «снятую» неопределенность. Математический смысл информационной энтропии – это логарифм числа всех доступных состояний некой системы.

Из сказанного следует, что любая система с течением времени должна разрушиться – порядок закономерно сменяется беспорядком, хаосом. Это очевидно. Процессы разрушения всего сущего, всех материальных объектов, нас окружающих, мы видим повсеместно. От некогда великих цивилизаций остаются развалины: Мачу Пикчу, Кносский дворец, Колизей, египетские пирамиды... Целые пласты истории покрываются песком забвения. Остается только делать догадки о том, что было на Земле в прошлые тысячелетия и какие памятники культуры поглотило всепожирающее время.

С этой точки зрения парадоксом является увеличивающаяся со временем сложность живых систем: развитие живой материи от простейших к многоклеточным, рыбам, двоякодышащим, пресмыкающимся, млекопитающим и человеку. В социальных системах наблюдается усложнение структур: эпоха первобытного собирательства сменяется расцветом рабовладельческих цивилизаций, которые, в свою очередь, уступают место феодальным и капиталистическим отношениям, многократно усложняя и усиливая процессы техногенеза.

Этот парадокс традиционно объясняется тем, что энтропия не убывает только в замкнутых системах, в то время как живые организмы и планета Земля в целом являются открытыми системами. В процессе жизнедеятельности живые организмы превращают энергию одного вида (электромагнитную солнечную, химическую и т. д.) в энергию другого вида (тепловую), тем самым ускоряя общее увеличение энтропии Вселенной. Несмотря на «локальное» уменьшение энтропии путем увеличения порядка в отдельно взятых системах (живых или социальных), происходит суммарное увеличение энтропии окружающего нас мира, а живые организмы являются преобразователями этого процесса.

Таким образом, наблюдается выполнение второго закона термодинамики и, казалось бы, нет никакого парадокса в факте постепенного усложнения живой материи вопреки глобальной тенденции Вселенной к разрушению всего сущего, увеличению меры беспорядка. Другими словами, закон увеличения энтропии касается исключительно закрытых систем, т. е. систем, которые не обмениваются с внешней средой ни энергией, ни веществом, ни информацией.

Тут нужно сказать, что из теории систем известно, что все системы делятся на открытые, закрытые (замкнутые, изолированные) и комбинированные. К закрытым системам относятся системы, в которых отсутствует (или предельно снижен) обмен материей, а также энергией и информацией с окружающей средой. Пенитенциарный социальный институт, безусловно, тяготеет к классу закрытых систем, в которых затруднено продвижение информационных и материальных потоков как в сторону внешней среды, так и из нее. В тюремном социуме насаждается равенство всех его членов, любое отклонение от принятых стандартов подвергается преследованию. Другими словами, уровень энтропии сложной системы под названием «тюрьма» постоянно искусственно поддерживается.

В качестве иллюстрации к сказанному можно привести отрывок из произведения «Жизнь и судьба» советского писателя Василия Гроссмана, слова, написанные им по поводу мест лишения свободы: «Бараки тянулись, образуя широкие, прямые улицы. В их однообразии выражалась бесчеловечность огромного лагеря. В большом миллионе русских деревенских изб нет и не может быть двух неразлично схожих. Все живое – неповторимо. Немыслимо тождество двух людей, двух кустов шиповника... Жизнь глохнет там, где насилие стремится стереть ее своеобразие и особенности».

Таким образом, закон увеличения энтропии в закрытых системах действует и в тюремной системе: общеизвестно, что социальная депривация ведет к примитивизации отношений, деградации личности в условиях заключения. Это неоднократно отмечалось учеными [95, 125, 132]. Эти явления укладываются в описанную концепцию, объясняющую увеличение энтропии

в закрытых системах. Однако наблюдается и противоположная тенденция. Вопреки теоретически ожидаемым результатам, тюремный социум активно «сопротивляется» энтропийным процессам: обитатели пенитенциарных учреждений стихийно делятся на страты, образуя устойчивые организованные сообщества, с влиянием которых подчас не в силах бороться администрация исправительных учреждений. Тюремный социум противится энтропии, увеличивает степень внутреннего порядка путем внедрения так называемого «тюремного закона». Как отмечает Е. Г. Клейменова, тюремная субкультура «работает как социальная система, обладает устойчивостью, склонна к самовоспроизведению в обществе» [57]. То же самое мы видим в любых других социальных сообществах, функционирующих в условиях искусственной изоляции: например, стайка рыбок *Danio rerio* моментально делится по иерархическому принципу при помещении в новый аквариум, обезьяны в клетке сбиваются в организованную стаю, а люди на необитаемом острове выбирают себе вождя, в племени появляются воины и рядовые члены социума, а также – «отверженные». Причем это происходит как бы само собой, спонтанно. Это весьма показательно описано в романе нобелевского лауреата по литературе Вильяма Голдинга «Повелитель мух», в котором рассказывается, как оказавшаяся на необитаемом острове в результате крушения самолета группа английских детей быстро организовалась в племя охотников. Под предводительством самого активного, но жестокого мальчика, выбранного вожаком, эти дети начали поклоняться духу острова по имени «Зверь», практиковать убийства, жертвоприношения, преследовать подвергнутых остракизму.

Итак, неэнтропийные процессы в закрытых системах отмечаются повсеместно. Даже в такой «сверхзакрытой» системе, как озеро Восток, расположенном под четырехкилометровой толщей льдов Антарктиды и не имеющим сообщения с внешним миром в течение нескольких миллионов лет, успешно обитают представители высокоорганизованной живой материи – экстремофилы: некоторые виды бактерий, эукариотов и архей.

Следовательно, дело здесь не только в соблюдении второго закона термодинамики. Описанная проблема имеет свои нюан-

сы, и есть некие специфические механизмы противодействия нарастанию энтропии в закрытых системах. В начале XX века это стало очевидным для ученых. Необходимость изучения систем с нелинейным поведением привела в итоге к появлению науки синергетики, изучающей процессы самоорганизации в сложных системах.

Синергетика (от греч. *synergetikos* – совместный, согласованный, действующий) традиционно трактуется как научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах благодаря интенсивному обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. Она рассматривает структуры системы как состояния, возникающие в результате многовариантного и неоднозначного поведения, ведущего к развитию и увеличению степени упорядоченности системы [156].

Многоэлементные и многофакторные подструктуры сложной системы не деградируют к стандартному для замкнутых систем усреднению термодинамического типа, а развиваются вследствие различных причин, в частности открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов, появления неких особых режимов. В таких системах наблюдается согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень их упорядоченности.

Проблемами соотношения порядка и хаоса одним из первых начал заниматься нобелевский лауреат, математик и физик Илья Романович Пригожин – гражданин Бельгии российского происхождения. Им было доказано существование сложных неравновесных систем, которые при определенных условиях, поглощая вещество и энергию из окружающего пространства, могут совершать качественный скачок к усложнению (диссипативные структуры) [34].

Учеными были изучены такие примеры диссипативных структур, как пространственное упорядочение при работе лазера, заключающееся в преобразовании электрической, тепловой, химической энергии в энергию когерентного, монохроматического поляризованного потока излучения. К этому же ряду явлений относятся так называемые ячейки Релея – Бенара – структу-

ры, которые могут образовываться при тепловой конвекции в плоском и горизонтальном слое жидкости. А при реакции Белоусова – Жаботинского происходит пространственно-временное упорядочение, когда в результате химических реакций, протекающих в колебательном режиме, некоторые параметры, характеризующие реакцию (цвет, концентрация компонентов, температура и др.), изменяются периодически, образуя сложную пространственно-временную структуру.

Таким образом, в диссипативных системах не выполняется второе начало термодинамики вследствие нелинейности и наличия более одного устойчивого состояния системы. Нужно особо подчеркнуть, что для возникновения упорядочения в этих системах необходим приток энергии или отток энтропии.

Согласно теории И. Р. Пригожина, в тот момент, когда на систему, находящуюся в неравновесном состоянии, действуют, угрожая ее структуре, некие внешние, чаще всего – случайные, воздействия, называемые флуктуациями [99], наступает критический момент – система достигает точки бифуркации, при прохождении которой система может встать на новый путь развития. А может и разрушиться. Таким образом, точка бифуркации – это такое критическое состояние, при котором система на некоторое время становится неустойчивой. В дальнейшем состояние системы либо становится хаотическим (увеличение энтропии), либо данная система должна перейти на новый уровень упорядоченности.

В качестве одного из примеров (очень показательных) этого явления учеными было рассмотрено поведение простейших организмов – амёб. Выйдя из спор, амёбы растут и размножаются как одноклеточные организмы. И это продолжается до тех пор, пока пищевые ресурсы амёб не начинают иссякать. Как только пищевой ресурс истощается, амёбы перестают размножаться и вступают в промежуточную фазу, к концу которой они начинают сползаться к стихийно появляющимся центрам агрегации. Происходит образование многоклеточной колонии, ведущей себя как единый организм, в результате ответа на хемотаксические сигналы, испускаемые центрами агрегации. Эти флуктуации заключаются в изменении диффузии циклической молекулы аде-

нозинмонофосфата (АМФ), продуцируемой амебами. Таким образом, однородное распределение амеб в жидкости эволюционирует к неоднородному распределению с образованием псевдоплазмодия. Этот квазимногоклеточный организм претерпевает дифференциацию: образуется «ножка», состоящая примерно из трети всех клеток, с избыточным содержанием целлюлозы. Эта «ножка» несет на себе круглую «головку», наполненную спорами, которые отделяются и распространяются в окружающей среде.

Сформировавшаяся многоклеточная колония мигрирует до тех пор, пока не обнаружит участок среды с приемлемыми для амеб условиями существования. После чего споры приходят в соприкосновение с достаточно питательной средой и преобразуются в новых амеб. Популяция обитает в некоторой области до тех пор, пока не исчерпывает имеющиеся там ресурсы. Затем она вновь претерпевает метаморфозу, в результате которой берет функцию, сходную со свойствами многоклеточного организма, получает способность передвигаться и осваивать новые области обитания.

Таким образом, образование колоний коллективных амеб – это типичный пример того, что можно было бы назвать «порядком через флуктуацию». Флуктуация в данном случае – это возникновение «центров притяжения», испускающих циклическую АМФ, которая «сигнализирует» об истощении пищевых ресурсов.

Но и в этом объяснении процесса самоорганизации сообщества амеб есть некоторое противоречие. Как мы говорили, когда запас питательных веществ в той среде, в которой живут и размножаются амебы, иссякает, под воздействием флуктуации происходит метаморфоза: отдельные клетки начинают соединяться в сложную структуру – в псевдоплазмодий. Это, казалось бы, противоречит общему правилу поведения диссипативных структур: ведь для появления нового порядка из существующего хаоса необходим приток энергии, приток питательных веществ. А в данном случае амебы организуются в сложный квазиорганизм вследствие нехватки пищи, т. е. уменьшения притока энергии химических связей организмов, которыми питаются амебы, – бактерий. Сходные механизмы действуют и в других живых

системах. Так, например, одинокие волки сбиваются в организованную стаю холодной зимой, когда они испытывают недостаток в пище, и именно правильное коллективное ведение охоты с распределением обязанностей и ролей помогает стае выжить в голодную зиму. С этой позиции можно рассматривать и тюремное кастообразование: самые устойчивые страты осужденных образуются в тех исправительных учреждениях, где условия содержания отличаются наибольшей суровостью. А. И. Мокрецов и В. В. Новиков пишут по этому поводу: «Чем интенсивнее выражены условия изоляции... тем ригористичнее, жестче их влияние на личность осужденного. Чем глубже усвоены осужденными нормы и шаблоны поведения, тем фанатичнее будут следовать им, а также выше вероятность образования в сообществе солидарной оппозиции по отношению к официальным требованиям, программам исправления и администрации» [95].

И наоборот, как только наблюдается послабление условий содержания, система жесткой тюремной иерархии начинает «размываться». Так, В. В. Тулегенов пишет о постсоветском периоде развития тюремной субкультуры: «Кризисное состояние уголовно-исполнительной системы повлекло за собой не усиление неформального регулирования отношений осужденных, а повсеместное размывание неформальных норм» [144].

Очевидно, что во всех этих примерах мы имеем дело с так называемыми самоорганизующимися системами, обладающими свойством эмерджентности, т. е. свойством появления у совокупности элементов, составляющих эти системы, новых, положительных свойств, позволяющих сохранить существование этих элементов.

Самоорганизующиеся системы обладают рядом характеристик, которые позволяют им успешно функционировать и сопротивляться флуктуациям. Это такие признаки, как нестационарность (изменчивость) системы, стохастичность, непредсказуемость ее поведения, адаптивность к условиям среды, сопротивление энтропии (разрушению системы), способность системы к выработке вариантов поведения, способность к целеполаганию [128].

Самоорганизующиеся системы обладают набором гибких приспособительных реакций на внешние воздействия. Устойчи-

вость внутренней структуры самоорганизующихся систем обеспечивается их постоянным самовоспроизводством. Эти системы относятся к классу так называемых диффузных систем, обладающих свойствами стохастичности, непредсказуемостью поведения и нестационарностью отдельных параметров и процессов. Отличительное их свойство: способность изменять структуру при взаимодействии с внешней средой, сохраняя свойство целостности.

Эти системы характеризуются большим числом элементов и внутренних связей между элементами, неоднородностью и разнокачественностью элементов и связей, структурным разнообразием, выполнением сложных функций.

Под самоорганизацией системы следует понимать процесс упорядочения (пространственного, временного или пространственно-временного) элементов за счет их согласованного взаимодействия. Компоненты сложных систем, как правило, представляют собой самостоятельные подсистемы.

К самоорганизующимся системам относятся биологические, экологические, социальные и сложные технические системы. На принципах работы самоорганизующихся систем строятся в настоящее время механизмы управления на уровне предприятия, отрасли и государства в целом. При этом для нас важен тот факт, что все социальные системы (в том числе «тюремная субкультура») являются самоорганизующимися системами. Это свойство тюремной (и криминальной – в целом) субкультуры не раз подмечалось исследователями [47, 56, 83].

Самоорганизующаяся сложная система обладает рядом характеристик. *Во-первых*, это решающая система. Она может принимать решения во взаимодействии с внешней средой и распределять локальные задания между всеми другим подсистемами.

Во-вторых, это информационная система, обеспечивающая сбор, переработку и передачу информации, необходимой для принятия глобальных решений и выполнения локальных задач. Поскольку сложная система самостоятельно реализует глобальные решения, то она является также и управляющей системой. Кроме того, самоорганизующаяся система поддерживает динамическое равновесие внутри составляющих ее подсистем, регу-

лирует потоки энергии и вещества в подсистемах, т. е. является гомеостазной системой. Она накапливает опыт в процессе обучения для улучшения структуры и функций системы, другими словами, является также и адаптивной системой. Очевидно, что все эти признаки (переработка информации, управление, поддержание гомеостаза, адаптация к изменениям внешней среды, развитие, самосохранение и экспансия) характерны и для сообщества подчиняющихся «тюремному закону» осужденных, которое можно рассматривать как самоорганизующуюся социальную систему.

Для любой самоорганизующейся системы характерны следующие признаки:

- 1) это открытая система (т. е. имеется обмен энергией и веществом с окружающей средой);
- 2) система содержит большое число элементов (подсистем);
- 3) у системы имеется стационарный устойчивый режим, в котором элементы взаимодействуют некогерентно.

Традиционно в качестве самоорганизующейся системы рассматривают экосистему или биогеоценоз. Биогеоценоз понимался В. Н. Сукачевым, ученым-биологом, который предложил этот термин, как природная система, включающая сообщество живых организмов и тесно связанную с ним совокупность абиотических факторов среды в пределах одной территории, связанных между собой круговоротом веществ и потоком энергии.

Отдельные экосистемы и биосфера в целом, как сложная совокупность экосистем, устойчивы к отрицательному антропогенному влиянию благодаря свойствам саморегуляции, самоочищения и самовосстановления. Однако эти свойства имеют естественные пределы, которые называются емкостью системы.

В качестве иллюстрации к изложенному приведем наблюдение, описанное Олвином Тоффлером в предисловии к книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой» [118]: «Например, в одном из недавно проведенных исследований муравьи подразделялись на две категории: „тружеников“ и неактивных муравьев, или „лентяев“. Особенности, определяющие принадлежность муравьев к той или другой из двух категорий, можно было бы прометчиво от-

нести за счет генетической предрасположенности. Однако, как показали исследования, если разрушить сложившиеся в популяции связи, разделив муравьев на две группы, состоящие соответственно только из „тружеников“ и только из „лентяев“, то в каждой из групп, в свою очередь, происходит расслоение на „лентяев“ и „тружеников“».

В тюремном сообществе наблюдается сходное явление: оно, как сложная неравновесная система, оказывает сопротивление флуктуациям – действиям администрации исправительного учреждения: как только из тюремного социума «изымаются» «петухи», их место занимают новые «опущенные», стоит убрать из «зоны» одного «смотрящего», на его место приходит другой.

Л. Самойлов (Л. С. Клейн) пишет: «Для них, обиженных, администрация создала специальные замкнутые отделения в тюрьме и лагере (обиженки), чтобы как-то обезопасить их от бесчинств, но всех чушков туда не упрятать. И главное, они снова выделяются средой, а в обиженках немедленно возникают – уже из самих обиженных – те же три касты: свои воры, свои мужики и свои чушки. Так что система обладает замечательной воспроизводимостью» [125]. Как отмечает Г. Ф. Хохряков, четырехчленное разделение тюремного социума чрезвычайно живуче, оно наблюдается даже тогда, когда осужденные, представляющие одну субкультурную группу, были собраны в одной колонии [157].

Сходное явление мы наблюдаем в совершенно различных биологических системах. Весьма показательными здесь являются опыты с крысами, проведенными под руководством Д. Дезора в университете г. Нанси (Франция) [174]. Как только задача добычи пищи для группы крыс стала связана с опасностью для жизни (необходимо было проплыть некоторое расстояние в подводном туннеле до места, где размещались приманки), эта группа спонтанно разделилась на «работников» (крыс, плавающих под водой за пищей), «грабителей» (крыс, которые отбирали корм у «работников»), «независимых» особей (они не делились кормом ни с кем) и «отверженных» (довольствовались остатками той пищи, которая оставалась после дележа). При увеличении группы в ней появлялась прослойка «помощников грабите-

лей» – крыс, которые помогали «грабителям» поддерживать существующую иерархию. В случае если новая группа подопытных животных формировалась из одних «грабителей» или «работников», в ней происходила новая дифференциация социальных ролей [174]: появлялись свои «работники», «грабители» и «отверженные».

В описанном опыте весьма примечательно то, что этимологически и семантически названия (и, соответственно, функции) стихийно создавшихся групп крыс созвучны существующим тюремным кастам: («грабители» – «воры», «помощники грабителей» – «шестерки», «работники» – «мужики», «отверженные» – «чушки»).

Основываясь на законах синергетики, учеными разработан и основной подход, который применяется для внешнего управления самоорганизующейся системой. И. Пригожин и И. Стенгерс описывают его следующим образом: «Вводимые в небольшом количестве в систему новые составляющие приводят к возникновению новой сети реакций между ее компонентами. Новая сеть реакций начинает конкурировать со старым способом функционирования системы. Если система структурно устойчива относительно вторжения новых единиц, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые единицы („инноваторы“) погибают. Но если структурные флуктуации успешно „приживаются“ (например, если новые единицы размножаются достаточно быстро и успевают „захватить“ систему до того, как погибнут), то вся система перестраивается на новый режим функционирования: ее активность подчиняется новому „синтаксису“» [118].

В качестве примера авторы рассматривают образование макромолекул в результате полимеризации внутри системы, в которую поступают некие, отличные друг от друга, мономеры. Подобные закономерности наблюдаются и в модели предбиотической эволюции, разработанной М. Эйгеном (M. Eigen) [167, 172].

Исходя из универсальности законов, свойственных сложным системам, можно отметить, что глубокое внедрение тюремной субкультуры в жизнь российского общества, ослабленного бездумными реформами 90-х годов, подчиняется законам, откры-

тым И. Р. Пригожиным, заставляя представителей правоохранительных органов и персонал исправительных учреждений принимать новые «правила игры». В результате «тюремный закон», подобно раковой опухоли, распространяется по России, образуя, на момент написания данной монографии, целый пояс так называемых «черных зон».

Таким образом, если рассматривать существующую проблему с точки зрения синергетики, то становятся в определенной мере очевидными ответы на некоторые вопросы, стоящие перед юридической наукой. В частности разрешение парадокса, над которым многие годы ломают головы ученые-юристы: почему при введении смертной казни как средства уголовного наказания число тяжких преступлений не только не сокращается, но увеличивается [96, 98]. Если мы будем рассматривать преступное сообщество как сложную самоорганизующуюся систему, то увидим, что новая флуктуация (в виде введения смертной казни) порождает ответ в виде консолидации сопротивляющегося ей преступного мира с образованием жесткой иерархии (ответ системы по типу положительной обратной связи).

Из понимания основ теории синергетики в какой-то мере становится ясным ответ на вопрос: как бороться с тюремной субкультурой? Если рассматривать ее как самоорганизующуюся сложную социальную систему, становится ясным, что существует три возможных варианта стратегии борьбы с тюремной субкультурой:

1. Тотальная деструкция системы.
2. Внедрение в систему элементов-инноваторов с созданием нового синтаксиса (правил взаимодействия элементов системы).
3. Лишение системы возможности репродукции ее элементов. Рассмотрим каждый из этих вариантов.

Тотальная деструкция системы

Поскольку сложная система (в качестве каковой можно рассматривать основанное на правилах тюремной субкультуры сообщество осужденных) представляет собой структурно-функциональное единство из-за наличия связей между ее элементами, то для уничтожения или заметного ослабления такой системы

необходимо уничтожить или максимально ослабить: А) элементы, из которых состоит система; Б) связи между этими элементами.

Именно по этому пути шло человечество при определении наказания для преступников: с древнейших времен их не просто казнили, но и изощренно пытали. Существует целая отрасль знания, посвященная пыткам. Нет предела человеческой изобретательности в способах причинения боли и страданий преступникам. Это колесование, распятие, дыба, четвертование. Известны такие экзотические казни и пытки, как пытка прорастающим бамбуком, падающей каплей, голодными крысами, затаптывание слонами... Цель казни и пытки – это не только наказание преступника и получение необходимой информации. Это нейтрализация и уничтожение активных членов преступного сообщества – элементов сложной социальной системы.

В наш гуманный век пытки признаются преступлением против человечности, а смертная казнь отменена в большинстве стран мира. Главным международным актом в области борьбы с пытками является «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», принятая в 1984 году и ратифицированная большинством стран мира. Что же касается смертной казни, то она не применяется в настоящее время в 169 из 193-х стран-членов ООН.

Вторым подходом в уничтожении сложной социальной системы, каковой является тюремное преступное сообщество, является нивелирование связей между элементами системы. Этот подход также известен с древности. Содержание преступников в темницах, одиночных камерах, подземных каменных мешках, замурованных склепах, лишение их общения друг с другом – все это с древнейших времен практиковалось при реализации наказания.

Классическим примером разрушения связей между отдельными элементами социальной системы является так называемый «пенсильванский проект». В американском штате Пенсильвания в XVIII веке начала функционировать тюрьма одиночного заключения, где всего 5 тюремных сторожей контролировали 288

заключенных без применения каких-либо спецсредств. Это давало большую экономию расходов, но превращало содержание арестантов в многолетнюю пытку одиночеством. Посетивший Пенсильванскую тюрьму Чарльз Диккенс писал по поводу душевного состояния арестанта, содержавшегося в этой тюрьме: «Его имя, его преступление, срок его страдания неизвестны даже тюремщику, который приносит ему раз в день пищу. На двери его камеры имеется номер. И такой же номер стоит в книге, один экземпляр которой хранится у начальника тюрьмы, а другой – у духовного наставника – это ключ его истории. Кроме как на этих страницах, вы не найдете в тюрьме никаких указаний на его существование, и, проживи он в одной и той же камере хоть десять томительных лет, ему так и не придется узнать, вплоть до последнего часа, в какой части здания он находится, какие люди его окружают, и в долгие зимние ночи напрасно он будет томиться догадками, есть ли поблизости живые существа, или же он заперт в каком-нибудь заброшенном уголке большой тюрьмы и от ближайшего собрата по мукам одиночества его отделяют стены, переходы и железные двери».

И сегодня практикуемая в США «филадельфийская модель» предусматривает содержание преступников в условиях абсолютной изоляции друг от друга в одиночных камерах. Немногим отличается от нее «обернская модель», которая предписывает для преступника содержание в одиночной камере ночью, совместную работу и общий обед днем при условии абсолютного молчания заключенных.

С точки зрения физиологии длительное одиночное заключение является одним из изощренных видов пытки. Именно физиологическая особенность человека: невозможность длительно пребывать в состоянии глубокой сенсорной (а также двигательной и информационной) депривации, использовалась в качестве пытки одиночеством. Лишение человека любого вида информации, поступления звуков и света, содержание в камерах, клетках, ямах, подвалах, фиксация тела в определенных положениях (часто без причинения боли и видимого ущерба здоровью) использовались в целях сурового наказания, причинения мучений, нанесения вреда психическому здоровью [132].

Исследовавший историю царской тюрьмы М. Н. Гернет описал немало случаев, когда находившиеся в условиях жесткой тюремной депривации узники известных Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей деградировали, сходили с ума, теряли дар речи и человеческое обличье. «Безумие было для узников почти неизбежным уделом при более длительных сроках пребывания в крепости. Но правители верховной власти, от которых зависело разрешение перемены крепости на больницу, предпочитали держать в крепости явно безумных» [25]. На основании анализа большого массива клинических данных в начале XX века клиницисты С. С. Корсаков и Э. Крепелин пришли к выводу о существовании специфической формы душевного расстройства – тюремного психоза, развивающегося, как правило, при пребывании заключенного в одиночной камере [52]. Вот как описывает последствия пребывания в «одиночке» один из основателей советского государства Ф. Э. Дзержинский: «Прошло три недели полного одиночества. Результаты этого уже начали сказываться. Я не мог свободно говорить... Я не мог вспомнить самых обыкновенных слов, как, например, записная книжка, голос мой дрожал, я чувствовал внутреннюю дрожь во всем теле. Мысли путались. Я отвык от людей, был выбит из равновесия моего одиночества и в течение 10–15 минут не мог найти себя» [35].

В диссертации Н. А. Яковлева приводится один интересный факт: в настоящее время развитая тюремная субкультура «достаточно широко распространена в большинстве стран Восточной Европы, но практически отсутствует в странах Западной Европы» [168]. Автор связывает отмеченное явление с тем, что «в отличие от большинства западных стран, где практикуется камерная система содержания осужденных, в России индивидуальные камеры есть только в тюрьмах и штрафных изоляторах» [167].

Попытка решить проблему существования тюремной субкультуры путем нарушения связей между функциональными единицами самоорганизующейся системы (каковой является тюремная «другая жизнь») была предпринята в нашей стране в 2009–2012 годах, когда была принята концепция развития уго-

ловно-исполнительной системы, предусматривающая замену отрядной системы содержания осужденных на тюремную [61]. Конечно, ни сам тогдашний руководитель Федеральной службы исполнения наказаний России, генерал-полковник внутренней службы А. А. Реймер, ни его первый заместитель, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2-го класса А. М. Величко наверняка мало что знали о синергетике, энтропии, эмерджентности, флуктуациях и прочих тому подобных вещах. Они действовали спонтанно исходя из простой логики: чтобы уменьшить влияние «тюремного закона» надо максимально изолировать его носителей друг от друга, т. е. заменить отрядную систему, где процветают неформальные отношения между отбывающими наказание гражданами, на тюремное заключение. Это положение было отражено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 года [61]. Видимо, насмотревшись голливудских фильмов про порядки, царящие в американских тюрьмах, А. А. Реймер волонтеристски затеял в нашей стране небывалый эксперимент: дал безответственную установку на организацию массового строительства новых тюрем по всей России «по американскому образцу». «Полет армейской мысли» закончился плачевно: когда процесс был запущен, то вспомнили и о предполагаемых расходах на строительство. Оказалось, что они сопоставимы с бюджетом всей Российской Федерации. Плачевна и судьба самого А. А. Реймера. Сегодня в качестве обвиняемого он ожидает решения суда в одном из учреждений уголовно-исполнительной системы (так, к сожалению, и не преобразившемся в образцовую европейскую тюрьму) по делу о многомиллионных растратах, выявленных в российской системе исполнения наказаний.

Внедрение в систему элементов-инноваторов с созданием нового синтаксиса

Как было сказано выше, суть данного подхода заключается в том, что вводимые в небольшом количестве в сложную систему новые составляющие приводят к возникновению новой сети реакций между компонентами системы. При этом возможны два варианта ее развития. Если система устойчива относительно по-

явления новых структурных единиц (инноваторов), то новый режим работы системы не возникает, а сами инноваторы либо погибают, либо меняют свои функции, «подстраиваясь» под уже существующий порядок. Но если структурные флуктуации «побеждают», то система перестраивается на новый режим функционирования.

На этом подходе базируется современное видение стратегии борьбы с тюремной субкультурой. Ее начало было положено в 1957 году, когда руководством коммунистической партии и правительством Советского Союза был начат эксперимент по масштабной перестройке системы исполнения наказаний. Существующая на тот момент идеологическая доктрина, предусматривающая строительство социализма и коммунизма в отдельно взятой стране, предполагала перевоспитание преступников в добропорядочных граждан. Главная цель наказания виделась не в устрашении и возмездии за совершенное преступление, а в выработке системы мер, направленных на ресоциализацию преступников с целью подготовки новой генерации граждан страны Советов, способных жить в условиях коммунистического общества (построение которого планировалось коммунистической партией на восьмидесятые годы двадцатого века). Господствующая идеология относилась к преступности к вымирающим пережиткам предшествующей общественно-экономической формации.

Таким образом, окончательное искоренение преступности как социального порока, характерного исключительно для капиталистического общества, представлялось в те годы быстродостижимым делом, а перевоспитание осужденного виделось основной целью исполнения наказания. В УК РСФСР 1960 года ст. 20 гласила: «Наказание не только является карой за совершение преступления, но имеет целью перевоспитание и исправление осужденного в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам общежития...». Эти благие цели предусматривали усиление политико-воспитательного аппарата, увеличение числа сотрудников, которые занимались бы воспитательной работой с осужденными. Тогда же по известному принципу: спасение утопающих – дело рук самих

утопающих, были предприняты шаги к созданию так называемого «актива» – вставших на путь исправления и порвавших «с позорным прошлым» заключенных, которым придавались функции по слежению за соблюдением режима другими осужденными, пресечению нарушений общественного порядка, организации разумного досуга, проведению культурно-массовой работы и т. п.

Пенитенциарными учеными была разработана классификация осужденных по степени их исправления и перевоспитания. Так, выделялись следующие категории осужденных [138]:

- 1) вставшие на путь исправления,
- 2) твердо вставшие на путь исправления,
- 3) доказавшие исправление,
- 4) не вставшие на путь исправления,
- 5) злостные нарушители.

Была создана система критериев перевоспитания [7], неоднократно менявшаяся и дополнявшаяся [135]. В среде осужденных стали выделяться группы положительной, нейтральной и отрицательной направленности [9, 151].

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 года и Положению об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах союзных республик, вводилось раздельное содержание осужденных по степени их социальной опасности. Были созданы колонии четырех видов режима:

- *общего* (для впервые осужденных);
- *усиленного* (для впервые осужденных за тяжкие преступления);
- *строгого* (для судимых более одного раза);
- *особого* (для особо опасных рецидивистов);
- *тюремного* (для осужденных, нуждающихся в особо строгой изоляции).

Для поощрения твердо вставших на путь исправления осужденных стали использоваться «спекомендатуры» – общежития на стройках народного хозяйства («химия»). Профессиональные преступники, верхушка преступного сообщества – «воры в законе», подвергались гонениям и (в полном соответствии с теорией синергетики) в результате выработали целую систему «ответных мер»: изоощренную тактику и стратегию поведения криминаль-

ного сообщества, заключающуюся, в частности в дальнейшем утверждении кастовой тюремной системы и неприятии страты «красных» «козлов» – активистов, выполняющих (по внедрению в сообщество осужденных суждению) заказ администрации по доносительству и «прессованию» отбывающих наказание преступников. В результате произошло не разрушение «тюремной субкультуры», а только усиление деления осужденных на тюремные страты и выполнения негласных норм «тюремного закона».

Несмотря на то что организованная преступность, как сложная социальная система, по свидетельствам очевидцев тех событий, понесла значительные потери, она сумела противостоять возникшей ситуации, показала устойчивость по отношению к новой флуктуации: внедрению в систему единиц-инноваторов. Прохождение системы через точку бифуркации привело не к ее деструкции, а к нежелательной и неожиданной метаморфозе: переходу режима функционирования системы на новый уровень, созданию тотальной, жесткой иерархической структуры с образованием устойчивых страт осужденных.

При этом закрепившаяся система деления на тюремные касты обрела свойство самовоспроизводимости (явления, которое, заметим, по аналогии было описано для мусульманских каст индийского общества [8]) и в условиях, последующих за развалом Советского Союза и крахом коммунистической идеологии, тотальной криминализации постсоветского общества [3], получила дальнейшее развитие.

Нет нужды говорить, что в этой ситуации государственная стратегия исправления и перевоспитания личности преступника в условиях отбывания наказания нуждается в модернизации и коренном пересмотре.

Лишение сложной системы возможности репродукции ее элементов и связей между этими элементами

Одна из первых известных попыток соответствующим образом воздействовать на социальную систему была предпринята в XIX веке основоположником утопического социализма Робертом Оуэном, который провел социальный эксперимент на при-

надлежащей ему фабрике в Нью-Ланарке (Великобритания). Он отменил штрафы и наказания для рабочих, систематически совершавших хищения с фабрики, ужесточив систему контроля и повысив зарплаты, после чего массовое воровство, царившее на фабрике при прежних хозяевах, резко сократилось.

Другими словами, борьба с преступностью, как с самоорганизующейся сложной системой, заключается в том, чтобы лишить ее «социальной почвы», системы постоянной «подпитки». В социально ориентированном государстве организованная преступность минимальна, а такое отвратительное явление, как тюремные касты отсутствует. Это показывает мировой опыт.

Устойчивое существование криминальной субкультуры в нашей стране ученые объясняют нерешенностью задач обеспечения справедливого социального устройства [56, 145, 152, 164], предлагая целый комплекс мер, направленных на «оздоровление» российского общества, формирование новой государственной идеологии и борьбу с пропагандой криминальных ценностей в СМИ [145]. При этом совершенно очевидно, что чем выше благосостояние населения страны, чем меньше разница между богатыми и бедными, чем эффективнее проводится социальная политика, тем слабее развито у граждан антиобщественное мышление, криминальное мировосприятие и, следовательно, тюремная субкультура [182, 188]. Известно, что «чем терпимее, открытее общество, тем менее „зlostны“ его субкультуры» [168]. Именно в этом направлении реализуется сегодня пенитенциарная политика нашего государства: наблюдается возрастающая гуманизация условия содержания, вводятся альтернативные меры наказания, неуклонно сокращается численность спецконтингента, развивается институт ресоциализации [47].

Как и любая культура, тюремная субкультура представляет собой не только совокупность неких материальных (относящихся к живой и неживой природе) объектов, находящихся в определенных взаимоотношениях друг с другом, но может рассматриваться как «совокупность знаков – культурных кодов, воплощающих базовую для культуры информацию» [142], развивающийся во времени большой независимый массив информации, составные элементы которого передаются от одного носителя субкультуры

к другому внегенетическим путем. Данное культурное «информационное поле» объективно существует в пространственно-временном континууме вне желания и воли индивида, образуя некую мегасистему, постоянно реплицирующую индивидуальные программы поведения участников процесса. Субкультура в условиях пенитенциарной системы «вырабатывается опытом преступной деятельности, сохраняется и передается из поколения в поколение в среде преступников» [97]. И именно «повторяемость информации, ее закрепление обеспечивается длительностью сроков заключения, многолетним пребыванием в колонии и монотонностью, однообразием быта» [125]. Из сказанного становится понятным, что для нейтрализации действия тюремной субкультуры необходимо лишить ее возможности самовоспроизводства путем максимального сокращения времени контакта между участниками культурного процесса [144]. Это позволит нарушить «устойчивые механизмы трансляции обычаев, опыта и властеотношений (инициальная обрядовость, игра, система заповедей, вербальная магия и т. д.)» [143], характерных для тюремной субкультуры. Поэтому, как подчеркивает В. М. Анисимков, для борьбы с «другой жизнью» необходимо ограничение применения наказания в виде лишения свободы для исключения возможности вхождения осужденных в орбиту криминальных взаимоотношений [3]. Л. Самойлов (Л. С. Клейн), который также считает необходимым условием борьбы с тюремной субкультурой «отказ от заключения в лагеря» [125], добавляет к этой задаче необходимость повышения «общего уровня гуманистической культуры народа». Д. Н. Донских говорит о том, что воздействовать на криминальную субкультуру могут как социальные, так и экономические, духовно-нравственные и политические меры, поскольку только сильное государство и здоровое общество могут эффективно противостоять распространению социокультурной патологии, каковыми являются криминальная и тюремная субкультуры [39].

И главные причины живучести криминальной субкультуры в России сегодня – это, по мнению А. А. Ивановой и В. В. Тулегенова, следующие нерешенные социальные проблемы [47, 144]:

1) тотальная маргинализация российского общества (проституция, безнадзорность, наркомания, алкоголизм и т. д.);

2) отсутствие «российской мечты», которая не была бы в конфликте с законом;

3) деструктивная, популяризирующая криминальную культуру, деятельность средств массовой информации.

Для решения этих задач В. В. Тулегеновым предлагается три комплекса мероприятий.

Первый комплекс мероприятий (борьба с маргинализацией российского общества [47]) должен быть «направлен на „оздоровление“ российского общества: повышение уровня жизни, улучшение социальной защищенности граждан, борьба с беспризорностью, уменьшение безработицы, антиалкогольная кампания, борьба с наркоманией, токсикоманией и др.» [144].

Второй комплекс мероприятий (отсутствие «российской мечты» [47]) должен быть «направлен на формирование новой ментальности. В данном комплексе приоритет должен быть отдан деятелям культуры, науки, духовным лидерам, которые, опираясь на вечные ценности, смогли бы создать новую ментальность, отвечающую духу времени» [144].

Третий комплекс (борьба с деструктивным влиянием СМИ [47]) должен быть «направлен на борьбу с популяризацией криминальной субкультуры в средствах массовой информации» [144].

Надо сказать, что указанные три проблемы успешно решаются сегодня в коммунистическом Китае, который, учтя негативные последствия развала СССР, демонстрирует небывалое экономическое развитие. В Китайской Народной Республике:

1) государство и правящая партия успешно борются с социальными пороками,

2) общество сплочено идеей строительства коммунизма с китайской спецификой,

3) средства массовой информации взяты под жесткий контроль государства.

Эффективное совокупное действие этих мер ведет к неизбежному нивелированию влияния криминальной и тюремной субкультур в обществе.

| Заключение

В предлагаемой вашему вниманию монографии предпринята попытка рассмотреть тюремную субкультуру как социальную систему с позиции этологии человека (науки, изучающей поведение человека, в первую очередь, как представителя животного мира).

В монографии показано, что тюремная субкультура не является чем-то застывшим и стационарным. Это динамично развивающаяся сложная система, в эволюции которой отчетливо прослеживаются три этапа.

В начальном периоде своего развития тюремная субкультура была присуща только сообществам профессиональных преступников. Это нашло отражение в немногочисленных дореволюционных источниках, воспоминаниях тюремных «летописцев» начала и середины XX века (Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов, Е. С. Гинзбург и др.), исследованиях ученых-пенитенциаристов того периода. Все они отмечают наличие определенной грани между сообществом «воров», «жиганов» и остальной массой арестантов.

Второй этап развития тюремной субкультуры характеризуется тем, что в сферу ее действия вовлекаются практически все члены тюремного сообщества. При этом такие атрибуты тюремной субкультуры, как появление страт осужденных, тюремные обычаи и многочисленные табу, а также ритуалы «прописки», «опускания», «коронования вора», «зашкваривания», исполнение решений «сходняка» и т. п. становятся неременными условиями существования личности в условиях пенитенциарной системы. Этот этап захватывает вторую половину XX века и связан с особенностями репрессивной политики Советского Союза по отношению к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы.

А третий период развития тюремной субкультуры характеризуется тем, что она начинает осваивать новые культурные пространства, выходит за пределы пенитенциарных учреждений и осуществляет экспансию на традиционную культуру, вытесняя

и заменяя ее. Это проявляется в криминализации российского общества, изменении нравов, мышления и лексики рядовых граждан России, пусть даже и не связанных с преступным миром. Нормы тюремной субкультуры, не подвергаемые критическому анализу, становятся частью повседневной жизни. Этот период начинается с 90-х годов XX века и продолжается по сей день. Он связан с бездумной политикой квазидемократических реформ, проводимых под руководством президента России Б. Ельцина, в ходе которых произошло слияние организованной преступности с коррумпированными властными структурами.

Исходя из сказанного сделан вывод о малоэффективности выполнения задачи исправления и перевоспитания преступника в условиях доминирования тюремной субкультуры и концентрации ее носителей в российских пенитенциарных учреждениях.

Особое внимание в книге уделено тюремным кастам. На основании сравнительного анализа кастового строя средневековой Индии и стратификационной структуры тюремного социума были выявлены параллели между индийскими кастами и тюремными стратами. Показано сходство этих социальных моделей и сделан вывод о том, что причина наблюдаемой аналогии обусловлена тем, что и архаичный социум, и тюремное сообщество относятся к крайне примитивным закрытым социальным системам, организованным по принципу: управляющий компонент системы (каста брахманов – аналог в тюремной субкультуре: «воры в законе») – исполнительный компонент системы (каста кшатриев – аналог: тюремная страта «братва») – объект управления (касты шудра, вайшья – аналог: тюремная страта «мужики»). Кроме этого, в обеих социальных кастовых системах существуют «отверженные» (неприкасаемые, незаконнорожденные в древнеиндийском обществе, аналог в тюремной субкультуре – «петухи», «черти»). Была показана живучесть обоих стратификационных обществ, их способность к сопротивлению внешним воздействиям и завоеванию новых культурных пространств. Для обеих социальных систем характерно то, что они не предоставляют личности права на иное, нежели определенное сводом неформальных законов, поведение в рамках определенной касты. Сделан вывод о том, что коррелятом «чистоты» варны в индий-

ском обществе является степень вовлеченности в профессиональную преступную деятельность представителей различных каст в тюремной субкультуре.

Далее, на примерах организации сообществ животных сделан вывод об универсальности принципа построения их социальных структур, благодаря которому представители этих сообществ способны сохранить свой вид. Приведены параллели в поведении различных биологических видов, свидетельствующие о существовании общих для всех представителей животного царства поведенческих принципов, что в полной мере касается и человека как биологического вида *Homo Sapiens*.

Показано, что система взаимоотношений между членами тюремного сообщества является своеобразным слепком этологической организации сообществ общественных животных, к которым относятся многие виды насекомых, рыб, птиц и млекопитающих.

В качестве примеров рассмотрены сходные типы взаимоотношений в коллективах людей и в стаях человекообразных обезьян, что обусловлено тем, что человек, как представитель животного мира, несет в себе генетически запрограммированные стереотипы панмаммального поведения. Иерархия подчинения, существующая в стае обезьян, служит целью выживания сообщества и эффективного сопротивления хищникам. Те же функции несет в себе и характерное для тюремной субкультуры строение сообщества арестантов по типу разноуровневой иерархической пирамиды. Она позволяет злостным нарушителям режима сопротивляться действиям администрации исправительного учреждения и продолжать противоправную деятельность. При этом на возникновение иерархической социальной структуры и в сообществах животных, и в коллективах людей влияют такие факторы, как недостаток кормовой базы и перенаселенность. Следствием возникновения иерархии доминирования является лучшая приспособляемость коллектива (и, следовательно, составляющих его отдельных особей) к негативным внешним воздействиям. Это достигается за счет возникновения так называемой иерархии группировок, высшей степенью развития которой является кастовая система. При этом особое значение

в формировании структурной иерархии имеет явление внутри-видовой агрессии.

При рассмотрении кастовых эусоциальных сообществ особый акцент сделан на раскрытие феномена изоморфизма, структурного сходства различных социальных систем в несвязанных между собой таксономических группах. Сделан вывод о том, что тюремная субкультура, как социальный феномен, обладает признаками биологической системы управленческого типа: иерархичностью, распределением ролей и функций, самообеспеченностью, целеполаганием и стремлением к самосохранению.

Отдельное внимание в данном разделе монографии уделено сексуальному поведению представителей тюремного сообщества. Показано, что аналог тюремного ритуала «опускания» наблюдается у человекообразных обезьян, в сообществе которых за имитированием спаривания животными мужского пола стоят иерархические отношения господства – подчинения.

Таким образом, при сравнении особенностей поведения общественных животных и заключенных, входящих в сферу тюремной субкультуры, было отмечено соответствие между законами поведения представителей далеко не родственных друг другу биологических и социальных систем и наличие некоего общего принципа их функционирования.

Указанной проблеме посвящена последняя глава монографии. Так как социальные системы обладают набором схожих свойств (главными из которых являются: способность системы сопротивляться внешним воздействиям и способность ее к самоорганизации и самовоспроизведению), то для анализа особенностей тюремной субкультуры, как сложной системы, применились положения системного анализа и теории систем. При этом показано наличие у тюремной субкультуры свойства эмерджентности, т. е. способности появления у совокупности элементов, составляющих сложную систему, новых свойств, позволяющих сохранить существование как этих элементов, так и системы в целом.

Одно из основных положений, которое доказывается в монографии: коллективы осужденных, придерживающиеся правил тюремной субкультуры, можно отнести к классу самооргани-

зующихся систем, каковыми являются биологические, экологические, социальные и сложные технические системы. Для этого тюремная субкультура была рассмотрена через призму синергетики – науки, изучающей поведение систем, ведущее к развитию и увеличению степени упорядоченности их структур.

Социальная организация коллективов осужденных, находящихся под воздействием тюремной субкультуры, как сложная самоорганизующаяся система, обладает рядом свойств, которые позволяют ей успешно функционировать и сопротивляться флуктуациям (внешним воздействиям, направленным на уничтожение структуры системы). Это такие признаки, как нестационарность, стохастичность, непредсказуемость поведения, адаптивность к условиям среды, сопротивление энтропии, способность системы к выработке вариантов поведения, ее способность к целеполаганию.

Известно, что устойчивость внутренней структуры самоорганизующихся систем обеспечивается их постоянным самовоспроизводством. Отличительным свойством этих систем является способность изменять свою структуру при взаимодействии с внешней средой, сохраняя свойство целостности.

Показано, что тюремная субкультура обладает всеми свойствами самоорганизующейся системы: она способна принимать решения и распределять локальные задания между всеми своими подсистемами (свойство решающей системы); эта социальная система осуществляет сбор, переработку, передачу информации и генерацию управляющих сигналов (свойство информационной и управляющей системы). Тюремная субкультура поддерживает гомеостаз, т. е. динамическое равновесие внутри самой себя и составляющих ее подсистем, регулирует потоки энергии и вещества (свойство гомеостазной системы). Она самосовершенствуется, накапливает опыт и обучается (свойство адаптивной системы).

Исходя из теории синергетики в монографии рассмотрены три возможных варианта стратегии борьбы с тюремной субкультурой:

1. Тотальная деструкция системы.
2. Внедрение в систему элементов-инноваторов с созданием нового синтаксиса (правил взаимодействия элементов системы).
3. Лишение системы возможности репродукции ее элементов.

В монографии проанализированы все эти три стратегических направления в историческом аспекте. Показано, что первый вариант (тотальная деструкция системы) использовался для борьбы с организованной преступностью в течение многих веков. Поскольку сообщество осужденных с позиции теории систем представляет собой структурно-функциональное единство из-за наличия связей между элементами системы, то для уничтожения или заметного ослабления такой системы необходимо уничтожить или максимально ослабить: А) элементы, из которых состоит система Б) связи между этими элементами, т. е.:

1) применять к содержащимся в тюрьмах преступникам максимально суровые репрессивные меры;

2) практиковать изоляцию преступников, максимально снижая возможность их общения.

В монографии также рассмотрен вариант борьбы с тюремной субкультурой путем внедрения в систему элементов-инноваторов с созданием нового синтаксиса (правил взаимодействия элементов системы). Суть данного подхода заключается в том, что вводимые в небольшом количестве в сложную систему новые единицы (инноваторы) приводят к изменению структуры и поведения системы. Подобные явления были обнаружены в экспериментах с биологическими, химическими и сложными техническими системами, в ходе которых выяснено, что если система устойчива, то новый режим работы не возникает, а сами инноваторы меняют свои функции. Но если структурные флуктуации одерживают верх, то система перестраивается на новый режим функционирования. Было показано, что на этом подходе основывается ставшее традиционным видение стратегии борьбы с организованной преступностью и тюремной субкультурой. Исходя из ложной посылки о том, что организованная преступность – это пережиток прошлого и родимое пятно капитализма, уголовно-исполнительная политика Советского государства основывалась на возможности перевоспитания преступников в исправительно-трудовых лагерях. В ходе реформы 1957 года в качестве так называемых элементов-инноваторов выступили сотрудники ИТУ, ведущие воспитательную работу с осужденными и «актив» – осужденные, сотрудничающие с администрацией.

Возглавляемая «ворами в законе» тюремная субкультура успешно миновала точку бифуркации системы, изменив свою структуру под воздействием флуктуации: произошла стратификация тюремного социума, появление каст «петухов», «козлов», «чушковых» и др., возникновение новых ритуалов и табу, вовлечение в тюремную субкультуру большинства отбывающих наказание граждан.

Просчет в стратегии борьбы с тюремной субкультурой привел не к ее уничтожению, а к переходу режима функционирования системы на новый уровень: созданию тотальной, жесткой иерархической структуры с образованием устойчивых страт осужденных. При этом возникшая система деления на тюремные касты обрела свойство самовоспроизводимости.

Автору наиболее оптимальным представляется третий вариант борьбы с «тюремным законом»: лишение сложной системы возможности репродукции ее элементов и связей между этими элементами.

При этом подходе борьба с тюремной субкультурой заключается в том, чтобы лишить ее «социальной почвы». Как показывает мировой опыт, в социально ориентированном государстве организованная преступность минимальна, а такое явление, как развитая тюремная субкультура отсутствует. Чем выше благосостояние населения страны, чем меньше разрыв в доходах граждан, чем эффективнее проводится социальная политика, тем слабее развито у граждан антиобщественное мышление, сужена социальная база преступной субкультуры.

Кроме того, если рассматривать тюремную субкультуру как развивающийся во времени некий информационный массив, составные элементы которого передаются от одного носителя субкультуры к другому внегенетическим путем, реплицируя в результате индивидуальные программы поведения элементов системы, то задача нейтрализации действия тюремной субкультуры заключается в том, чтобы лишить ее возможности самовоспроизводства путем максимального ослабления интенсивности контактов между элементами системы. Для этого необходимо изменить саму концепцию исполнения наказания в виде лишения свободы, максимально снизив возможность вхождения осуж-

денных в орбиту криминальных взаимоотношений. В настоящее время пенитенциарная политика нашего государства реализуется в соответствии с указанной стратегией: наблюдается возрастающая гуманизация условия содержания, вводятся альтернативные меры наказания, неуклонно сокращается численность граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы, растет роль институтов гражданского общества.

Список литературы

1. *Аберкромби, Н.* Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер. – М. : Экономика, 2004. – 212 с.
2. *Александров, Ю. К.* Табель о рангах в преступном сообществе (деление на масти) // Очерки криминальной субкультуры. Краткий словарь уголовного жаргона. – М. : Права человека, 2002. – 212 с.
3. *Анисимков, В. М.* Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России : дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : Академия управления МВД РФ, 1998. – 318 с.
4. *Анисимков, В. М.* Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2003. – 210 с.
5. *Анисимков, В. М.* Традиции и обычаи преступного мира среди осужденных в местах лишения свободы : учеб. пособие. – Уфа : УВШ МВД РФ, 1993. – 126 с.
6. *Антонян, Ю. М.* Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений / Ю. М. Антонян, В. А. Верещагин, Г. Б. Калманов // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 72–79.
7. *Астемиров, З. А.* О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. – 1966. – С. 23–24.
8. *Аишафян, К. З.* Шариат и власть в мусульманских государствах средневековой Индии // Восток. – 1995. – № 1. – С. 75–82.
9. *Байдаков, Г. Л.* Самоуправление осужденных: предпосылки и возможности / Г. Л. Байдаков, В. Н. Сафронов // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы : сб. науч. тр. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 53.
10. *Балаболина, А. В.* Проблемы кастового строя Индии в освещении отечественной историографии XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 333 с.
11. *Балдаев, Д. С.* Словарь блатного воровского жаргона. – Т. 1–2. – М. : Кампана, 1997. – 212 с.
12. *Балдаев, Д. С.* Татуировки заключенных. – СПб. : Лимбус Пресс, 2001. – 212 с.
13. *Баранникова, Ю. П.* Психокоррекционная программа эффективных коммуникаций осужденных с низким статусом и актива отряда // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2008. – С. 5–7.
14. *Белоус, Г. Н.* Особенности взаимодействия осужденных в местах лишения свободы / Г. Н. Белоус, В. А. Верещагин, А. И. Мокрецов //

Личность преступника и исполнение уголовных наказаний : сб. науч. тр. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 32–42.

15. *Бибик, О. Н.* Культурологический подход в криминологии // Вестник Омского университета. Сер. «Право». – 2010. – № 3 (24). – С. 179–190.

16. *Бибиков, Д. И.* Волк: происхождение, систематика, морфология, экология. – М., 1985. – 212 с.

17. *Блохин, Ю. И.* Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах : автореф. – Ростов-н/Д., 1991. – 26 с.

18. *Блохин, Ю. И.* Призонизация как проблема исправления осужденных // Юридический вестник. – 1999. – № 1 (09). – С. 88–89.

19. *Бронников, А. Г.* Татуировки осужденных, их классификация и криминалистическое значение : альбом. – М. : Академия МВД СССР, 1980. – 212 с.

20. *Бутов, М.* CD-обозрение Михаила Бутова. «Мурка» для Бога // Новый мир. – 2003. – № 8. – С. 2–12.

21. *Бутовская, М. Л.* Этологические механизмы некоторых форм группового поведения приматов как предпосылка антропосоциогенеза : автореф. – М., 1985. – 24 с.

22. *Васечко, Е. Н.* Личность в закрытом обществе: объективные параметры социализации и экзистенциальный смысл. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 224 с.

23. *Васильев, В. Л.* Юридическая психология. – М., 1991. – 212 с.

24. *Гасников, В. К.* Рефлекс цели как механизм формирования демографических процессов в условиях разнонаправленных социально-экономических кризисов / В. К. Гасников, В. Н. Савельев, Н. С. Стрелков // Актуальные проблемы психиатрии и наркологии : сб. тр. Республ. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы психиатрии и наркологии». – Ижевск, 2007. – С. 39–46.

25. *Гернет, М. Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. – М. : Право и жизнь, 1925. – 148 с.

26. *Гернет, М. Н.* История царской тюрьмы. – Т. 1–5. – М. : Гос. изд-во юрид. лит. – 1956.

27. *Гишинский, Я. И.* Субкультура за решеткой // Советская этнография. – 1990. – № 2. – С. 100–103.

28. *Гишинский, Я. И.* Призонизация по-русски // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С. 434–441.

29. *Гинзбург, Е. С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. – Рига, 1989. – 654 с.

30. *Громов, В. Г.* Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : автореф. – Тамбов, 2009. – 51 с.

31. *Гудолл, Дж.* Шимпанзе в природе: поведение. – М. : Мир, 1992. – 670 с.
32. *Гуревич, П. С.* Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. Т. 1. – СПб. : Университетская книга ; Алетейя, 1998. – С. 322–323.
33. *Гуров, А. И.* Лев готовится к прыжку / А. И. Гуров, Ю. П. Щечкохихин // Литературная газета. – 1988, 20 июля.
34. *Данилов, Ю. А.* Что такое синергетика / Ю. А. Данилов, Б. Б. Кадомцев // Нелинейные волны. Самоорганизация. – М. : Наука, 1983. – С. 35–48.
35. *Дзержинский, Ф.* Из дневника. – М. : Молодая гвардия, 1939. – 125 с.
36. *Дмитриев, Ю. А.* Пенитенциарная психология : учеб. / Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2007. – 681 с.
37. *Дольник, В. Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа. – 1993. – № 1. – С. 72–85.
38. *Дольник, В. Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев. Природа власти // Природа. – 1993. – № 2. – С. 73–86.
39. *Донских, Д. Г.* Противодействие криминальной субкультуре в обществе (криминологические проблемы) : автореф. – М., 2010. – 35 с.
40. *Достоевский, Ф. М.* Записки из Мертвого дома // Собр. соч. : в 10 т. Т. 2. – М. : Литература, 2005. – 197 с.
41. *Дубягина, О. П.* Культ Тату (криминальная и художественная татуировка) / О. П. Дубягина, Ю. П. Дубягин, Г. Ф. Смирнов. – М. : Юриспруденция, 2003. – 240 с.
42. *Еникеев, М. И.* Основы общей и юридической психологии. – М. : Юрист. – 2005. – 457 с.
43. *Ефимова, Е. С.* Современная тюрьма: Быт, традиции, фольклор. – М. : РГГУ Ин-т высших гуманитар. исслед. Центр типологии и семиотики фольклора, ОГИ, 2004. – 398 с.
44. *Законы Ману* / пер. С. Д. Эльмановича ; провер. и испр. Г. Ф. Ильиным. – М. : Наука, 1992. – 212 с.
45. *Зорина, З. А.* Основы этологии и генетики поведения / З. А. Зорина, И. И. Полетаева, Ж. И. Резникова. – М. : Высш. шк., 2002. – 379 с.
46. *Зубкова, В. И.* Исправление осужденных как цель уголовного наказания и средства ее достижения // История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. – М. : НИИ ФСИН России, 2009. – С. 43–48.

47. *Иванова, А. А.* Криминальная культура как детерминант преступности // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2017. – № 4. – С. 671–681.
48. *Кабо, В. Р.* Вечное настоящее // *Австралийская мозаика*. Сидней. – 2004. – № 8. – С. 57–74.
49. *Кабо, В. Р.* Структура лагеря и архетипы сознания // *Советская этнография*. – 1990. – № 1. – С. 108–114.
50. *Каган, М. С.* *Философия культуры* : учеб. пособие. – СПб. : Петрополис, 2001. – 212 с.
51. *Катин, В. И.* Криминальный романтизм как явление культуры современной России : автореф. – Саратов, 2007. – 20 с.
52. *Кербиков, О. В.* *Избранные труды*. – М. : Медицина, 1971. – 313 с.
53. *Ким, Н.* Надежда, усталость, старость // *Экономические и социальные проблемы. Мониторинг общественного мнения*. – 1999. – № 1 (39). – С. 21–24.
54. *Кировская, Т. А.* Иерархические и сетевые структуры в социуме и в биосистемах / Т. А. Кировская, А. В. Олескин. – М. : МГУ, 2005. – 212 с.
55. *Клейменов, М. П.* Криминализация общества в России: культурологический аспект // *Преступность и культура*. – М. : Криминологическая ассоциация, 1999. – С. 19–23.
56. *Клейменов, М. П.* *Криминология* : учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова ; 4-е изд., перераб и доп. – М. : НОРМА, 2009. – 448 с.
57. *Клейменова, Е. Г.* Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика»*. – 2012. – № 3. – С. 33–37.
58. *Клейн, Л. С.* Проблема смены культур и теория коммуникации // *Количественные методы в гуманитарных науках*. – М., 1981. – С. 18–23.
59. *Ковалев, В.* *Душой и сердцем*. – Пермь : ИПК «Звезда», 1998. – 238 с.
60. *Кон, И. С.* *Любовь небесного цвета*. – М. : Продолжение жизни, 2001. – 384 с.
61. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [утв. Распоряж. Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. № 1772-р] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/
62. *Корецкий, Д. А.* Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов. – М. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 243 с.

63. *Котовский, Г. Г.* Введение: некоторые аспекты проблемы каст // *Касты в Индии* : сб. ст. – М. : Наука, 1965. – С. 3–40.
64. *Кочетков, А.* Криминальные появления в культуре современной России // *Законность*. – 2001. – № 5. – С. 26–30.
65. *Кравченко, В. И.* Социология : учеб. пособие. – СПб. : СПбГУАП, 2001. – 102 с.
66. *Крайслер, Л.* Тропами карибу. – М. : Мысль, 1966. – 212 с.
67. *Кривошеев, В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // *СоцИс*. – 2004. – № 3. – С. 93–97.
68. *Криминология* : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 899 с.
69. *Кудрявцев, М. К.* Кастовая система в Индии. – М. : Наука ; Восточная литература РАН, 1992. – 264 с.
70. *Кузьмин, С. И.* Организованные преступные группировки в местах лишения свободы. 30-е и первая половина 40-х годов // *Преступление и наказание*. – 1995. – № 1. – С. 35–39.
71. *Кузьмин, С. И.* Организованные преступные группировки в местах лишения свободы. Послевоенные годы // *Преступление и наказание*. – 1995. – № 3. – С. 23–27.
72. *Куценков, А. А.* Эволюция индийских каст. – М. : Наука, 1983. – 212 с.
73. *Куценков, А. А.* Из истории изучения индийской касты // *Народы Азии и Африки*. – 1980. – № 4. – С. 383–420.
74. *Лабас, Ю. А.* Этот безумный, безумный мир глазами зоопсихологов. Учебное пособие для власть имущих, нынешних и грядущих : этнопсихологические очерки / Ю. А. Лабас, И. В. Седлецкий. – М., 1992. – 259 с.
75. *Лебедев, С. Я.* Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность : учеб. пособие. – Омск : ВШМ МВД СССР, 1989. – 12 с.
76. *Леви-Брюль, Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
77. *Левинтон, Г. А.* Насколько «первобытна» уголовная субкультура // *Советская этнография*. – 1990. – № 2. – С. 96–100.
78. *Линден, Ю.* Обезьяны, человек и язык / пер. с англ. Е. П. Крюковой ; под ред. Е. Н. Панова. – М. : Мир, 1981. – 212 с.
79. *Лихачев, Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // *Язык и мышление*. – Т. III–IV. – М. ; Л., 1935. – С. 47–100.
80. *Ломброзо, Ч.* Преступный человек. – М. : Эксмо ; МИДГАРД, 2005. – 876 с.
81. *Лоренц, К.* Агрессия (так называемое «зло»). – М. : Культурная революция. – 2008. – 616 с.

82. *Лысак, И. В.* Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры / И. В. Лысак, Ю. Ю. Черкасова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 5. – С. 81–85.

83. *Лысак, И. В.* Тюремная субкультура в России / И. В. Лысак, Ю. Ю. Черкасова. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. – 112 с.

84. *Львов, Д. С.* Выступление руководителя экономического отделения РАН на Д. С. Львова в Кремле. – М., 2006. – URL: <http://forum.guns.ru/forummessage/15/118801.html>

85. *Майер, В. А.* Чешежопица. Очерки тюремных нравов. – М. : Новый век, 1995. – 205 с.

86. *Макаров, В. В.* Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности // Российский следователь. – 2014. – № 4. – С. 40–42.

87. *Малиновский, Б.* Научная теория культуры. – М. : ОГИ, 1999. – 208 с.

88. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии. – Т. I / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – Изд. 2-е, т. 23. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 632 с.

89. *Мацевич, И. М.* Мифы преступного мира. – М. : Проспект, 2012. – 368 с.

90. *Месарович, М.* Общая теория систем: математические основы / М. Месарович, Я. Такахара. – М. : Мир, 1978. – 254 с.

91. *Мецзяков, А. Н.* Книга японских символов. – М. : Наталис, 2003. – 212 с.

92. *Минаев, И. П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886 гг. / Отв. ред. акад. А. П. Баранников ; члены ред. колл.: Н. М. Гольдберг, Г. Г. Котовский ; Институт востоковедения АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 252 с.

93. *Минкина, Н. И.* Криминологический анализ культуры современного общества : автореф. – Иркутск, 2003. – 25 с.

94. *Мокрецов, А. И.* Социально-психологические проблемы в пенитенциарных учреждениях. – М. : НИИ ФСИН России, 1998. – 62 с.

95. *Мокрецов, А. И.* Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание : учеб.-метод. пособие / А. И. Мокрецов, В. В. Новиков. – 2-е изд., испр. – М. : НИИ ФСИН России, 2006. – 220 с.

96. *Нагорный, Р. С.* Смертная казнь: превентивная роль. Ужесточение наказания против неотвратимости наказания // Российский следователь. – 2006. – № 2. – С. 23–25.

97. *Некрасов, А. П.* Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие / А. П. Некрасов, И. Н. Кондрат, И. П. Третьяков //

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4 (28). – С. 251–256.

98. *Никифоров, А. С.* О смертной казни // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 65.

99. *Николис, Г.* Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / Г. Николис, И. Р. Пригожин. – М. : Мир, 1979. – 512 с.

100. *Овчинский, А. С.* Информационные воздействия и организованная преступность : курс лекций. – М. : Инфра-М, 2007. – 512 с.

101. *Олейник, А. Н.* «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека // ПолИс. – 2001. – № 2. – С. 40–51.

102. *Олейник, А. Н.* Маргиналы или мажоры: как субкультура становится элементом культуры // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4 (36). – С. 96–100.

103. *Олейник, А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М. : Инфра, 2001. – 418 с.

104. *Панарин, А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.

105. *Панов, Е. В.* Поведение животных и отологическая структура популяций. – М. : Наука, 1983. – 424 с.

106. *Панов, Е. Н.* Эволюция социальной организации // Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы / под ред. М. Л. Бутовской. – М. : Старый Сад, 1999. – С. 322–372.

107. *Панов, Е. Н.* Бегство от одиночества. – М. : Лазурь, 2001. – 87 с.

108. *Панов, Е. Н.* Этология человека: возникновение и перспективы развития // Биология и познание человека / А. П. Огурцов [и др.]. – М. : Наука, 1989. – С. 36–54.

109. *Пирожков, В. Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). – Тверь : ИПП «Приз», 1994. – 135 с.

110. *Пирожков, В. Ф.* Криминальная психология. – М. : Ось-89, 2007. – 704 с.

111. *Пирожков, В. Ф.* Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функции, содержания, атрибутики // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. № 2. – С. 38–51.

112. *Пищелко, А. В.* Реадаптация и ресоциализация / А. В. Пищелко, Д. В. Сочивко. – М. : Пер СЭ, 2003. – 208 с.

113. *Платон.* Государство // Соч. в четырех томах. – Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. – 752 с.

114. *Плюснин, Ю. М.* Поведенческие структуры управления в сообществах животных // Системный метод и современная наука. – Новосибирск : НГУ, 1979. – Вып. 5. – С. 104–112.
115. *Подлесских, Г.* Воры в законе: бросок к власти / Г. Подлесских, А. Терешенок. – М. : Художественная литература, 1995. – 254 с.
116. *Познышев, С. В.* Основы пенитенциарной науки. – М., 1924. – 342 с.
117. *Полубинская, С. В.* Цели уголовного наказания. – М. : Наука, 1990. – 102 с.
118. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. ; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
119. *Протопопов, А. И.* Этология человека и ее место в науках о поведении // *Этология. ру.* – URL: <http://ethology.ru/library/?id=49>
120. *Пряжников, Н. С.* Психология элитарности. – М. ; Воронеж : Моск. психол. Ин-т ; Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 512 с.
121. *Реверчук, И. В.* Возможные популяционные детерминанты неврозогенеза: психодинамические и бихевиоральные аспекты // Актуальные проблемы психиатрии и наркологии. – Ижевск, 2007. – С. 98–106.
122. *Резникова, Ж. И.* Экология, этология, эволюция. – Ч. I. Структура сообществ и коммуникация животных. – Новосибирск : Мост, 1997. – 212 с.
123. *Руцкой, А.* Кровавая осень. Дневник событий 21 сентября – 4 октября 1993 года. – М., 1995. – 409 с.
124. *Самойлов, Л. (Клейн, Л. С.).* Путешествие в перевернутый мир // Нева. – 1989. – № 9. – С. 150–165.
125. *Самойлов, Л. (Клейн, Л. С.).* Этнография лагеря // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 96–108.
126. *Самохвалов, В. П.* История души и эволюция помешательства (начала эволюционного психоанализа). – Сургут : Северный Дом, 1994. – 288 с.
127. *Самохин, Н. И.* Людская цена Второй мировой войны // Пятая газета. – 2017. – № 20.
128. *Саридис, Д.* Самоорганизующиеся стохастические системы управления. – М. : Наука, 1980. – 397 с.
129. *Семке, В. Я.* Пенитенциарная психология и психопатология : рук-во в 2 т. / В. Я. Семке, С. И. Гусев, Г. Я. Снегирева. – Т. 2. – М. ; Томск ; Кемерово, 2007. – 576 с.
130. *Сидоров, А. А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. – Книга первая (1917–1940 гг.). – Ростов-н/Д. : МарТ, 1999. – 298 с.

131. *Сидоров, А. А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. – Книга вторая (1941–1991 гг.) : в 2 т. – Ростов-н/Д., МарТ, 1999. – 257 с.
132. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте / С. Б. Пономарев [и др.]. – Екатеринбург : УрО РАН, 2008. – 148 с.
133. *Снегов, С.* Язык, который ненавидит. – М. : Просвет, 1991. – 256 с.
134. *Солженицын, А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. – Т. 1–3. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
135. *Соколов, С. А.* Проблемы определения критериев и степени исправления осужденных к лишению свободы // История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : НИИ ФСИН России, 2009. – С. 66–70.
136. Социология : учеб. / Ю. Г. Волков [и др.] ; под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Гардарики, 2003. – 524 с.
137. *Степин, В. С.* Культура // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. – Т. 2. – М. : Мысль, 2001. – 212 с.
138. *Сундуров, Ф. Р.* Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей / науч. ред. Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 59 с.
139. *Тайбаков, А. А.* Преступная субкультура // СоцИс исследования. – 2001. – № 3. – С. 90–93.
140. *Тищенко, Н. В.* Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре. – Саратов : ООО «Издат. центр «Наука», 2012. – 184 с.
141. *Тищенко, Н. В.* Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности // Вестник СГТУ. – 2013. – № 2 (70). – С. 229–233.
142. *Тищенко, Н. В.* Тюремная субкультура в пространстве культурных практик : дис. ... д-ра культурол. наук. – Саратов, 2013. – 349 с.
143. *Ткачева, Е. П.* Мифосемиотика тюремной субкультуры в контексте маргинального сознания : дис. ... канд. культурол. наук. – Киров, 2009. – 145 с.
144. *Тулегенов, В. В.* Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2003 – 28 с.
145. *Тулегенов, В. В.* Криминальная культура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. – 2005. – № 5 (28). – С. 220–226.

146. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для юрид. вузов и факультетов ; под ред. засл. деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова. – М. : Издат. группа «Инфра-М-Норма», 1997. – 614 с
147. Универсальный энциклопедический словарь. – М., 2012. – 230 с.
148. *Успенская, Е. Н.* Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации : автореф. – СПб., 2010. – 50 с.
149. *Усс, А.* Допустимо ли исправлять осужденных // Человек: преступление и наказание. – 1994. – № 1. – С. 29–30.
150. *Ушатиков А. И.* Пенитенциарная психология : учеб. / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003. – 758 с.
151. *Фаттахов, С. Г.* Неформальные организации осужденных и управление ими // Биологическое и социальное в личности преступника и проблемы ее ресоциализации : сб. науч. тр. по материалам науч.-теорет. конф. 21–22 окт. 1993 г. – Уфа : УВШ МВД РФ, 1993. – С. 143.
152. *Федосеева, А. А.* Криминальная субкультура как агент социализации молодежи : автореф. – Майкоп, 2012. – 24 с.
153. *Фролова, Л. И.* Социально-психологические механизмы экспансии криминальной субкультуры // Преступность и культура / под ред. А. И. Долговой. – М. : Криминологическая ассоциация, 1999. – С. 40–41.
154. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. – М. : Ad Marginem, 1999. – 408 с.
155. *Фурсов, А.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. – М. : Litres, 2017. – 210 с.
156. *Хакен, Г.* Синергетика. – М. : Мир, 1980. – 405 с.
157. *Ханипов, Р. А.* Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России, 2008. – № 3. – С. 132–148.
158. *Хохряков, Г. Ф.* Парадоксы тюрьмы. – М. : Юрид. лит., 1991. – 85 с.
159. *Чалидзе, В. Н.* Иерархический человек : социобиологические заметки : Chalidze Publications, 1989. – 220 с.
160. *Черкасова, Ю. Ю.* Миф в контексте тюремной субкультуры (на примере российской тюремной мифологии) : дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-н/Д., 2009. – 155 с.
161. *Чехов, А. П.* Остров Сахалин: (Из путевых записок) // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 14. – М. : АН СССР: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 1976. – С. 39–372.

162. Шаламов, В. Колымские рассказы // Собр. соч. : в 4 т. – Т. 2. – М. : Вагриус ; Худож. лит., 1998. – 509 с.
163. Шаламов, В. Очерки преступного мира : очерки, рассказы. – М., 1960. – 212 с.
164. Шемякина, В. В. Криминальная субкультура в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 201 с.
165. Шенорик, А. И. Субкультура // Социологическая энциклопедия: в 2 т. – Т. 2. – М. : Национальный общественно-научный фонд, 2003.
166. Шульц, Д. У. Моя жизнь среди индейцев. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1965. – 360 с.
167. Эйген, М. Гиперцикл. Принципы самоорганизации макромолекул / М. Эйген, П. Шустер. – М. : Мир, 1982. – 212 с.
168. Яковлев, Н. А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния : дис. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2006. – 228 с.
169. Calhoun, J. B. Population density and social pathology // Sci. Amer. – 1962. – Vol. 206. – P. 139–148.
170. Clemmer, D. The Prison Community. – New York, 1940. – 212 p.
171. Cohen, A. Delinquent boys: The culture of the gang. – New York : Free Press, 1955. – 202 p.
172. Eigen, M. The Hypercycle / M. Eigen, P. Schuster. – Berlin : Springer, 1979. – 212 p.
173. Foucault, M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. – Paris : Gallimard, 1975. – 328 p.
174. Helder, R. Potential stock differences in the social behavior of rats in a situation of restricted access to food / R. Helder, D. Desor, A. M. Toniolo // Behavior Genetics. – 1995. – V. 25. No 5. – P. 483–487.
175. Hutton, J. H. Caste in India. 4th Ed. – Bombay, 1968. – 212 p.
176. Lorenz, K. Der Kumpan in der Umwelt des Vogels // J. Ornithol. 1935. – V. 83. – 543 p.
177. Mathiesen, T. Prison on Trial: A Critical Assessment. – London, 1990. – 212 p.
178. Piacentini, L. Pallot J. «In Exile Imprisonment» in Russia // Br J Criminol. – 2014. – № 1 (54). – P. 20–37.
179. Piacentini, L. Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // Theoretical Criminology. – 2015. – № 2 (19). – P. 179–197.
180. Platek, M. Prison subculture in Poland // International Journal of Sociology of Law. – 1990. – Vol. 18. – № 4. – P. 459–460.
181. Reeve, F. K. Queen activation of lazy workers in colonics of eusocial naked mole-rat // Nature, 1992. – V. 358. – P. 147–149.

182. *Rodger, J. J.* Criminalising social policy: anti-social behaviour and welfare in a de-civilised society (Cullompton Willan, 2008) Review by Morgan R. // Br J Criminol. – 2010. – № 1 (50). – P. 145–147.
183. *Scjelderupp-Ebbe, T.* Social behavior of birds // Handbook of Social Psychology, Clarc Univ. press, Worchester mass. – 1935. – P. 947–972.
184. *Sellin, T.* Culture Conflict and Crime. – N. Y. : social Science Reseach Council, 1938. – 212 p.
185. *Singh, S.* Caste in India. A trend report // A Survey of research in sociology and social anthropology. – Vol. I. – Bombay, 1974. – 325 p.
186. *Tinbergen, N.* An objectivistic study of the inmate behavior of animals // *Bibl. Biotheor.* – 1942. – No 1/2. – P. 39–98.
187. *Tinbergen, N.* On Aims and Methods in Ethology // *Z. Tierpsychol.* – 1963. – V. 20. – № 5. – 410 p.
188. Unemployment, Inequality, Poverty and Crime: Spatial Distribution Patterns of Criminal Acts in Belgium / M. Hooghe [et al]. // Br J Criminol. – 2011. – № 1 (51). – P. 1–20.
189. *Whitfield, J.* Other neoliberal penalties: Marching Powder and prison tourism in La Paz // *Theoretical Criminology.* – 2016. – № 3. – P. 358–375.
190. *Wilson, E. O.* Sociobiology, the New Synthesis. – Belnap Press of Harward University Press, Cambridge, Mass, 1975. – 321 p.
191. *Zedner, L.* Penal subversions: When is a punishment not punishment, who decides and on what grounds? // *Theoretical Criminology.* – 2016. – № 2. – P. 3–20.
192. Полит. ру. – URL: <http://polit.ru/article/2010/11/01/chubays/> (дата обращения: 30.07.2017).
193. *Иванов, Иван.* Анафема. Хроника государственного переворота. – URL: <http://www.1993.sovnarkom.ru/KNIGI/IVANOV.I/anafema1.htm> (дата обращения: 30.07.2017).
194. Pikabu. – URL: https://pikabu.ru/story/malyava_2485466 (дата обращения: 23.07.2017).
195. Pikabu. – URL: https://pikabu.ru/story/vecher_v_khatu_4522940 (дата обращения: 25.07.2017).
196. Спрашивалка. – URL: <https://sprashivalka.com/q/1035186520> (дата обращения: 30.07.2017).
197. Как любят уголовники. – URL: <https://www.yaplakal.com/forum7/st/50/topic1472897.html> (дата обращения 15 июля 2017).
198. *Ханитов, Рамиль.* Тюремная/криминальная культура как доминирующая культура российского общества. – URL: <http://p.120-bal.ru/kultura/29126/index.html> (дата обращения: 16.07.2017).

Слова тюремного аргю, встречающиеся в книге

Авторитет – заключенный, занимающий один из высших рангов в преступной иерархии

Активист – см. «козел»

Апельсин – вор в законе, купивший свое звание

Баландер – раздатчик пищи

Барыга – перекупщик

Баян – шприц

Беспредел – действие, резко идущее вразрез с существующими правилами жизни

Блатной – осужденный, принадлежащий к группе профессиональных преступников

Ботать – разговаривать

Ботать по фене – разговаривать на воровском жаргоне

Браслеты – наручники

Бык – член охраны авторитетного вора

Вор в законе – высшая ступень в преступной иерархии

Воровской прогон – предписание сходки авторитетных воров, воровской наказ

Вязать – арестовать

Глина – экскременты

Грев – см. «подогрев»

Дальняк – уборная

Законник – «авторитетный» осужденный, живущий по воровским законам

Закончаться – см. «зашквариться»

Замочить – убить

Зашквариться (опомоиться, закончаться) – перенять ритуальную нечистоту от представителя касты «петухов» путем физического контакта

Звонок – конец отбытия наказания

Зек – заключенный

Зона – часть территории учреждения уголовно-исполнительной системы, огороженная стеной или колючей проволокой

Канать – 1) идти; 2) донимать

Кича – тюрьма, пенитенциарное учреждение
Козел – осужденный, сотрудничающий с администрацией, активист
Колеса – таблетки
Конегон – ответственный за незаконную передачу информации и различных предметов между камерами
Копченное солнышко – анальное отверстие
Кормушка – отверстие в двери камеры для подачи пищи
Косяк – 1) промах; 2) самокрутка с анашой; 3) красная нарукавная повязка
Кочет – см. «петух»
Крыса – заключенный, воруемый у отбывающих с ним наказание осужденных
Ксива – документ
Кум – оперативный работник
Лепило – врач
Лохматый вор – насильник
Малолетка – воспитательная колония
Малява – письмо
Мандарин – см. «апельсин»
Марафет – 1) морфий; 2) красота
Марочка – носовой платок с вручную нарисованной картинкой
Масть – принадлежность к социальной страте
Мацать – обнимать
Мент – 1) милиционер; 2) сотрудник силовых структур
Наколка – татуировка
Обезьянник – камера предварительного заключения
Обиженка – помещение для «петухов»
Общак – тайная бандитская «касса взаимопомощи»
Опомоиться – см. «зашквариться»
Опускание – изнасилование, перевод в страту «петухов»
Отложить личинку – совершить акт дефекации
Откинуться – освободиться (из заключения)
Отрицалово – лидеры «отрицательной направленности»
Очко – 1) карточная игра; 2) анальное отверстие
Параши – 1) туалет; 2) емкость для испражнений; 3) непроверенный слух

Партак – татуировка
Петух – член одной из низших страт в тюремном социуме, пассивный гомосексуалист
Пинч – см. «петух»
Повязочник – см. «козел»
Подогрев (грев) – нелегальная передача в ИУ наркотиков, алкоголя, денег и т. п.
Положенец – человек, отвечающий за положение в отряде или исправительном учреждении
Понятия – система неформальных норм и правил
Правильный мужик – заключенный, придерживающийся «тюремных законов»
Прикид – одежда
Прописка – процедура принятия новичка в тюремное сообщество
Рамсы – 1) непонимание; 2) конфликт
Секция – самодеятельная организация осужденных
Смотрящий – при отсутствии вора в законе осужденный, следящий за соблюдением «тюремных законов»
Сходняк – собрание воров, неформальный коллегиальный орган, регулирующий жизнь в исправительном учреждении
Сходка – см. «сходняк»
Тигрятник – помещение для содержания «лидеров отрицательной направленности», камера штрафного изолятора
Торпеда – исполнитель решения сходки воров
Уркаган – опытный вор
Фарт – везение
Феня – воровской жаргон
Фрак с орденами – набор татуировок осужденного
Фуфло – 1) задница; 2) обман
Хавать – принимать пищу
Хавка – пища
Хавальник – лицо
Хата – камера
Ходка – отбытие наказания в виде лишения свободы
Чалиться – отбывать наказание
Черт – член одной из низших страт в тюремном социуме

Чмо – «человек московской области», то же самое, что и «чушок»

Чушок – см. «черт»

Шконка – койка

Шлюмка – 1) миска; 2) проститутка

Шмон – обыск

Шмотки – одежда

Шнырь – член страты «чертей», занимающийся обслуживанием «блатных»

Научное издание

Пономарёв Сергей Борисович

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
С ПОЗИЦИИ ЭТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕОРИИ СИСТЕМ

Монография

Редактор *Н. К. Швиндт*

Технический редактор *С. В. Звягинцова*

Верстка *С. В. Петуховой*

Оформление обложки *Е. А. Рябичевой*

Подписано в печать 15.11.2017. Формат 60×84/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 8,37. Заказ № 388. Тираж 300 экз. (1-й з-д 1–100)

Издательство Ижевского государственного технического университета
имени М. Т. Калашникова
Отпечатано в типографии Издательства ИжГТУ. 426069, Ижевск, Студенческая, 7